ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

ISSN 2312-0312

№ 3 (67) 2024

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, № 3 (67) 2024

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Учредитель – Государственное бюджетное научное учреждение
при Правительстве Республики Марий Эл
«Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В.М. Васильева»

Редакционный совет:

Григорьева Людмила Яковлевна, председатель ред. совета, канд. филол. наук, директор МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Акшиков Александр Геннадьевич, секретарь ред. совета, канд. ист. наук, зам. директора-ученый секретарь МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Агранат Татьяна Борисовна, д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва)

Воронцов Владимир Степанович, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Удмуртского филиала Института философии и права УрО РАН (г. Ижевск)

Муллонен Ирма Ивановна, д. филол. н., профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории ФИЦ Карельского НЦ РАН (г. Петрозаводск)

Косинцева Елена Викторовна, д-р филол. наук, доцент, главный научный сотрудник Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск)

Крыласова Наталья Борисовна, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института гуманитарных исследований Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН (г. Пермь)

Куршева Галина Александровна, д-р ист. наук, директор Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск)

Лехтинен Илдико, д-р философии, доцент Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия)

Ошаев Алексей Григорьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории историко-филологического факультета Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Пустаи Янош, профессор, д-р философии, председатель Ассоциации финно-угорских литератур, директор Института Collegium Fenno-Ugricum (г. Бадачоньтомай, Венгрия)

Ракин Анатолий Николаевич, д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)

Сергеев Олег Арсентьевич, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ (г. Йошкар-Ола)

Тендер Тыну, д-р философии, директор Института эстонского языка (г. Тарту, Эстония)

Чузаев Родион Иванович, канд. ист. наук, директор Института национальной культуры и межкультурной коммуникации Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола)

Редакционная коллегия:

Ипакова Марина Тимерьяновна – главный редактор, канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Никитина Татьяна Багишевна – зам. главного редактора, д-р ист. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Пенькова Мария Викентьевна – отв. за выпуск журнала, канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Акилбаев Александр Владимирович – отв. редактор направления «Археология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кошкина Ольга Анатольевна – отв. редактор направления «История», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Орлова Ольга Викторовна – отв. редактор направления «Социология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Свечников Сергей Константинович – отв. редактор направления «Этнология», канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Сибатрова Серафима Сергеевна – отв. редактор направления «Лингвистика», канд. филол. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Федосеева Надежда Александровна – отв. редактор направления «Литературоведение и фольклористика», канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Абукаева Любовь Алексеевна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Иванов Ананий Герасимович – д-р ист. наук, профессор Марийского государственного университета

Ключева Мария Аркадьевна – канд. искусствоведения, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Кудрявцева Раисия Алексеевна – д-р филол. наук, профессор Марийского государственного университета

Молотова Тамара Лаврентьевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник МарНИИЯЛИ

Шкалина Галина Евгеньевна – д-р культурологии, профессор Марийского государственного университета

Эрцикова Галина Алексеевна – канд. филол. наук, зам. директора по научной работе МарНИИЯЛИ

Мнения, высказанные в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ, 2024
© Авторы статей, 2024

FINNO-UGRIC STUDIES, No. 3 (67) 2024

Scientific journal
The journal is founded in 1994 (February).
ISSN 2312-0312 (Print), ISSN 2713-2250 (Online)

Founder – State Budget Scientific Institution under the Government of the Republic of Mari El "V.M. Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History"

Editorial Review Board:

Grigoryeva L.Ya., Candidate of Philology, Director of the Mari Research institute, Chairperson of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Akshikov A.G. Candidate of History, Deputy Director-Academic Secretary of the Mari Research Institute Secretary of the Editorial Board (Yoshkar-Ola)

Agranat T.B., Doctor of Philology, Leading Researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow)

Vorontsov V.S., Candidate of History, Senior Researcher at the Udmurt Branch of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk)

Mullonen I.I., Doctor of Philology, Professor, RAS Corr. Fellow, Chief Researcher at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk)

Kosintseva E.V., Doctor of Philology, Associate Professor, Chief Researcher of Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk)

Krylasova N.B., Doctor of History, Chief Researcher at the Institute of Humanitarian Studies of the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Perm)

Kursheva G.A., Doctor of History, Director of the Research Institute of Humanities affiliated to the Governmet of the Republic of Mordovia (Saransk)

Lehtinen Ildiko, Doctor of Philosophy, Associate Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Oshaev A.G., Candidate of History, Associate Professor of the National History Chair, Faculty of History and Philology, Mari State University (Yoshkar-Ola)

Pusztay János, Doctor of Philosophy, professor emeritus universiteta Loranda Eötvösa (Budapest), Chairman of the Association of Finno-Ugric Literatures, Director of Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary)

Rakin A.N., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar)

Sergeev O.A., Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute (Yoshkar-Ola)

Tõnu Tender, Doctor of Philosophy, Director of the Estonian Language Institute (Tartu, Estonia)

Chuzaev R.I., Candidate of History, Director of the Institute of National Culture and Intercultural Communication (Yoshkar-Ola)

Editorial Board:

Ipakova M.T., Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Nikitina T.B., Deputy Editor, Doctor of History, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Penkova M.V., Executive Editor, Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Akilbayev A.V., Executive Editor of the series «Archaeology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Koshkina O.A., Executive Editor of the series «History», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Orlova O.V., Executive Editor of the series «Sociology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Svechnikov S.K., Executive Editor of the series «Ethnology», Candidate of History, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Sibatrova S.S., Executive Editor of the series «Linguistics», Candidate of Philology, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Fedoseeva N.A., Executive Editor of the series «Literary Studies and Folklore Studies», Candidate of Philology, Leading Researcher of the Mari Research Institute

Abukaeva L.A., Doctor of Philology, Chief Researcher of the Mari Research Institute

Ivanov A.G., Doctor of History, Professor of the Mari State University

Klyucheva M.A., Candidate of Art History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Kudryavtseva R.A., Doctor of Philology, Professor of the Mari State University

Molotova T.L., Candidate of History, Senior Researcher of the Mari Research Institute

Shkalina G.E., Doctor of Culturology, Professor of the Mari State University

Ertsikova G.A., Candidate of Philology, Deputy Director for Scientific Work of the Mari Research Institute

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

Абукаева Л.А. Синтаксические фразеологизмы со значением логической обусловленности и обстоятельственной характеристики в марийском языке 7
Некрасова О.И. Сравнение в контексте создания зоонимических образов в поэтических произведениях А.Е. Ванеева 17
Шибанов А.А. Степени сравнения наречий в удмуртском языке 35

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Бакула В.Б. Малая проза саамского писателя Н. Большаковой 48
Каторова А.М. Стихотворение А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» в переводах на мордовские языки 57
Савельева Г.С., Панюков А.В. Песня «Во саду ли, в огороде» в фольклоре коми-зырян 69

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

Кудрявцев А.Н. Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 годов. Мемориальная книга. Том III. Волости Уржумского уезда Вятской губернии 86
Устьянцев Г.Ю., Пискунов Т.В. Ресторанная еда в процессе трансформации пищевых практик мордвы и марийцев 95

ПЕРСОНАЛИИ

Молотова Т.Л., Бушков Р.А. К юбилею В.И. Яковлева 104
Пенькова М.В. «В слове познается мудрость…» (к юбилею Н.А. Федосеевой) 109
Федосеева Е.Н. К 75-летнему юбилею А.Н. Ракина 118

РЕЦЕНЗИИ

Бояринова Г.Н. Рец.: Михайлов В.Т. Педагогическая мысль и философские воззрения мари: антология / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2024. – 548 с. 125
Крыласова Н.Б. Рец.: Никитина Т.Б., Никитин В.В., Ефремова Д.Ю. Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры / Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. – Йошкар-Ола: Принтекс, 2024. – 206 с. 131

ХРОНИКА

Памяти Валерия Валентиновича Никитина (1940–2024) 137

CONTENTS

ARTICLES

LINGUISTICS

Abukaeva L.A. Syntactical phraseological units expressing the meaning of logical conditionality and adverbial characteristics in Mari 7

Nekrasova O.I. Simile in the context of the creation of zoonymic images in the poetic works of A.E. Vaneev 17

Shibanov A.A. Degrees of comparison of adverbs in the Udmurt language 35

LITERATURE STUDIES AND FOLKLORISTICS

Bakula V.B. Minor prose of Sami writer N. Bolshakova 48

Katorova A.M. A.S. Pushkin's poem "A monument I've raised not built with hands…" in translations into Mordovian languages..... 57

Savelyeva G.S., Panyukov A.V. The song "Vo sadu li, v ogorode" in Komi-Zyrian folklore 69

HISTORY AND ETHNOLOGY

Kudryavtsev A.N. Mari region in the First World War from 1914 to 1918. Memorial book. Vol. III. Volosts of Urzhumsky district of Vyatka province ... 86

Ustyantsev G.Yu., Piskunov T.V. Restaurant food in the context of transformation food practices of the Mordvins and the Mari people..... 95

PERSONALIA

Molotova T.L., Bushkov R.A. To the anniversary of V.I. Yakovlev 104

Penkova M.V. «To find wisdom in words…» (to the anniversary of N.A. Fedoseeva) 109

Fedoseeva E.N. To the 75th anniversary of the birth of A.N. Rakin 118

BOOK REVIEWS

Boyarinova G.N. Review of Mikhailov V.T. Pedagogical Thoughts and Philosophical Views of the Mari: anthology / Ministry of science and higher education of the Russian Federation, Mari State University. – Yoshkar-Ola: MarSU, 2024. – 548 p. 125

Krylasova N.B. Review of Nikitina T.B., Nikitin V.V., Efremova D. Yu. Object, Image, Symbol: to the Origins of Mari Culture / Vasilyev Mari Research Institute of Language, Literature and History, T. Evseev National Museum of the Mari El Republic. – Yoshkar-Ola: Printecs, 2024. – 206 p. ... 131

CHRONICLE

In memory of Valery Valentinovich Nikitin (1940–2024) 137

СТАТЬИ

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.511.151
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-7-16

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ЛОГИЧЕСКОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024 г. Л.А. Абукаева

Введение. В разговорной речи, художественном и публицистическом стилях продуктивностью и выразительностью отличаются синтаксические конструкции, передающие, помимо объективного содержания, эмоциональные реакции и волевые усилия говорящего, усиливающие оценочность и выразительность высказывания. Экспрессивные синтаксические конструкции акцентируют мысль в силу их противопоставленности структурам нейтрального синтаксиса. В их состав входят синтаксические фразеологизмы (СФ). **Цель работы** – выявление и описание структурных и семантических особенностей СФ, передающих значения логической обусловленности и обстоятельственной характеристики в марийском языке. **Материалы и методы.** В работе использованы материалы, извлеченные из Национального корпуса марийского языка (в ссылках – НКМЯ, с указанием автора произведения). **Методы исследования** – трансформационный и компонентный анализ, метод синтаксического моделирования, лингвистическое описание. **Результаты исследования, обсуждение.** СФ, будучи структурами экспрессивного синтаксиса, выражают широкий спектр субъективно-модальных значений. СФ строятся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты. В роли постоянных компонентов СФ в марийском языке выступают местоимения и местоименные наречия, послелоги, союзы, частицы. Семантика таких предложений предопределяется не только лексическим составом схемы, но и ее постоянными компонентами, зависит от микро- или макроконтекста, конситуации и интонации. В состав СФ, имеющих значение логической обусловленности и обстоятельственной характеристики, входят четыре

семантические разновидности. **Заключение.** Употребление СФ со значением логической обусловленности и обстоятельственной характеристики в марийском языке служит показателем смягченного, завуалированного несогласия или возражения, опровержения, а также чувства неуверенности, сомнения, недоверия, неопределенности, нерешительности, безразличия, утраты интереса, возражения, возмущения, категорического утверждения собственной правоты.

Ключевые слова: марийский язык; субъективная модальность; синтаксические фразеологизмы; структура; семантика; функции.

Введение

СФ – это структуры экспрессивного синтаксиса, выражающие, помимо объективного содержания предложения, отношение говорящего к высказыванию и строящиеся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты.

Цель статьи – выявление и описание структурных и семантических особенностей СФ, передающих значения логической обусловленности и обстоятельственной характеристики в марийском языке.

Материалы и методы. В работе использованы материалы, извлеченные из Национального корпуса марийского языка. Методы исследования – трансформационный и компонентный анализ, метод синтаксического моделирования, лингвистическое описание.

Результаты исследования, обсуждение. СФ, будучи структурами экспрессивного синтаксиса, выражают широкий спектр субъективно-модальных значений [Абукаева, 2006, с. 94].

Способы выражения модальных значений средствами синтаксиса, а также стилистический потенциал синтаксических конструкций в финно-угорских языках анализируются в работах таких исследователей, как А.И. Малых [1961], Л. Хартунг [1980], Т.И. Прокушева [1982], Э. Ууспыльд [1985], Н.Б. Кошкарева [1988], В.В. Поздеев [1990], М.Н. Жеребцова [1990], Н.И. Рузанкин [1996, 2000], М.И. Черемисина и В.Н. Соловар [1998], Р.А. Алешкина [2000] и др.

СФ как предложения с субъективно-модальным значением строятся по моделям, которые включают постоянные компоненты, воспроизводимые говорящим при конструировании предложения, и свободные компоненты. СФ несут в себе прагматический потенциал «сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [Чайковский, 1971, с. 196].

Употребление СФ в разговорной речи, их предпочтение перед предложениями, организованными по свободным структурным схемам, – одно из

ярких проявлений особенностей разговорной речи, двух противоположных ее признаков: стремления к шаблону, к использованию готовых речевых формул и стремления к свободному построению единиц. С одной стороны, использование готовых образцов для выражения мысли и субъективно-модальных значений объясняется автоматизмом протекания речевого акта. По мнению Е.А. Земской, говорящий, находясь в условиях непринужденного неподготовленного общения, стремится упростить и облегчить свое «речевое поведение, поэтому он легко и часто прибегает к готовым языковым формулам, в том числе всякого рода клише, шаблонам и стереотипам» [1981, с. 6]. С другой стороны, используя СФ, говорящий воспроизводит только модель, свобода речетворчества при этом сохраняется, так как свободным является лексический состав модели. Шаблонность и стереотипность не лишают фразеологизированные структуры выразительности.

В состав СФ, имеющих значение логической обусловленности и обстоятельственной характеристики, в марийском языке входят четыре семантические разновидности.

1. Модель «сущ. + сущ. + дене / шот дене / семын, (а / но / да …»

К первой разновидности СФ, выражающих значение логической обусловленности и обстоятельственной характеристики, относятся конструкции, которые строятся на основе двухкратного повтора существительного в именительном падеже; при втором существительном в качестве постоянного компонента выступает послелог *дене* или *шот дене* ‘с’, в некоторых случаях его замещает послелог *семын* ‘подобно’, например: ***Санкомиссий – санкомиссий шот дене, а*** *арулыкым тергыме амал дене пашалан чаракым ышташ?* [НКМЯ, Волков А.] ‘**Санкомиссия санкомиссией**, а под видом проверки в работе создать помеху?’; ***Паша паша дене, а*** *айдемын чонжылан келшыше шке сомылжат лийшаш* [НКМЯ, Илибаева М.] ‘**Работа работой, а** у человека должно быть свое дело по душе’.

Значение таких конструкций выявляется при сопоставлении их с предложениями нейтрального синтаксиса, где рассматриваемым СФ соответствуют сложноподчиненные предложения с придаточным уступки или сложносочиненные предложения со значением противопоставления. Названные структуры находятся в отношениях синтаксической синонимии. Ср.: *Но* ***модыш модыш дене*** *– шинча ден пылышат шке пашаштым ыштышаш улыт: эре тӱткӧ лийман* [НКМЯ, Юнусова Е.] ‘Но **игра игрой** – глаза и уши тоже должны выполнять свою работу: всегда нужно быть внимательным’ и *Модыш пеш оҥай гынат, шинча ден пылышат шке пашаштым ыштышаш улыт: эре тӱткӧ лийман* ‘Хотя игра очень интересная, глаза и уши тоже должны выполнять свою работу: всегда нужно быть внимательным’; *Модыш пеш оҥай, но шинча ден пылышат шке пашаштым ыштышаш улыт:*

эре тӱткӧ лийман ‘Игра очень интересная, но глаза и уши тоже должны выполнять свою работу: всегда нужно быть внимательным’. Вторая часть фразеологизированной конструкции содержит значение уступительного противопоставления.

Союзы *а, но*, реже союз *да* в значении ‘*но*’ служат формальными показателями противительных отношений, например: *Ит мондо:* ***паша – паша семын, а*** *тазалыкым пазарыште оксала огыт ужале* [НКМЯ, Шкетан М.] ‘Не забывай: **работа – работой, а** здоровье на базаре за деньги не продают’; ***Ола ола дене, но*** *вет... киндымат куштыман* [НКМЯ, Бердинский В.] ‘**Город городом, но** ведь… и хлеб нужно выращивать’. Однако эти компоненты могут и отсутствовать, при этом значение противопоставления выражается в бессоюзной конструкции: ***Паша паша дене,*** *эше вет марий уло. Кызыт пеш тораште, но пел ий гыч толын шуэш* [НКМЯ, Бердинский В.] ‘**Работа работой**, еще ведь муж есть. Сейчас очень далеко, но через полгода вернется’. В таких же синтаксических отношениях могут находиться простые предложения, следующие друг за другом, например: ***Роскот – роскот дене****. Мыланна суап лиеш* [НКМЯ, Майоров Ф.] ‘**Расходы расходами**. Нам во благо будет’.

СФ, обе части которых построены по рассматриваемой модели, являются более выразительными, чем предложения, вторая часть которых образована по свободной структурной схеме, так как дополнительная экспрессивность обеспечивается параллельным строением предложений: *– Шольым, тыге ок йӧрӧ, – Элыксе Миклай коча кочмо кокла гыч совлам ӱстембаке пышта, Степаным шке икшыве семын ончалеш, –* ***паша паша дене, илыш илыш дене*** [НКМЯ, Смирнов-Сэмэнгэр В.] ‘– Братишка, так не годится, – дед Алексей Михайлович, прервав еду, положил ложку на стол, посмотрел на Степана как на своего ребенка, – **работа работой, жизнь жизнью**’.

Усилению экспрессивности способствует также позиционное разделение частей СФ: *Такшым,* ***сӱан – сӱан дене****, ӱдыр-влак кызыт шукын улыт, вараш от код <…>. Но мый, кернак, шонем-шонемат, шудым шупшыкташ имне кӱлешак* [НКМЯ, Абукаев-Эмгак В.] ‘Так-то **свадьба свадьбой**, девушек сейчас много, не опоздаешь. Но я, правда, как подумаю, все же сено возить лошадь нужна’.

Употребление СФ этой модели служит свидетельством смягченного, завуалированного несогласия или возражения, опровержения, а также чувства неуверенности, сомнения: *–* ***Закон – закон шот дене, а*** *мый тылат... – Александр Сергеевич!* [НКМЯ, Бердинский В.] ‘– **Закон законом, а** я тебе… – Александр Сергеевич!’; ***Ийгот ийгот шот дене, а*** *пашаш пижын гын, ыштен моштыман* [НКМЯ, Колумб В.] ‘**Возраст возрастом, а** если приступил к работе, то надо уметь выполнять’.

2. Модель «сущ. / прил. / числ. / мест. / глаг. / нар. + суф. -ше / -шо / -шӧ / -же / -жо / -жӧ + (тудо) + сущ. / прил. / числ. / мест. / глаг. / нар., а / но / да…»

СФ рассматриваемой модели выражают подчеркнутое противопоставление одного явления другому: ***Умылашыже умылышым да,*** *шотым ом му* [НКМЯ, Иванов В.] ‘**Понять-то я понял, да** в толк не возьму’; *Ложашым* ***налашыже нальым, а*** *мом тудын дене ышташ?* [НКМЯ, Галютин Ю.] ‘Муку **купить-то я купил, а** вот что с ней делать?’; ***Моторжо мотор да*** (шешке. – *Л.А.*)*... ял илышлан йӧра мо?* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘**Красивая-то красивая** (сноха. – *Л.А.*)... **да** для деревенской жизни годится ли?’ ***Мыйже мый да,*** *тыньым ом палыс* [НКМЯ, Ялкайн Я.] ‘**Я-то я, но** тебя ведь не знаю’.

Противительно-уступительное значение экспрессивных конструкций выявляется при их сопоставлении с синонимичными предложениями нейтрального синтаксиса. Ср.: ***Келшашыже келшыш, да*** *кӧргешыже йошкын кодо: шонымыж семын ыш лий* [НКМЯ, Александров-Арсак А.] ‘**Согласится-то он согласился, да** в душе остался осадок: не вышло как он хотел’ и *Келшыш гынат, кӧргешыже йошкын кодо* ‘Хотя он согласился, в душе остался осадок’; ***Палашыже палем... Да*** *мондалтын* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘**Знать-то знаю… Да** забылось’ и *Палем гынат, мондалтын* ‘Хотя и знаю, да забылось’ или *Палем, да мондалтын* ‘Знаю, да забылось’.

Усилению выразительности конструкций указанной модели способствуют следующие факторы: 1) позиционное разделение компонентов; 2) расчленение частей СФ значительной интонационной паузой.

При позиционном разделении компонентов СФ между его частями располагаются предложения нейтрального синтаксиса, например: ***Полшашыже тудо эре полша.*** *Тидлан ӧпкелаш ок лий. Гидростанцийым ме шкенан вий денат шынден кертына. Пашаже тыште огыл. А вот ӧрдыж гыч толшо ең стройкылан тӱҥалтышым ыштен, уло калыкым тарватен. Вот тидыже шӱмым нулта* [НКМЯ, Волков А.] ‘**Помогать он всегда помогает.** На это нельзя обижаться. Гидростанцию мы и своими силами можем поставить. Дело не в этом. А вот человек, приехавший со стороны, положил начало стройке, весь народ поднял. Вот это сердце гложет’. При такой подаче материала внимание слушателя (читателя) остается в определенном напряжении – ожидании второй части фразеологизированной конструкции.

В конструкциях с расчленением частей значительной интонационной паузой на первый план выдвигается противительное значение. На письме такая интонационная пауза передается многоточием, например: *Такшым ӱдыр дене клубышто веле огыл вашлийыт, пашаштат лиеш.* ***Лияшыже лиеш да…*** *Лавруш ала-молан пешыжак чолга огыл* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘Так-то с девушкой не только в клубе встречаются, и на работе можно. **Можно-то можно…** Да Лавруш почему-то не очень смелый’.

Противительное значение всей конструкции усиливается частицей *тудо* ‘-то’: *Возашыже ала-момат возет* ***тудо****, но луктын керт тудым, калык дек шукто!* [НКМЯ, Галютин Ю.] ‘Написать-**то** мало ли что напишешь, но ты сумей это выпустить, доведи до народа!’.

СФ расмотренной модели выражают неуверенность, сомнение, недоверие, неопределенность, нерешительность говорящего: ***Каяшыже каем, но*** *пурен шогалмекемже, мом ойлем?* [НКМЯ, Свистунов Н.] ‘**Пойти-то я пойду, но,** войдя, что скажу?’; ***Шинчашыже шинча****, ынде кузе кынелаш улнеже?* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘**Сидеть-то он сидит**, теперь как встать-то?’; ***Иктыже икте да*** *(йоча. – Л.А.), пала, мый тудым, изим, изинек пылышым пӱтырен туныктем, балконыш шкетын лекташат ок тошт!* [НКМЯ, Галютин Ю.] ‘**Один-то один** (ребенок. – *Л.А.*), знает, я его, мелкого, сызмальства учу, дергая за уши, один даже на балкон выйти не смеет’.

3. Модель «глаг. + отриц. частица + глаг. …»

Вторая часть СФ данной группы, построенная по свободной структурной схеме, называет такое действие, которое произойдет или произошло, несмотря на то, о чем говорится в первой части: ***Ончо, ит ончо*** *– модыш кошаргынеже* [НКМЯ, Попов-Чемэшер В.] ‘**Смотри, не смотри** – игра движется к завершению’; *Колхозыш* ***пуро, ит пуро*** *– тыйымат соромно йомдарат* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘В колхоз **вступай, не вступай** – и тебя все равно погубят’; ***Шотло, ит шотло***, *мо дене властьым ӱшандарет?* [НКМЯ, Майоров Ф.] ‘**Считай, не считай**, чем власть убедишь?’

Первая часть СФ рассматриваемой группы может содержать указание на такое действие, которое не является актуальным, представляется как не имеющее значения, например: ***Покто, ит покто*** *тудым* (имньым. – *Л.А.*) – *садак ок писешт: икшырымын, вашкыде йолжым алмаштылеш* [НКМЯ, Алексеев Г.] ‘**Гони, не гони** коня – все равно не ускорится: равномерно, не спеша шевелит ногами’.

Если сравнить эти СФ с предложениями нейтрального синтаксиса, то можно найти соответствие среди сложноподчиненных предложений с придаточными уступительными. Ср.: ***Кычкыре, ит кычкыре*** *– урмыжшо поран вошт кӧ йӱкетым колеш?!* [НКМЯ, Илибаева М.] ‘**Кричи, не кричи** – сквозь воющую метель кто услышит твой голос?!’ и ***Кычкырет гынат****, урмыжшо поран вошт кӧ йӱкетым колеш?!* ‘Несмотря на то что ты будешь кричать, сквозь воющую метель кто услышит твой голос?!’.

Употребление таких фразеологизированных конструкций может служить свидетельством безразличия, утраты интереса говорящего: *Кызыт* ***шоно, ит шоно*** *– нимом от ыште....* [НКМЯ, Артамонов Ю.] ‘Сейчас **думай, не думай** – ничего не поделаешь’; ***Ойло, ит ойло****, ме вет кеч-мо гынат школьный йолташ улына* [НКМЯ, Рыбаков М.] ‘**Говори, не говори**, мы ведь все-таки, что бы там ни было, школьные друзья’.

4. Модель «сущ. / мест. + сущ. / мест. + огыл, а / но / да…»

СФ указанной модели имеют уступительно-противительное значение: ***Суртшо суртшак огыл, но*** *Морозовмытын посна пӧлемышт уло* [НКМЯ, Колумб В.] ‘**Дом-то не дом, но** у Морозовых есть отдельная комната’.

Указанное значение можно передать посредством сложноподчиненных предложений с придаточными уступки. Ср.: *– Варенье ден компотым кеҥеж гоч манме гаяк чылан пӱтырат. –* ***Чылан – чылан огыл, а*** *тыйын лийман* [НКМЯ, Бердинский В.] ‘– Варенье и компот, можно сказать, все лето все закатывают. – **Все не все, а** у тебя должно быть; *– Варенье ден компотым кеҥеж гоч манме гаяк чылан пӱтырат. –* ***Чылан але чылан огыл*** *пӱтырат гынат, тыйжын лийшаш* ‘– Варенье и компот, можно сказать, все лето все крутят. – Пусть даже **все** крутят **или не все**, а у тебя должно быть’. Возражение, выраженное в первой части СФ, находит разъяснение во второй.

Содержание первой части структуры мыслится как неактуальное, не имеющее никакого значения: *–* ***Мый – мый огыл, а*** *таче вуйлатыше олмеш мый кодынам* [НКМЯ, Мичурин-Ятман] ‘**Я – не я, а** сегодня вместо руководителя я остался’.

Используя такие фразеологизированные конструкции, говорящий может проявлять следующие эмоциональные реакции: недоверие, возражение, возмущение, категорическое утверждение собственной правоты, безразличие.

Заключение

СФ выступают как маркеры разговорной речи, что не исключает их широкого использования в публицистическом и художественном стилях. В художественной прозе и драматургии такие структуры используются в целях речевой характеристики персонажа. В авторской речи употребление СФ лежит в основе приема интимизации повествования.

Употребление СФ со значением логической обусловленности и обстоятельственной характеристики в марийском языке служит свидетельством смягченного, завуалированного несогласия или возражения, опровержения, а также чувства неуверенности, сомнения, недоверия, неопределенности, нерешительности, безразличия, утраты интереса, возражения, возмущения, категорического утверждения собственной правоты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абукаева Л.А. Фразеологизированные конструкции со значением несогласия, непринятия, отрицания в марийском языке // Linguistica Uralica. 2006. № 2. С. 94–102.

Алешкина Р.А. Конструкции с именительным падежом существительного в эрзянском языке // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: материалы II Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Окт.», 2000. С. 27–30.

Жеребцова М.Н. Стилистика коми синтаксических форм в сопоставлении с немецким // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes. Linguistica. Debrecen, 1990. С. 238–243.

Земская Е.А. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981. 276 с.

Кошкарева Н.Б. Модальное сказуемое в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Компоненты предложения (на материале языков разных систем): Сб. науч. тр. / АН СССР, Сиб. отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. Новосибирск, 1988. С. 33–38.

Малых А.И. Слова-предложения в удмуртском языке // Всесоюзное совещание по вопросам финно-угорской филологии: тезисы докладов / АН СССР, Ин-т языкознания, Петрозав. ин-т яз., лит. и истории. Петрозаводск, 1961. С. 28–31.

Поздеев В.В. Синтаксические средства выражения побудительной модальности в удмуртском языке // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes. Linguistica. Debrecen, 1990. С. 264–269.

Прокушева Т.И. Модальность инфинитивных предложений в коми языке // Советское финно-угроведение. 1982. № 3. С. 178–183.

Рузанкин Н.И. Семантико-прагматический потенциал эмотивных высказываний в эрзянском языке // Финно-угристика на пороге III тысячелетия: материалы II Всероссийской науч. конф. финно-угроведов. Саранск: Тип. «Красный Окт.», 2000. С. 266–269.

Рузанкин Н.И. Эмотивные высказывания в эрзянском языке // Структура и развитие волжско-финских языков: тезисы докладов Междунар. науч. конф. Йошкар-Ола: Науч. центр финно-угроведения, 1996. С. 87–88.

Ууспыльд Э. О выражении волюнтативно-модальных значений в эстонском языке // Шестой Междунар. конгр. финно-угроведов: тезисы докладов / АН СССР, Коми фил. Сыктывкар, 1985. Т. 1. С. 145.

Хартунг Л. Модальность в инфинитивных конструкциях // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 2. Turku, 1980. S. 82.

Чайковский Р.Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и категория экспрессивности синтаксиса // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971. Т. 64. С. 196.

Черемисина М.И., Соловар В.Н. Модальные компоненты хантыйского предложения // Linguistica Uralica. 1998. Т. XXXIV. № 1. С. 39–44.

Lyubov Abukaeva

SYNTACTICAL PHRASEOLOGICAL UNITS EXPRESSING THE MEANING OF LOGICAL CONDITIONALITY AND ADVERBIAL CHARACTERISTICS IN MARI

Introduction. In colloquial speech, fiction and journalistic styles, syntactical constructions that convey, in addition to objective content, emotional reactions and volitional efforts of the speaker, enhancing the evaluation and expressiveness of the utterance, are characterized by productivity and expressiveness. Expressive syntactical constructions including syntactical phraseological units emphasize the thought due to their opposition to the structures of neutral syntax. **The purpose of the work** is to identify and describe the structural and semantic features of syntactical

phraseological units conveying the meanings of logical conditionality and adverbial characteristics in the Mari language. **Materials and methods.** The research uses the materials taken from the Mari Language National Corpus. The study applied such methods as transformational and component analysis, syntactic modeling method, and linguistic description. **Research results and discussion.** Syntactical phraseological units, being structures of expressive syntax, express a wide range of subjective and modal meanings. Syntactical phraseological units are constructed according to models that include constant and free components reproduced by the speaker. Pronouns and pronominal adverbs, postpositions, conjunctions, and particles are the constant components in syntactical phraseological units. The meaning of sentences is predetermined not only by the lexical composition of the scheme, but also by its constant components, it depends on the micro- or macro-context, situational context, and intonation. Syntactical phraseological units expressing the meaning of logical conditionality and adverbial characteristics include four semantic varieties. **Conclusion.** Syntactical phraseological units with the meaning of logical conditionality and adverbial characteristics in the Mari language serve as indicators of a softened, veiled disagreement or objection, refutation, as well as a feeling of uncertainty, doubt, distrust, uncertainty, indecision, indifference, loss of interest, objection, indignation, categorical assertion.

Keywords: the Mari language; subjective modality; syntactical phraseological units; structure; semantics; functions.

REFERENCES

Abukaeva L.A. Frazeologizirovannye konstrukcii so znacheniem nesoglasija, neprinjatija, otricanija v marijskom jazyke [Phraseological constructions with the meaning of negation, unacceptability and disagreement in the Mari language]. *Linguistica Uralica,* 2006, no. 2, pp. 94-102. (In Russian).

Aleshkina R.A. Konstrukcii s imenitel'nym padezhom sushhestvitel'nogo v erzjanskom jazyke [Constructions with nouns in nominative case in the Erzya language]. *Finno-ugristika na poroge III tysjacheletija. Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov.* Saransk, Tipografija «Krasnyj Oktjabr'», 2000, pp. 27-30. (In Russian).

Zherebcova M.N. Stilistika komi sintaksicheskih form v sopostavlenii s nemeckim [Stylistics of Komi syntactic forms in comparison with German]. *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes. Linguistica.* Debrecen, 1990, pp. 238-243. (In Russian).

Zemskaja E.A. Russkaja razgovornaja rech'. Obshhie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis [Russian colloquial speech. General questions. Word formation. Syntax]. Moscow, Nauka, 1981, 276 p. (In Russian).

Koshkareva N.B. Modal'noe skazuemoe v hantyjskom jazyke (na materiale kazymskogo dialekta) [Modal predicate in the Khanty language (the Kazym dialect]. *Komponenty predlozhenija*

(na materiale jazykov raznyh sistem). Sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, Akademija Nauk SSSR, Sibirskoe otdelenie, Institut istorii, filologii i filosofii, 1988, pp. 33-38. (In Russian).

Malyh A.I. Slova-predlozhenija v udmurtskom jazyke [Word-sentences in the Udmurt language]. *Vsesojuznoe soveshhanie po voprosam finno-ugorskoj filologii. Tezisy dokladov.* Petrozavodsk, Akademija Nauk SSSR, Institut jazykoznanija, Petrozavodskij institut jazyka, literatury i istorii, 1961, pp. 28-31. (In Russian).

Pozdeev V.V. Sintaksicheskie sredstva vyrazhenija pobuditel'noj modal'nosti v udmurtskom jazyke [Syntactic means of expressing imperative modality in the Udmurt language]. *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. Sessiones sectionum dissertationes. Linguistica.* Debrecen, 1990, pp. 264-269. (In Russian).

Prokusheva T.I. Modal'nost' infinitivnyh predlozhenij v komi jazyke [Modality of infinitive sentences in the Komi language]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie,* 1982, no. 3, pp. 178-183. (In Russian).

Ruzankin N.I. Semantiko-pragmaticheskij potencial emotivnyh vyskazyvanij v erzjanskom jazyke [Semantic and pragmatic potential of emotive statements in the Erzya language]. *Finno-ugristika na poroge III tysjacheletija. Materialy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii finno-ugrovedov.* Saransk, Tipografija «Krasnyj Oktjabr'», 2000, pp. 266-269. (In Russian).

Ruzankin N.I. Emotivnye vyskazyvanija v erzjanskom jazyke [Emotive utterances in the Erzya language]. *Struktura i razvitie volzhsko-finskih jazykov. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Yoshkar-Ola, Nauchnyj centr finno-ugrovedenija, 1996, pp. 87-88. (In Russian).

Uuspyl'd E. O vyrazhenii voljuntativno-modal'nyh znachenij v estonskom jazyke [About the expression of incentive and modal meanings in the Estonian language]. *Shestoj Mezhdunarodnyj kongress finno-ugrovedov. Tezisy dokladov.* Syktyvkar, Akademija nauk SSSR, Komi filial, 1985, vol. 1, p. 145. (In Russian).

Hartung L. Modal'nost' v infinitivnyh konstrukcijah [Modality in infinitive constructions]. *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 2.* Turku, 1980, p. 82. (In Russian).

Chajkovskij R.R. Obshhaja lingvisticheskaja kategorija ekspressivnosti i kategorija ekspressivnosti sintaksisa [General linguistic category of expressiveness and the category of expressiveness in syntax]. *Uchenye zapiski MGPIIJa im. M. Toreza. Voprosy romano-germanskoj filologii. Sbornik nauchnyh trudov.* Moscow, 1971, vol. 64, p. 196. (In Russian).

Cheremisina M.I., Solovar V.N. Modal'nye komponenty hantyjskogo predlozhenija [Modal components of the Khanty sentence]. *Linguistica Uralica,* 1998, vol. XXXIV, no. 1, pp. 39-44. (In Russian).

Абукаева Любовь Алексеевна
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: sylne@mail.ru

Lyubov Abukaeva
Doctor of Philological Sciences,
Chief Researcher
of Vasilyev Mari Research
Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: sylne@mail.ru

УДК 811.511.132 + 821.511.132.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-17-34

СРАВНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СОЗДАНИЯ ЗООНИМИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.Е. ВАНЕЕВА[1]

© 2024 г. О.И. Некрасова

Введение. Альберт Егорович Ванеев – народный поэт Республики Коми. Поэзия А.Е. Ванеева отличается богатством и разнообразием форм и жанров: лирические стихи, баллады, стихотворные рассказы, поэмы, сонеты. Природа пронизывает почти все его произведения, особо следует отметить богатый зоонимический лексикон поэта. В статье анализируются сравнения с компонентом, относящимся к тематической группе лексики «животный мир», – зоонимом в аспекте создания художественного образа. Обращение к данной теме дает возможность глубже понять и ярче представить поэтическую индивидуальность А.Е. Ванеева, вносит вклад в изучение его творчества, его языковой личности. **Цель статьи** – проанализировать зоонимы в произведениях А.Е. Ванеева, включенные в сравнения, когда они служат средством создания художественного образа, описать семантику зоонимического образа, выявить специфику вербального выражения компонентов сравнительных конструкций. **Материалы и методы.** Материалом послужили поэтические произведения А.Е. Ванеева. Применены лингвистические методы (описательный, сопоставительный), методы семантического и контекстуального анализа, лингвостилистической интерпретации языковых средств поэтического текста. **Результаты исследования, обсуждения.** Животный мир как неотъемлемая часть природы является важной составляющей в системе образов в поэтических произведениях А.Е. Ванеева, средством художественного осмысления окружающего мира. Сравнение в семантической системе поэтического текста приобретает характер особой выразительности образов, явлений, представленных автором, будучи формой художественного осмысления окружающей действительности. В статье проанализированы зоонимические

[1] Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

образы насекомых, птиц, других животных, рыб, характеризующих в составе сравнений различные реалии окружающего мира, отраженные в поэтических произведениях А.Е. Ванеева. Выявлена устойчивая семантика ряда зоонимических образов, восходящих к различным истокам: фольклору, литературной традиции и т.д. В формировании семантики образа могут принимать участие непосредственное наблюдение над животными, знание особенностей их жизни, поведения и т.д. Большинство зоонимических образов имеют положительную коннотацию. Референты сравнения компаративной конструкции относятся к сфере человека, сфере животных, сфере природных явлений, предметов. **Заключение.** Художественный смысл зоонимических образов в поэтических произведениях А.Е. Ванеева следует трактовать через специфику восприятия поэтом окружающего мира, обусловленную своеобразием национальной культуры и образа жизни коми народа, взаимодействием с другими культурами и их влиянием.

Ключевые слова: А.Е. Ванеев, коми поэзия, коми язык, зооним, сравнение, компаративная конструкция, художественный образ, изобразительно-выразительные средства, образность.

Введение

В 2023 году в Республике Коми отметили 90-летие со дня рождения известного ученого-литературоведа, переводчика, общественного деятеля, народного поэта Республики Коми Альберта Егоровича Ванеева, ушедшего из жизни в 2001 году.

Поэт родился 18 июля 1933 года в деревне Буткан Удорского района Коми АССР. Он автор более двадцати книг стихов на коми и русском языках. Поэзия А. Ванеева отличается богатством и разнообразием форм и жанров. Это лирические стихи, баллады, стихотворные рассказы, поэмы, сонеты. Тема родной земли – одна из важнейших в творчестве А. Ванеева.

Поэт Андрей Петрович Расторгуев характеризует А.Е. Ванеева прежде всего как советского поэта, принадлежащего своему времени, в тематике которого Великая Отечественная и угроза новой мировой войны, военное детство и выход деревенских пацанов в люди – советскую интеллигенцию, малая таежная родина и вечная раздвоенность между нею и городом, промышленное освоение Севера… В общем, личное в связке с общественным – как тогда и полагалось [Расторгуев, 2023, с. 263].

Как человек, родившийся, выросший и сформировавшийся в деревенской глубинке, в окружении северной природы, А.Е. Ванеев до конца жизни сохранил трепетное отношение к лесному и водному царству, к традициям коми деревенского быта, национальным духовно-нравственным традициям

и установкам. Для характеристики чувства природы у А.Е. Ванеева считаем уместным обратиться к словам В. Распутина: «...не только видит и слышит природу, он чувствует её всеми пятью органами чувств, опробуя на вкус, цвет, запах, осязание и обоняние» [1994, с. 419]. Поэтому животный мир в поэзии Альберта Егоровича Ванеева – важная составляющая в системе образов и средств художественного осмысления окружающего мира. Поэтический мир А.Е. Ванеева «населен» животными самых разных групп: домашними и дикими, промысловыми и хищными животными и птицами, птицами перелетными, водоплавающими, рыбами, насекомыми. Следует отметить богатый зоонимический лексикон поэта, который включен в процесс создания системы художественных образов, учитывая, что «в контексте литературного произведения лексическая единица приобретает художественную многозначность, не зафиксированную в словарях. Этот процесс является основой для создания художественного образа, заключенного в слове» [Сардалова, Мусаева, 2021, с. 105]. «Зооним» в работе понимается в широком смысле как нарицательное имя существительное, называющее любых животных.

Художественный образ (в лингвистике) – это результат творческого отражения действительности и творческой деятельности в области словесного искусства. Он формируется в рамках художественного текста как объединяющего особенности различных стилевых разновидностей литературной формы общенародного языка и его нелитературных форм с опорой на изобразительно-выразительные ресурсы (тропы, перифразы, ирония, аллегория, сарказм, гротеск, стилистические фигуры, риторические единицы, различные приемы языковой игры и т.д.) всех уровней языка (фонетический, лексический, морфологический, синтаксический, семантический). Эти ресурсы используются с целью украшения речи, придания ей эстетичности, выразительности, эмоциональности и других качеств, способствующих усилению речевоздействующей функции образа [Чернова, 2014, с. 109–116].

Маслова В.А. утверждает, что система образов имеет в поэтическом тексте первостепенный смысл, роль образности велика настолько, что справедливым будет утверждение о том, что стихотворение представляет собой текст, созданный не только на базе вербального языка, но и на базе того или иного образного кода или нескольких культурных кодов [2016, с. 74].

Являясь изобразительно-выразительным ресурсом, сравнение представляет собой сопоставление одного предмета с другим с целью художественного описания первого [Голуб, 2005, с. 141], «сравнение, как один из способов осмысления действительности, может являться и предметом изучения поэтики и стилистики, выступая в качестве образной формы художественного мышления» [Казанцева, 2005, с. 3]. Согласно В.А. Масловой, в сравнениях, метафорах, других языковых средствах и фигурах отражаются

как мировоззрение писателя, его эмоции, оценка, мысли и идеи, так и глубинные слои национальной культуры [2022, с. 5]. Возникновению образности способствуют следующие условия: 1) наличие общего дифференциального признака, по которому будет проходить сравнение; 2) семантическая отдаленность сопоставляемых понятий; 3) употребление агента сравнения в его сигнификативном значении [Манчева, 2012, с. 299].

Целью работы является выявление и анализ особенностей воплощения зоонимических образов в поэтических произведениях А.Е. Ванеева, созданных в сравнениях, исследование художественной семантики образов.

Материалы и методы

Материалом послужили поэтические произведения А.Е. Ванеева. Применены лингвистические методы (описательный, сопоставительный), методы смыслового анализа текста, семантического и контекстуального анализа, лингвостилистической интерпретации языковых средств поэтического текста.

Результаты исследования, обсуждения

Сравнение является весьма распространенным средством изобразительности, к которому прибегает А.Е. Ванеев при создании поэтических текстов. Следует учитывать, что сравнение с точки зрения грамматического аспекта обладает особыми конструктивными признаками, сравнительная конструкция состоит из объекта сравнения (сравниваемый предмет), стандарта сравнения (с чем сопоставляется объект сравнения), признака сравнения (аспект сравнения объекта и стандарта) [Князев, 2007, с. 184]. Однако, как резюмирует Е.Г. Манчева, в лингвистике используются также другие термины для их обозначения: первый элемент (comparandum) называют сравниваемым, предметом сравнения, референтом, темой, объектом, первым членом, primum comparationis и т.д.; второй элемент (comparatum) именуется сравнивающим, образом сравнения, агенсом, агентом, вторым членом, эталоном, secundum comparationis и т.д. Третий элемент (tertium comparationis) называют основанием сравнения, модулем, посредником и т.д. Некоторые лингвисты выделяют также четвертый компонент – показатель сравнения. Им обычно является служебное слово, например, союзы *like, as* и др. в английском языке, *как, будто, словно* и др. в русском языке [2012, с. 298].

В нашей работе мы применяем термины, предложенные С.М. Мезениным для наименования компонентов, которые могут быть выражены или подразумеваться: *референт* – слово или сочетание слов, которые обозначают предмет или явление, подвергающиеся описанию, объяснению при помощи агента (primum comparationis); *агент* – слово или сочетание слов, привлеченное для описания другого предмета или явления (secundum comparationis); *модуль сравнения* – слово или сочетание слов, обозначающие свойство, на основании которого соотносятся референт и агент (tertium comparationis) [1983, с. 54].

Соответственно, зоонимы в сравнительной конструкции будут представлять *агент сравнения*. Также принимается исследовательская установка, что интерпретация значения художественных образов в большой степени достигается благодаря контексту, с его учетом модифицируется, осложняется, обогащается и прицельно ориентируется семантика слова и высказывания.

В финно-угроведении имеются работы, посвященные проблемам компаративности в лингвистике, они связаны с такими исследователями, как Р.И. Яшина (удмуртский язык), Н.Н. Воробьёва (мордовские языки), В.И. Казанцева, О.В. Зорина, Г.М. Тужаров (марийский язык), М.И. Черемисина, В.Н. Соловар (хантыйский язык), Б.А. Серебренников, Н.К. Забоева, В. Матейчек, Е.С. Гуляев, Т.Е. Дружинина, К.С. Коваль (коми язык). По справедливому замечанию Е.С. Коваль, в коми лингвистике нет специального исследования, посвященного теме компаративности [2012, с. 20]. Тем не менее в одной из своих работ Е.С. Коваль рассматривает основные модели сравнительных конструкций в коми языке, выявляет форманты выражения компаративных отношений. Ею рассмотрены три основных способа выражения сравнительных отношений: падежный, послеложный, союзный [Коваль, 2012, с. 20–24].

В поэтических произведениях А.Е. Ванеева встречаются сравнения, образованные разнообразными компаративными конструкциями: инструменталь (***садьмӧм чикышӧн*** *тіпкыліс сьӧлӧм* ‘проснувшейся ласточкой билось сердце’), элатив (*усьӧ лым,* ***кӧч гӧнысь*** *на небыдджык* ‘падает снег, мягче заячьего пуха’), сравнительные послелоги *моз, кодь, ногӧн* (***байдӧгъяс моз*** *узьлімӧй* ‘спали, как куропатки’, ***колип ногӧн*** *сьылӧ* ‘поёт, как соловей’, ***юсь кодь мича*** ‘красив, как лебедь’, ***лыӧсь йӧршӧс вильӧдігӧн моз*** ‘как во время обгладывания (букв. обгладывая) ерша’), союзы (сравнительные частицы – по Е.С. Коваль) *кыдз, бытты*ӧ (<…> *и* ***бытты*ӧ *кырныш кокалӧ юр вем*** ‘и будто ворон клюёт головной мозг’).

В лексиконе А.Е. Ванеева компаративная семантика, по нашему мнению, наблюдается в конструкциях с адъективными компонентами *мыгӧра* (от *мыгӧр* ‘стать, туловище, фигура, склад; комплекция’, ‘силуэт, очертание’) = ‘-телый’, *бордъя* (от *борд* ‘крыло’) = ‘-крылый’, в которых первый компонент-зооним выражает сравнительно-конкретизирующее значение по отношению ко второму компоненту: *Коми му весьтӧд лэбӧ* ***чикыш мыгӧра*** Ту ‘над Коми землёй летит ласточкообразный (ласточкотелый) Ту, Ту с обликом ласточки’, *мӧвпнам тэ бӧрся лэба,* ***чикыш бордъяса Ту*** [1979, с. 61–62] ‘в мыслях лечу за тобой, ласточкокрылый Ту, т.е. с крыльями (как у) ласточки’. Подобные единицы в коми языке в аспекте компаративности еще не рассматривались, однако Е.С. Коваль описывает адъективы с компонентом-послелогом *рӧма* ‘-цветный’ с компаративной семантикой (*вый рӧма пилипызь* ‘опилки цвета

масла (*букв.* маслоцветные опилки)', *пöим рöма пель* 'уши цвета золы' [2012, с. 22; 2013, с. 197]. Подобные адъективы коми языка в какой-то мере можно сопоставить со сложными прилагательными русского языка с аффиксоидами *-видный, -подобный, -образный* и т.д.: *окуневидный, звероподобный, дельфинообразный*.

В создании зоонимического образа посредством сравнения в поэтических произведениях А.Е. Ванеева участвуют энтомосемизмы, орнитонимы, зоонимы, называющие млекопитающих и копытных животных, ихтионимы.

Агент сравнения в стихотворениях А.Е. Ванеева представлен энтомосемизмом *бобув* 'бабочка, мотылёк' в сочетании *кокни бобув* 'лёгкая бабочка / мотылек'. Атрибут *кокни* 'лёгкий' усиливает и подчеркивает лёгкость, невесомость, хрупкость насекомого. В коми языке сравнение *бобув кодь* 'как бабочка' обозначает: а) нарядный; б) лёгкий [КРС, 2000, с. 48].

В коми мифологии образ бабочки *войтöв бобув* 'бабочка северного ветра' или *виж бобув* 'лимонница' связан с выходящей душой умирающего или приходящей душой предка, с духом кликушества – Шевой, появляющейся в виде красной бабочки [Уляшев, 2011, с. 262]. Н.Д. Котовчихина отмечает, что уже в фольклоре образам насекомых дана бинарная характеристика: одних насекомых относят к верхним зонам космического пространства и мирового древа, к миру божественному (пчела, божья коровка и др.), других – к нижней зоне, с которой связан мир зла (муха, комар, стрекоза). Насекомые верхней зоны приносят человеку пользу и радость, насекомые нижней зоны символизируют легкомыслие, нечистоплотность, назойливость. Смысловая дифференциация образов насекомых нашла своё отражение не только в фольклоре, но и в русской литературе [Котовчихина, 2019, с. 535–537].

Обращение к произведениям других коми авторов позволяет заметить, что образ лёгкого мотылька, бабочки (*кокни бобув*) в сравнительных конструкциях является достаточно распространенным и устойчивым в коми литературе, регулярно встречается в произведениях коми писателей и поэтов, например, у В.Е. Напалкова (*Еджыд платтьöа,* ***бобув кодь кокни****, öшинь улöдзыд тэнö ме колльöдлi...* 'В белом платье, лёгкую, как бабочка, под окна твоего дома проводил я тебя...') [перевод наш. – *О.Н.*], Е.В. Козлова (*Лунъяс лэбöны Кокни бобулöн* 'Дни летят лёгкими мотыльками'), Н. Обрезковой в переводе стихотворения В. Колумба (*Латыш нывка* ***быттьö кокни бобув****, Ыджыд война биöн сотöм борд* 'Девочка-латышка будто лёгкая бабочка, крыло, опалённое огнём большой войны'), Н.И. Куратовой (*тiрöдö-котöртö вöр туй кузя* ***кокни бобув кодь*** *гöрд чышъяна нывка* 'семенит по лесной дороге девочка в красной косынке, как лёгкая бабочка'), Н.М. Павловой (*Тэнад киыд –* ***быттьö кокни бобув*** *борд* 'Твоя рука – будто крыло лёгкого мотылька') и др. Чаще всего с лёгкой бабочкой сравниваются представительницы женского пола (девочки, девушки, женщины), таким образом подчеркивается их красота, привлекательность, нежность.

В произведениях А.Е. Ванеева образ насекомого связан с рядом мотивов. В стихотворении «Кокньыд бобув кодь ныв» («Девушка, как лёгкая бабочка») образ хрупкой и нежной девушки на фоне войны усиливает прииенное сравнение-атрибут «*кокньыд бобув кодь*» ‘девушка как лёгкая бабочка’: *Кодлӧн дзоридза шальыс, Кодлӧн дона быд кыв, Платтьӧ – кыа кодь алӧй,* ***Кокньыд бобув кодь*** *ныв* [2007, с. 109] ‘У кого цветастая шаль, У кого каждое слово ценно, Платье алое, как заря, – Девушка лёгкая, как бабочка’. В стихотворении «Менам чужан му» («Моя родина») [Ванеев, 2007, с. 16], где поэт затрагивает мотив трудной жизни на Севере, приглагольная сравнительная конструкция *кокни бобув моз* актуализирует семантику беспечности существования, лёгкой, беззаботной жизни, являясь синонимом слову «легко», образ имеет не столько положительную, сколько отрицательную коннотацию (в данном контексте *лёгкий мотылёк* ассоциируется, скорее, с «попрыгуньей-стрекозой» И.А. Крылова): ***Кокньыд бобув моз*** *тан не овны, Лымйӧн шомӧстӧ он на кӧт* [Ванеев, 2007, с. 16] ‘Как лёгкий мотылёк здесь не прожить, Снегом тесто не замесишь’. В произведении «Балерина» приглагольное сравнение *кокни бобулӧн лэбавны* ‘порхать лёгкой бабочкой’, создавая образ балерины, танцующей лебедя, характеризует лёгкость ее движений, ее танца, за которыми стоит тяжёлый труд и нечеловеческая усталость: ‘*И балет талун – коми искусство…****Кокньыд бобулӧн*** *лэбавны мед, Медым йӧз водзын йӧктыны юсьтӧ, Лоӧ пӧсявны эбӧсысь усьтӧдз* [Ванеев, 2007, с. 210] ‘И балет сегодня – коми искусство… Чтобы порхать невесомым мотыльком, Чтобы перед зрителями танцевать лебедя, Приходится потеть до упадка сил’.

В языковой картине поэта семантической нагруженностью обладают орнитонимы, представленные в компаративных конструкциях в качестве агента сравнения. Агентом может выступать также крыло птицы. Создавая сравнения, А.Е. Ванеев прибегает к образам *лэбач* ‘птица’, *юсь* ‘лебедь’, *колип* ‘соловей’, *кырныш* ‘ворон’, *гулю* ‘голубь’, *байдӧг* ‘куропатка’, *каля* ‘чайка’, *каля борд* ‘крыло чайки’, *чикыш* ‘ласточка’, *чикыш борд* ‘крыло ласточки’; большинство зоонимических образов имеет положительную коннотацию.

Образы птиц в сравнениях служат прежде всего для характеристики человека. Важными моментами для А.Е. Ванеева являются оценка различных периодов жизни лирического героя, воспоминания, размышления и переживания о жизненном пути, о детских годах, о молодости, связанной с энергией, силой, возможностью покорять новые вершины, о среднем и старшем возрастах, сочетающих мудрость и опыт, и в то же время сожаление об уходящей молодости. Этапы человеческой жизни (детство, юность, молодость, старость) у поэта являются предметом художественного осмысления посредством сравнения.

Образ лебедя в сравнениях отличается многозначностью, многоплановостью. Актуализируются такие признаки и свойства птицы, как красота, опыт дальних перелетов. С красивым лебедем и быстрой молнией сравнивается белогривый конь, на котором в детстве ездил лирический герой и который предстает одновременно как символ детства: <…> *Öнöдз гöнитö Мозын ю пöлöн, / Лэбысь бипур моз югзьöдö вой / Еджыд бурсиа челядьдыр вöлöй,* ***Юсь кодь мича*** *да чардби кодь збой* [Ванеев, 2007, с. 263] ‘Поныне гонит вдоль реки Мозын, освещает ночь, подобно несущемуся костру, белогривый конь моего детства, прекрасный, как лебедь, резвый, как молния’ («Еджыд бурсиа челядьдыр вöлöй» / «Белогривый конь моего детства»). Образ лебедя как перелетной птицы, способной преодолевать дальние расстояния, привлекается для сравнения лирического героя, который проходит свой жизненный путь, оценивая свои силы и возможности на определенном возрастном этапе: *Ме велалі муртавны эбöс,* ***Кыдз кузь туйö дасьтысьысь юсь****: Дерт, абу нин медводзын лэбысь, Но-й туй вуджиг медводз ог усь* [Ванеев, 2007, с. 208] ‘Я привык рассчитывать свои силы, как готовящийся в дальнюю дорогу лебедь: конечно, лечу уже не в первом ряду, но и самым первым не упаду, преодолевая путь’ («Ме велалі муртавны эбöс» / «Я привык рассчитывать свои силы»).

Тема детства затронута поэтом в стихотворении «Лым сюръя кодьöсь быдмылімöй ми...» («Мы росли, походя на снеговые столбы»), где тоже встречается орнитонимический образ, взятый в сравнении с куропатками залепленных снегом детей, играющих в снегу (известно, что куропатки имеют белоснежное оперение и зимуют, зарывшись в снег): *Лым сюръя кодьöсь быдмылімöй ми /* ***Да байдöгъяс моз узьлімöй лым пиын*** [Ванеев, 2018, с. 49–50] ‘Мы росли, походя на снеговые столбы, и, как куропатки, спали в снегу’.

Молодость лирического героя стихотворения «Сэки ме чикыш борд вылын лэби» («Тогда я летал на крыльях ласточки») ассоциируется с полетом ласточки, сравнением героя с этой птицей усилен признак *тэрыб* ‘быстрый, проворный, расторопный, резвый’ в составе сказуемого: *Вöлі восьласöй кокни и нюдз, / Ачым* ***чикыш кодь тэрыбöн*** *шуси: / Вывлань качöдчиг ньöти эг мудз* <…> ‘Походка была лёгкой и упругой, считал себя быстрым, как ласточка: взмывая ввысь, совсем не уставал’. Приметой молодости выступает и стучащее проснувшейся ласточкой сердце в груди лирического героя: *Менам морöсын эз ланьтлы чöв, /* ***Садьмöм чикышöн*** *тіпкыліс сьöлöм* [Ванеев, 2007, с. 317] ‘В моей груди не останавливалось, проснувшейся ласточкой стучало сердце’.

Образ птицы присутствует в стихотворении «Ме вöлі, кыдз качöдчöм лэбач» («Я был как взлетевшая птица»), посвященном теме любви. Лирический герой, еще не познавший этого чувства, молодой, свободный и необузданный, сравнивает себя, свое поведение со взметнувшейся в небо птицей: *Ме вöлі,*

кыдз ***качӧдчӧм лэбач****, Кыдз дадь дорӧ* ***велавтӧм кӧр*** ‘Я был как взлетевшая птица, Как олень, непривычный к саням’.

У поэта А.Е. Ванеева референтом сравнительной конструкции с орнитонимом-агентом может быть абстрактное имя, связанное с духовной, интеллектуальной или эмоциональной сферой человека, например, *мӧвп* ‘мысль’, *кӧсйӧм* ‘желание’, *дум* ‘мысль; намерение; замысел; идея’. С крылом ласточки сравнивается мысль, мелькнувшая у лирического героя: ***Югыд мӧвп, быттьӧ чикышлӧн бord,*** *Сӧдза дзирдыштас, Сэсся и эндас* <…> [Ванеев, 2007, с. 317] ‘Светлая мысль, будто крыло ласточки, ярко сверкнёт, а потом погаснет’. Крики чаек, летающих над рекой Печорой, порождают позитивные мысли и радостное настроение у лирического героя, с белым крылом чайки сравниваются желания и мысли героя: *Садьмӧм каляяс кливзӧны гора, /* ***Еджыд бордныс*** *кодь кӧсйӧм и дум: / Тш öктӧ авъяӧн лоны Печора, / Видзны сьӧлӧмын кыалысьнюм* [Ванеев, 2007, с. 236] ‘Громко кричат проснувшиеся чайки, их белым крыльям подобны желания и мысли: велит серьезным быть Печора, хранить в сердце улыбку зари’ («Кыркӧтш чук йылӧ, крут берег дорӧ» / «На вершину обрывистого берега, к крутому берегу»).

Орнитонимический образ поэт привлекает в стихотворении «Сійӧ öзтіс поэзия би» («Он зажег огонь поэзии»), посвященном погибшему испанскому поэту Федерико Гарсия Лорке, яркому деятелю испанской культуры XX века. Чайка, связанная с водной морской стихией птица, является, по мнению поэта, подходящим образом свободы, воли, ассоциирующимся с Лоркой: *Сылы нинӧм эз вӧвлы веськодь… / Сылы овны да овны эськӧ, / Атлантическӧй гыяс весьтын /* ***Еджыд каляӧн*** *лэбавны мед* [Ванеев, 2007, с. 162] ‘Ему всё было небезразлично… Ему бы жить да жить, чтобы над Атлантическими волнами летать белой чайкой’.

В ряде поэтических произведений А.Е. Ванеева можно встретить сравнения с голубем – гулю, однако семантика этого образа неоднозначна. В стихотворении «Алӧй лента» («Алая лента»), в основе которого тема прошедшей любви, сердце (то есть чувства лирического героя) сравнивается с беспомощной птицей – бескрылым голубем (то есть с птицей, лишенной крыльев): *Оз нин шед менам сьӧлӧмӧй лэчкавны, /* ***Бордтӧм гулюӧс*** *моз он тай кут, / Но кор югӧр моз син улам веськалан, / Мем нин сійӧ и козин, и шуд* [Ванеев, 2007, с. 187] ‘Уже не удастся загнать в силок моё сердце, не поймаешь его, как бескрылого голубя, но когда мой взгляд останавливается на тебе, как на луче света, это для меня и подарок, и счастье’.

Наличие крыльев у птицы является для поэта важной чертой, потеря их или отсутствие делают птицу неполноценной, лишенной важного преимущества перед человеком – возможности летать, что может привести к ее гибели. К примеру, связанное с темой Великой Отечественной войны образное

выражение *чегны кырнышлысь борд* ‘сломать ворону крылья’, где *кырныш* ‘ворон’ является образом-символом войны, имеет значение «победить врага», «одержать победу»: *«Ми вермам врагöс!» – Сталин сэки шуис, / И* ***медым чегны кырнышыслысь борд****, / И Ручысь фронтыд сизимсёöс нуис* [Лодыгин, 2021, с. 38] ‘«Мы победим врага!» – сказал тогда Сталин, и чтобы сломать крылья ворону, отправил из Руча на фронт семь сотен (человек)’ (Лодыгин В. Снайпер Есев).

«Неполноценным» представлен образ голубя и в стихотворении «Гымалöм водзын» («Перед громом»), посвященном описанию состояния природы перед наступлением непогоды – грозы, грома и ливня: всё замерло в ожидании стихии, замолкли испуганные птицы и насекомые – синицы, кузнечики, пытаясь спрятаться, кто куда может, приникли к земле ласточки, кулик-перевозчик съёжился, как больной голубь (одна птица сравнивается с другой через состояние, визуализирующееся во внешнем виде): *Дугдас чипсасьны тöждысьысь пыста, / Лапкор улö сэк ланьтöдчас чирк, /* ***Висьысь гулю моз*** *куткыртчас истан, / Джыджъяс лясасны му бердö дзик* [Ванеев, 2007, с. 297] ‘Перестанет свистеть заботливая синица, под листом затихнет кузнечик, как больной голубь, съёжится кулик, ласточки приникнут к земле’.

Традиционный образ пары голубей, выступающий символом семейного счастья и любви, «эксплуатируется» А.Е. Ванеевым в произведениях «Дона бать-мамöй менам…» («Мои дорогие родители») и «Батьлöн керкаысь лэбöны нывъяс...» («Улетают дочери из отцовского дома»). Крепкая, чистая, но глубоко запрятанная от посторонних глаз, тихая и спокойная любовь родителей лирического героя друг к другу сравнивается с любовью «супружеской четы» голубей (модулем сравнения является признак *чöла* ‘тихо’, то есть незаметно, сравнение является уточняющим): *Радейтісны, но чöла –* ***Гулю гозъя моз стöч*** [Ванеев, 2007, с. 300] ‘Любили, но тихо – точно как супружеская пара голубей’.

Семейное счастье в произведении «Батьлöн керкаысь лэбöны нывъяс...» («Улетают дочери из отцовского дома») тоже ассоциируется с воркующими голубями, в коми литературе сравнение является устойчивым: *Батьлöн керкаысь лэбöны нывъяс, / Мед том верöскöд панны выль поз, /* ***Овны кургöмöн гулюяс моз,*** */ Тэчны ассьыныс нин сьыланкывъяс* [Ванеев, 2007, с. 322] ‘Улетают из отцовского дома дочери, чтобы с молодым супругом свить новое гнездо, жить воркуя, как голуби, Слагать уже свои собственные песни’.

Референт сравнения может быть связан с различными сторонами внеязыковой действительности. А.Е. Ванеев периодически обращается к образу ворона, имеющему отрицательную коннотацию, выражающему негативные признаки «агрессивный, хищный, опасный, кровожадный, чёрный». И в народном восприятии, отраженном в фольклоре, и в поэзии о Великой

Отечественной войне образ ворона традиционно связывается с войной, кровопролитием, смертью, разрушением. Например, в стихотворении «Военнӧй медальяса аньяс» («Женщины с военными медалями») агент сравнения *кырныш* ‘ворон’ соотносится с референтом «война»: *Кор дас сизим муртса на тырис / Да дзоридзӧн воссинныд кор, /* ***Война*** *тіян олӧмӧ пырис, /* ***Сьӧд кырнышӧн шевкнитіс борд*** [Ванеев, 2007, с. 169] ‘Когда только исполнилось семнадцать И распустились цветами, Война вошла в вашу жизнь, / Черным вороном распростерла крылья’; поэт здесь совмещает два тропа – сравнение и олицетворение. Референт компаративной конструкции с агентом сравнения *кырныш* может относиться к человеку («фашисты»), модуль сравнения – глагол звуковой семантики: <…> *фашистъяс / Лун шӧрысь вӧчӧны вой, /* ***Кырнышӧн курксӧны*** *ӧні / Ловъялы кодйӧны гу* ‘фашисты полдень превращают в ночь, во́нами сейчас каркают, роют живым могилы’ («Гаждорса пелысь» / «Гаждорская рябина») [Ванеев, 1983, с. 235–236]. Отрицательную коннотацию образ-символ ворона имеет не только в коми, но и в отечественной и европейской культуре.

Ванееву А.Е. присуще привлечение лексики тематических групп «природные явления», «метеорологическое стихийное бедствие» в качестве мощных символов, служащих для выражения силы испытываемых чувств, эмоций, внутренней борьбы, конфликта у лирического героя. В сонете «Кор шызяс-гызяс море весьтын шторм...» («Когда разбушуется над морем шторм») [Ванеев, 1988, с. 74] шторм – не только стихийное бедствие, но и ключевой элемент, метафора сильных эмоций, конфликта в душе или в жизни лирического героя. Обращение к образу ворона, воплощающему эмоции героя на фоне разгула природной стихии (шторма), дает поэту возможность экспрессивно изобразить высокую степень эмоционального накала, переживания мощи природного явления лирическим героем, его физическое состояние:

Быд нетшыштчигӧн тӧв ныр кучкӧ мем,	Каждый порыв ветра бьет меня,
И быттьӧ кырныш кокалӧ юр вем,	И будто ворон клюет мой мозг,
Ёсь гыжсӧ сатшкӧ ловъя морӧс пытшкӧ,	Вонзает острые когти в живую плоть моей груди,
И тіпкысь сьӧлӧм ***дойдалӧ*** *да* ***бытшкӧ****.*	Пронзает стучащее сердце, причиняет ему боль.

В изображаемых обстоятельствах лирический герой, оказавшийся в затруднительном положении, сравнивает себя с белой чайкой, запутавшейся, застрявшей в волнах: *И чорзяс бушков, и оз тыдав пом, Сэк ачым аслым кажитча ме жальӧн,* ***Кыдз гыяс костӧ йӧрмӧм еджыд каля*** ‘И усилится буря, и не видно конца, в эти моменты я ощущаю жалость к самому себе, как запутавшаяся в волнах белая чайка’.

Образ соловья популярен в культуре многих народов, в том числе в коми, благодаря его очаровывающему пению, звонкому, заливистому и красивому.

В стихотворении «Бадь пу пӧлян» («Ивовая дудка») с агентом сравнения *колип* ‘соловей’ связан референт сравнения – звук, издаваемый дудкой, через модуль сравнения «звучание и слуховое восприятие»: *Быдтор кужысь пӧльӧй / Вӧчис бадь пу пӧлян. / Шыыс ылӧдз кылӧ,* ***Колип ногӧн*** *сьылӧ: Чив-чив-чив да Ту-ту-ту, Садьмы вӧр-ва, садьмы му* <…> [Ванеев, 2007, с. 441] ‘Мой умелец-дед сделал ивовую дудку. Звук разливается далеко, поёт по-соловьиному: чив-чив-чив да ту-ту-ту, просыпайся природа, просыпайся земля’.

Традиционными, устойчивыми в коми литературе и фольклоре зоонимическими образами, к которым обращается и А.Е. Ванеев, считаются образы куропатки (*байдӧг*) и зайца (*кӧч*). Основными признаками, актуализирующими и в чем-то объединяющими эти образы, являются их внешний облик, физические качества: белая окраска перьев / меха, пуха, их согревающая пушистость и мягкость, которые привлекают человека тем, что дарят приятные тактильные и зрительные ощущения. Благодаря указанным признакам к образу куропатки и зайца обычно обращаются при сравнении чего-то белого, мягкого, нежного. В коми культуре это, как правило, снег, нежная белая кожа (или тело) – обычно женская или детская (в фольклоре), деликатесом считается белое мясо куропатки (*байдӧг яй*). У А.Е. Ванеева референтами сравнения выступают снег и хлопок, который поэт видел во время поездки в Узбекистан: *Усьӧ лым, усьӧ лым /* ***Кӧч гӧнысь на небыдджык, / Байдӧгысь на еджыдджык*** [2007, с. 435] ‘Падает, падает снег, мягче заячьего пуха, белее куропатки’ («Кокни бордъя лым чиръяс» / «Легкокрылые снежинки»); *Синмӧс чӧвтла водзӧ, бӧрӧ, бокӧ – / Гӧгӧр тӧвся тундра казьтысь сер: / Медводдзаысь аддза быдмысь хлопок – /* ***Кӧч гӧнысь на небыд, еджыд, нэр…*** [Ванеев, 2007, с. 278] ‘Перевожу свой взгляд вперед, назад, вбок – вокруг картина, напоминающая тундру: впервые вижу растущий хлопок – мягче заячьего меха, белый, нежный’ («Узбекскӧй лым» / «Узбекский снег»).

В произведениях А.Е. Ванеева встречаются сравнения с лесными животными – белкой, медведем, оленем. В стихотворении «Музыка кывзігӧн» («Слушая музыку») с торопливыми беличьими лапками сравниваются бегающие по клавишам пианино пальцы девочки, играющей вальс Чайковского в сельском клубе: ***Урлӧн кокъяс моз*** *вирдалысь чуньӧн / Еджыд клавишъяс личкалӧ ныв. / Ворсан шыясыс, синтӧ кӧ кунян, / Унатор йылысь висьталӧны* [Ванеев, 2007, с. 20] ‘Девочка касается белых клавиш метающимися, как беличьи лапки, пальцами. Рождающиеся звуки, если закрыть глаза, вызывают много разных мыслей’. Со спящим в берлоге медведем соотносится земля, оказавшаяся под снежным покровом, в стихотворении «Вой кыа…» («Северное сияние»), модулем сравнения является состояние природы – сон под толстым слоем снега: *Тӧрыт муыс кыз лым улын узис, /* ***Кыдз тай гу пытшкӧ шебрасьӧм ош*** [Ванеев, 2007, с. 99] ‘Вчера земля спала под толстым снегом, как забравшийся

под одеяло берлоги медведь'. Подобное сравнение еще раз подтверждает, что выросший в парме А.Е. Ванеев был очень внимателен к природе родного края и близок к ней, наблюдателен к повадкам зверей и птиц, особенностям их жизни, имел представления об охотничьих традициях и приметах: для берлоги зимующего медведя очень важным условием и благом является наличие большого снежного покрова.

Олени привлекают внимание поэта, использующего их образ в сравнениях. В стихотворении «Эзысь Печора» («Серебристая Печора»), написанном в жанре пейзажной лирики, центральный образ – искрящаяся серебром река Печора служит объектом эмоциональных переживаний лирического героя, любующегося прекрасной картиной реки. Наблюдение за рекой вызывает у него восхищение, душевный подъём, как бы возвращает в молодость. Образ оленя, несущегося по сугробам, помогает передать высокую концентрацию эмоций, охвативших героя, душевные порывы: <…> *Томмӧм лолӧй и кыпыд, и гажа – / Эзысь лызьӧн кӧть панъясьны пет. / Эзысь тӧлысьлысь мывкыдсӧ босьт кӧть – / Сунсьыв кымӧрӧ, мыччысьлы бӧр, /* ***Кыдз тай войӧдӧ толяяс костӧд / Эзысь сюръяса войвывса кӧр*** [Ванеев, 2007, с. 153] 'Омолодившаяся душа весела и жизнерадостна, хоть выходи на лыжах бежать наперегонки. Возьми хоть способности у луны – Нырни в облако, покажись обратно так же, как несется по снежным сугробам серебророгий северный олень'. Рефрен – колоративный атрибут *эзысь* 'серебристый, серебряный' помогает визуально представить восхитительную картину искрящихся серебром реки и окружающей природы.

Образ оленя, не приученного к саням, служит характеристикой поведения лирического героя (сравнительный оборот входит в состав сказуемого в предложении), отличающегося в силу молодости необузданностью и свободолюбием, еще не познавшего любви, в стихотворении «Ме вӧлі, кыдз качӧдчӧм лэбач» («Я был как взлетевшая птица»): *Ме вӧлі, кыдз качӧдчӧм лэбач,* ***Кыдз дадь дорӧ велавтӧм кӧр*** [Ванеев, 2007, с. 227] 'Я был как взлетевшая птица, Как олень, непривычный к саням'.

Образ лошади очень своеобразно обыгран поэтом в сопоставлении, которое встречается в одном из четверостиший цикла «Лысва войтъяс. Дженьыд кывбуръяс» («Капли росы. Короткие стихи»), отличающихся глубиной и афористичностью. Референтом сравнения (*кыскӧны* 'тянут, тащат') является действие двух людей в состоянии любви: *Збыль, муслун нэм чӧж нулывлӧны кыкӧн / Да кыскӧны,* ***кыдз верзьӧма да вӧв****. / Код радейтӧджык, став сьӧкыдсӧ пыкӧ, / И сӧмын ньӧтчыд верзьӧмӧн оз сӧв* [Ванеев, 2007, с. 288] 'Действительно, обычно любовь всю жизнь несут вдвоем и тащат, как наездник и лошадь. Кто любит сильнее, тот терпит все тяготы И никогда не сядет верхом (*букв*. наездником)'. Изображение любви как некоего груза, который несут, а потом тянут двое (как лошадь и всадник), отсылает к пониманию образа

лошади через представление о гужевом транспорте и животном в качестве тягловой силы, выставленной в то же время автором в более благородном свете. С помощью образа передается мысль о необходимости прикладывать усилия для того, чтобы чувство не угасло.

Еще один афоризм-четверостишие из цикла «Лысва войтъяс. Дженьыд кывбуръяс» («Капли росы. Короткие стихи») содержит пример сравнения с зоонимом – ихтионимом *йӧрш* ‘ёрш’, отсылающим к культуре питания, связанной с особенностями употребления костлявой рыбы, какой являются ерши. Поэт обращается к теме нравственно-этических норм и ценностей, осуждению обмана, лжи и невыполнения обещаний. Референтом сравнения является признак «осторожно» (*виччысьӧмӧн*), модулем сравнения – обман как отвлеченное понятие в модальности долженствования (колӧ ‘надо’), а агентом – акт поедания костлявой рыбы ерша: *Вӧчӧм пыдди кӧсйысян кӧ сӧмын, / Авъяӧн дыр лыддьысьны оз позь: / Пӧръясьнытӧ колӧ* ***виччысьӧмӧн, / Лыӧсь йӧршӧс вильӧдігӧн моз*** [Ванеев, 2007, с. 286] ‘Если не сделаешь, а только пообещаешь, Нельзя будет в дальнейшем считаться порядочным (толковым) человеком: Обманывать нужно с осторожностью, как будто обгладываешь костлявого ерша (*букв*. как обгладывая костлявого ерша)’.

Заключение

Ванеев А.Е. активно использует образный потенциал сравнений с анималистическим (зоонимическим) компонентом в своих поэтических произведениях. В большинстве случаев зоонимические образы восходят к насекомым, птицам, животным, обитающим в дикой природе. Установлено, что зоонимы в образном употреблении связаны преимущественно со сферой человека, служат для характеристики эмоциональных и физических состояний, особенностей поведения, возрастных признаков, действий и т.д. Характеристика внешнего облика с помощью зоонимических сравнений у А.Е. Ванеева встречается главным образом у женщин (образ лёгкой бабочки). Кроме ворона и бабочки, зоонимические образы имеют положительную коннотацию. Положительное восприятие помогает формировать динамичность зоонимических образов, создающих представление об активно изменяющейся жизни, широком спектре и высоком накале испытываемых эмоций. Зоонимические образы служат также для характеристики животных, предметов.

Художественный смысл зоонимических образов в поэтических произведениях А.Е. Ванеева следует трактовать через специфику восприятия поэтом окружающего мира, обусловленную своеобразием национальной культуры и образа жизни коми народа, взаимодействием с другими культурами и их влиянием.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ванеев А.Е. Талун асылыс сёдз. = Утро сегодня ясное. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 160 лб.

Ванеев А. Ловъя би = Живой огонь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1983. 254 лб.

Ванеев А. Войвывса сонетъяс = Северные сонеты. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. 224 лб.

Ванеев А.Е. Куим небӧгӧ бӧрйӧм гижӧдъяс. Т. 1: Кывбуръяс = Собрание сочинений в трех томах. Т. 1: Поэмы. Сыктывкар: Ред. журн. «Арт», 2007. 462 лб.

Ванеев А.Е. Лым сюръя кодьӧсь быдмылімӧй ми... = Мы росли, походя на снеговые столбы… // Войвыв кодзув = Северная звезда. 2018. № 7. Лб. 49–50.

Голуб И.Б. Стилистика русского языка. 6-е изд. М.: Айрис-пресс, 2005. 448 с.

Казанцева И.В. Функционально-семантическое поле компаративности в марийском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2005. 23 с.

Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Яз. слав. культур, 2007. 704 с.

Коваль Е.С. Выражение сравнения в коми языке // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Филология и искусствоведение. 2012. № 1 (2). С. 20–24.

Коваль Е.С. Сравнительные конструкции семантики цвета // Материалы докладов II Всерос. (XVII) молодежной науч. конф. «Молодежь и наука на Севере» (Сыктывкар, 22–26 апр. 2013 г.): в 2 т. Сыктывкар, 2013. Т. II. С. 197–199.

Котовчихина Н.Д. Насекомое как образ, символ, мифологема в русской литературе // Мир науки, культуры и образования. Языкознание и литературоведение. 2019. № 2 (75). С. 535–537.

КРС 2000 – Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукӧр (Коми-русский словарь) / отв. ред. Л.М. Безносикова; ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 816 с.

Лодыгин В.Г. Снайпер Есев // Войвыв кодзув = Северная звезда. 2021. № 5. С. 34–41.

Манчева Е.Г. Значение образного сравнения как результат непрямой номинации и семантической абстракции // Известия вузов. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 3, вып. 4. С. 298–302.

Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.

Маслова В.А. Поэтический текст: Новые подходы и решения. М.: ФЛИНТА, 2022. 318 с.

Мезенин С.М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1983. Вып. № 6. С. 48–57.

Распутин В. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Молодая гвардия: Вече-АСТ, 1994. Т. 3. 493 с.

Расторгуев А.П. «Хорошо, что я здесь побывал» // Альберт Ванеев: «Мед парма эрдын ас ног верми сьывны...» / «Чтоб в парме мог петь на своем языке...»: сб. ст. о творчестве А.Е. Ванеева / отв. ред. Е.В. Остапова. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. С. 244–267. (Серия: Эскизы к литературному портрету. Вып. 4).

Сардалова Л.Р., Мусаева А.А. Художественная образность в поэтическом тексте и способы ее выражения // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 104–108.

Уляшев О.И. Хроматизм в фольклоре и мифологических представлениях пермских и обскоугорских народов. Екатеринбург: УрО РАН, 2011. 422 с.

Чернова С.В. Художественный образ: к определению понятия // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 6. С. 109–116.

Olga Nekrasova

SIMILE IN THE CONTEXT OF THE CREATION OF ZOONYMIC IMAGES IN THE POETIC WORKS OF A.E. VANEEV

Introduction. Vaneev Albert Egorovich is the national poet of the Komi Republic. His poetry is distinguished by the richness and diversity of forms and genres: lyric poems, ballads, poetry stories, poems, sonnets. Nature permeates almost all of his works, and so the poet's rich zoonymic lexicon should be distinguished. The article analyzes similes containing the component related to the thematic group of vocabulary 'animal world', zoonyms creating artistic images. Special attention is paid to poetic individuality of A.E. Vaneev, his works and linguistic personality. **The purpose of the work** is to analyze similes in the context of the creation of zoonymic images in the poetic works of A.E. Vaneev. The article is also aimed at describing the semantics of the zoonymic images, identifying the specifics of the verbal expression of the components of similes. **Materials and methods.** The research uses materials taken from poetic works of A.E. Vaneev. Linguistic methods (descriptive, comparative), methods of semantic and contextual analysis, stylistic interpretations of the linguistic means of poetic texts were applied. **Research results and discussion.** The animal world as an integral part of nature is an important component in the system of images in the poetic works of A.E. Vaneev, it is a means of artistic comprehension of the surrounding world. In the semantic system of the poetic text, similes get the character of special expressiveness of images, of phenomena presented by the author, being a form of artistic comprehension of the surrounding reality. The article analyzes zoonymic images of insects, birds, fish, and other animals, which are used to characterize various realities of the surrounding world in the poetic works of A.E. Vaneev. We revealed the stable semantics of a number of zoonymic images, which go back to various sources: folklore, literary tradition, etc. Direct observation of the animals' behaviour, knowledge of the peculiarities of their life, etc. can form the semantics of the image. Most zoonymic images have a positive connotation. The referents of similes relate to the sphere of man, animals, natural phenomena, objects. **Conclusion.** The artistic meaning of zoonymic images in the poetic works of A.E. Vaneev should be interpreted through the specifics of the poet's perception of the surrounding world, which reflects the originality of the national culture and way of life of the Komi people, interaction with other cultures and their influence.

Keywords: A.E. Vaneev, Komi poetry, the Komi language, zoonym, simile, comparative construction, artistic image, expressive means, imagery.

REFERENCES

Vaneev A.E. Talun asylys södz [It's a Clear Morning Today]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1979, 160 p. (In Komi).

Vaneev A. Lov"ja bi [Living Fire]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1983, 254 p. (In Komi).

Vaneev A. Vojvyvsa sonet"jas [Northern Sonnets]. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1988, 224 p. (In Komi).

Vaneev A.E. Kuim nebögö börjöm gizhöd"jas. Tom 1. Kyvbur"jas [Selected Works in Three Volumes. Vol. 1. Poems]. Syktyvkar, Redakcija zhurnala «Art», 2007, 462 p. (In Komi).

Vaneev A.E. Lym sjur"ja kod'ös' bydmylimöj mi... [We grew like snow pillars]. *Vojvyv kodzuv,* 2018, no. 7, pp. 49-50. (In Komi).

Golub I.B. Stilistika russkogo jazyka [Stylistics of the Russian language]. 6nd ed. Moscow, Ajriss-press, 2005, 448 p. (In Russian).

Kazanceva I.V. Funkcional'no-semanticheskoe pole komparativnosti v marijskom literaturnom jazyke [Functional and semantic field of comparativeness in the Mari literary language]. Abstract of Ph. D. thesis. Yoshkar-Ola, 2005, 23 p. (In Russian).

Knjazev Ju. P. Grammaticheskaja semantika. Russkij jazyk v tipologicheskoj perspektive [Grammatical Semantics. The Russian Language in Typological Perspective]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur, 2007, 704 p. (In Russian).

Koval' E.S. Vyrazhenie sravnenija v komi jazyke [Expression of Simile in the Komi language]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Filologija i iskusstvovedenie,* 2012, no. 1(2), pp. 20-24. (In Russian).

Koval' E.S. Sravnitel'nye konstrukcii semantiki cveta [Comparative constructions of color semantics]. *Materialy dokladov II Vserossijskoj (XVII) molodezhnoj nauchnoj konferencii «Molodezh" i nauka na Severe» (Syktyvkar, 22-26 April 2013).* Syktyvkar, 2013, vol. II, pp. 197-199. (In Russian).

Kotovchihina N.D. Nasekomoe kak obraz, simvol, mifologema v russkoj literature [Insect as an image, symbol, mythologeme in Russian literature]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovanija. Jazykoznanie i literaturovedenie,* 2019, no. 2 (75), pp. 535-537. (In Russian).

KRS 2000 – Beznosikova L.M., Ajbabina E.A., Kosnyreva R.I. Komi-roch kyvchukör (Komi-russkij slovar') [Komi-Russian Dictionary]. Eds. L.M. Beznosikova. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel'stvo, 2000, 816 p. (In Komi, in Russian).

Lodygin V.G. Snajper Esev [Shooter Esev]. *Vojvyv kodzuv*, 2021, no. 5, pp. 34-41. (In Komi).

Mancheva E.G. Znachenie obraznogo sravnenija kak rezul'tat neprjamoj nominacii i semanticheskoj abstrakcii [The meaning of figurative comparison as a result of indirect nomination and semantic abstraction]. *Izvestija vuzov. Gumanitarnye nauki*, 2012, no. 3(4), pp. 298-302. (In Russian).

Maslova V.A., Pimenova M.V. Kody lingvokul'tury [Linguistic Culture Codes]. Moscow, FLINTA: Nauka, 2016, 177 p. (In Russian).

Maslova V.A. Poeticheskij tekst: Novye podhody i reshenija [Poetic Text: New Approaches and Solutions]. Moscow, FLINTA, 2022, 318 p. (In Russian).

Mezenin S.M. Obraznost' kak lingvisticheskaja kategorija [Imagery as a linguistic category]. *Voprosy jazykoznanija*, 1983, iss. no. 6, pp. 48-57. (In Russian).

Rasputin V. Sobranie sochinenij [Collected works]. Moscow, Molodaja gvardija, Veche-AST, 1994, vol. 3, 493 p. (In Russian).

Rastorguev A.P. «Horosho, chto ja zdes' pobyval» [I'm happy to see this place]. *«Chtob v parme mog pet' na svoem jazyke...». Sbornik statej o tvorchestve A.E. Vaneeva. Eskizy k literaturnomu portretu.* Ed. E.V. Ostapova. Syktyvkar, Syktyvkarskij gosudarstvennyj universitet imeni Pitirima Sorokina, 2023, iss. 4, pp. 244-267. (In Russian).

Sardalova L.R., Musaeva A.A. Hudozhestvennaja obraznost' v poeticheskom tekste i sposoby ee vyrazhenija [Artistic imagery in a poetic text and ways of expressing it]. *Gumanitarnye i social'nye nauki*, 2021, vol. 89, no. 6, pp. 104-108. (In Russian).

Uljashev O.I. Hromatizm v fol'klore i mifologicheskih predstavlenijah permskih i obskougorskih narodov [Chromaticism in folklore and mythological representations of the Permian and Ob-Ugric peoples]. Ekaterinburg, Ural'skoe otdelenie Rossijskoj akademii nauk, 2011, 422 p. (In Russian).

Chernova S.V. Hudozhestvennyj obraz: k opredeleniju ponjatija [Artistic image: to the definition of the concept]. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta,* 2014, no. 6, pp. 109-116. (In Russian).

Некрасова Ольга Ивановна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: lesik3108@yandex.ru

Olga Nekrasova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Language,
Literature and History
of the Komi Research Centre,
the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: lesik3108@yandex.ru

УДК 811.511.131
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-35-47

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ НАРЕЧИЙ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2024 г. А.А. Шибанов

Введение. Категория наречия во многих языках является наиболее дискуссионной частью речи. Наречия в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, за исключением ряда производных наречий, имеющих специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи. Главным морфологическим свойством наречий является их неизменяемость, однако некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения. **Цель статьи** – проанализировать и описать степени сравнения удмуртских наречий. **Материалы и методы.** Материалом для исследования послужили научные труды известных финно-угроведов, оригинальные тексты художественной литературы на удмуртском языке. **Результаты исследования, обсуждения.** Степеням сравнения финно-угорских языков посвящены специальные работы Давида Фокоша-Фукса «Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («Сравнительная и превосходная степени в финно-угорских языках») (1949) и Ало Рауна «Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («К сравнительной и превосходной степеням в финно-угорских языках») (1951). Функции суффикса сранительной степени освещены в исследовании Пааво Равилы «Über das finnisch-ugrische komparativsuffix» («О финно-угорском суффиксе сравнения») (1937). В финно-угорском языке-основе, по словам К.Е. Майтинской, еще не определился морфологический способ выражения степеней сравнения. Соответствующие значения передавались разными вспомогательными средствами: синтаксическими или использованием суффиксов разного назначения, которые (помимо основной функции) служили и для выражения значений сравнительной и превосходной степеней. **Заключение.** В современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: положительная, сравнительная и превосходная.

Ключевые слова: лингвистика; морфология; удмуртский язык; наречие; степени сравнения.

Введение

Категория наречия во многих языках является наиболее дискуссионной частью речи. Наречия в удмуртском, как и в других финно-угорских языках, за исключением ряда производных наречий, имеющих специфические аффиксы, весьма слабо дифференцированы от других частей речи. Морфологически они трудно отличимы или совсем не отличимы, с одной стороны, от прилагательных, с другой – от локативных форм имен, а также от служебных частей речи, с третьей – от деепричастных форм глагола. Главным морфологическим свойством наречий является их неизменяемость, однако некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения.

Одной из важнейших особенностей человеческого мышления является логическая операция сравнения, которая наукой выделяется в отдельную категорию. Категория компаративности отражает понятие равенства/неравенства, большей или меньшей степени качества и находит языковое выражение как в морфологической категории степеней сравнения прилагательных и наречий, так и на лексическом и синтаксическом уровнях.

Цель статьи – проанализировать и описать степени сравнения удмуртских наречий.

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили оригинальные тексты художественной литературы на удмуртском языке.

Результаты исследования, обсуждения

Некоторые наречия, подобно именам прилагательным, образуют степени сравнения. Степени сравнения имеют как первообразные, так и простые производные наречия, одиночно оформленные.

Степеням сравнения финно-угорских языков посвящены специальные работы Д. Фокоша-Фукса «Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («Сравнительная и превосходная степени в финно-угорских языках») [Fuchs, 1949] и А. Рауна «Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen» («К сравнительной и превосходной степеням в финно-угорских языках») [Raun, 1951]. Функции суффикса сранительной степени изложены в статье П. Равилы «Über das finnisch-ugrische komparativsuffix» («О финно-угорском суффиксе сравнения») [Ravila, 1937].

В финно-угорском языке-основе, по словам К.Е. Майтинской [ОФУЯ, 1974, с. 279–281; Майтинская, 1979, с. 138–148], еще не определился морфологический способ выражения степеней сравнения. Соответствующие значения передавались разными вспомогательными средствами: синтаксическими или использованием суффиксов разного назначения, которые (помимо основной функции) служили и для выражения значений сравнительной и превосходной степеней.

После распада финно-угорской общности в языковых ветвях и отдельных языках появились разные морфологические (синтетические и аналитические) способы передачи указанных значений. Однако точному или даже сравнительно точному учету эти способы не поддаются, поскольку по ряду финно-угорских языков не выявлена степень грамматикализованности того или иного средства выражения значений степеней сравнения. Если в каком-либо языке возможно использование двух или трех способов, часто неясно, какой из них достаточно обобщен для включения в парадигму.

В современных финно-угорских языках грамматическое значение сравнительной степени выражается двумя основными способами: без применения специального суффикса или при помощи такого суффикса. В большинстве финно-угорских языков употребляются оба способа, но преимущественно – только один из них. Бессуфиксальный способ следует считать более древним, чем второй способ.

При суффиксальном способе прилагательное/наречие получает какой-нибудь более или менее грамматикализованный суффикс сравнительной степени. В финно-угорских языках встречаются суффиксы разного происхождения: они либо преобразовались из формантов усилительно-подчеркивающего значения, либо же происходят от усилительно-подчеркивающих наречий и частиц типа русского *очень, весьма*; выявляются иногда и суффиксы, заимствованные из других языков. При суффиксальном способе имя (или местоимение), выражающее то, с чем сравнивается, получает падежный суффикс. И в данном случае большей частью используются форманты падежей отдалительной семантики (аблатива, элатива), ср. ф. *hän on minua nuorempi* ‘он моложе меня’ (*minua* – партитивная форма, восходящая к аблативной), в современном венгерском литературном языке употребляется адессивная форма, но раньше использовалась аблативная.

Майтинская К.Е. в книге «Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков» приводит следующие разновидности образования суффиксальных признаков сравнительной степени: 1) переосмысление словообразовательных суффиксов разного назначения в суффиксальные признаки сравнительной степени; 2) переход слов-частиц в суффиксальные признаки сравнительной степени; 3) заимствование суффиксальных элементов соответствующего значения из других языков.

Для переосмысления в признаки сравнительной степени активно использовались словообразовательные суффиксы разной семантики; об этом свидетельствует прежде всего полисемия формантов сравнительной степени в большинстве современных финно-угорских языков. Так, по наблюдениям А. Рауна, в марийском, пермских и обско-угорских языках признаки сравнительной степени (помимо значения сравнения) могут выражать уменьшительное,

ограничительное, эмоционально-подчеркивающее и усилительное значения. По мнению К.Е. Майтинской, перечисленные А. Рауном значения сводятся к двум основным: 1) усилительно-подчеркивающему и 2) уменьшительно-ограничительному; именно словообразовательные суффиксы с такими значениями наиболее часто переосмысливались в признаки сравнительной степени.

Процесс соответствующих семантических преобразований объясняется вполне естественно. С одной стороны, суффиксы усилительно-подчеркивающего значения весьма пригодны для развития значения сравнительной степени, поскольку форма сравнительной степени обозначает, собственно, и усиление качества, свойства по сравнению с качеством, свойством, обозначаемым формой положительной степени; ср. русские формы сравнительной степени *красивее* или *более красивый* с формой положительной степени *красивый*. С другой стороны, в ряде случаев со значением сравнительной степени может ассоциироваться представление и об уменьшении чего-то в объеме, протяженности, размере и т.д., и подобное значение близко также к семантике словообразовательных суффиксов уменьшительно-ограничительного значения; ср. рус. *узкий коридор, более узкий коридор, узенький коридор; короткое время, более короткое время, коротковатое время.* Поэтому не случайно во многих языках признак сравнительной степени выражает и модеративное (ограничительное) значение; ср. венг. *kis szoba* ‘маленькая комната’ – *ez a szoba kisebb annál* ‘эта комната меньше той’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в своем основном значении) – *egy kisebb szoba* ‘небольшая комната’, ‘не очень маленькая комната’ (форма сравнительной степени *kisebb* выступает в модеративном значении); ср. также материалы по удмуртскому языку, где признаки сравнительной степени *-gem, -ges* продолжают выражать и модеративное значение тех словообразовательных суффиксов, к которым они восходят; в марийском признак сравнительной степени *-rak / -räk* выражает как модеративное, так и уменьшительное значение [Майтинская, 1979, с. 140–141].

В пермских языках употребляется несколько признаков сравнительной степени; из них удм. *-gem* и *-ges*, восходящие к словообразовательным суффиксам ограничительного (модеративного) значения, присоединяются к форме положительной степени прилагательного/наречия: *юш лым язь лымлэсь ческытгем* ‘уха из окуня повкуснее ухи из язя’, *километр иськемлэсь вакчигес* ‘километр покороче версты’, *юш лым язь лымлэсь ческытгем кошке* ‘уха из окуня повкуснее ухи из язя естся’, *вакчигес ванды* ‘покороче отрежь’.

Происхождение признаков сравнительной степени *-gem* и *-ges* от суффиксов словообразовательного назначения подтверждается прежде всего тем, что *-gem, -ges* и в функции формантов сравнительной степени продолжают выражать оттенок модеративности (*повкуснее, покороче*), т.е. прилагательные в форме сравнительной степени на *-gem, -ges* указывают, что по качественному

признаку одни предметы от других отличаются лишь незначительно; при сравнении же без модеративного значения обычно употребляются конструкции с использованием прилагательного в форме положительной степени, ср. выражения типа: *лымлэсь ческыт* ‘вкуснее ухи’, *иськемлэсь вакчи* ‘короче версты’. Далее, чисто ограничительное значение суффиксов *-gem, -ges* отчетливо выступает и в современном удмуртском языке, например, в северо-западных говорах; ср. *so gordgem bubojka baśtem* ‘она купила красноватый платок’, *lị̈zges čuškon tupa mi̯ni̯m* ‘мне нравится синеватый платок’; словообразовательный суффикс *-gẹm* (соответствующий удмуртскому *-gem*) прослеживается и в коми диалектах; ср. *napi̯dgẹm* ‘сыроватый’, *i̯ži̯dgẹm* ‘довольно большой’, *gi̯rgẹm* ‘крупноватый’. И наконец, широкое применение формантов *-gem, -ges* не только при именах и наречиях, но и при местоимениях, глаголах и даже послелогах также свидетельствует об исконно словообразовательном характере этих морфем; ср. удм. *miges aźlańi̯n luiśkom* ‘чаще всего мы (именно мы) оказываемся в передовых’, *tajzegem agronommes gažaśkom* ‘именно этого агронома больше уважаем’, *užagem val, trẹs końdon śoti̯salzi̯* ‘работал бы (букв. более работал бы), больше денег получил бы’, *kuspazi̯ tupani̯ges soos kutskizi̯* ‘между собой они стали жить лучше’. Естественно, что вне сферы имен форманты *-gem, -ges* могут употребляться как в модеративном (ограничительном), так и в аугментативном (увеличительно-выделительном) значении, и это показывает, что *-gem, -ges,* как и большинство словообразовательных суффиксов, выражали разные семантические оттенки [Майтинская, 1979, с. 143–144].

Элемент *-g-* в составе *-gem, -ges* идентичен пермскому именному словообразовательному *-g*, компоненты *-m* и *-s* также возводятся к словообразовательным именным суффиксам *-m* и *-s*. Однако признаки *-gem* и *-ges* произошли переосмыслением уже «готовых» сложных словообразовательных суффиксов, переход которых в суффиксы формообразования (сравнительной степени) подтверждается и тем, что в последнем качестве *-gem, -ges* могут следовать за другими формообразующими (словоизменительными) суффиксами: ср. *korkaos tati̯n vi̯ľeśgem* (или *vi̯ľeśges*) ‘дома здесь более новые’ (*vi̯ľ* ‘новый’, *-eś* – признак мн. числа) [Майтинская, 1979, с. 144].

Емельянов А.И. в своей работе «Грамматика вотяцкого языка» при анализе суффиксов сравнительной степени *-ges* и *-gem* относит «окончание» *-s* первого суффикса к посессивному суффиксу, «окончание» *-m* второго суффикса – к суффиксу отглагольного имени *-m*. Он пишет: «Первый принадлежит к посессивным образованиям и значит “имеющий что-л.”, второй – к отглагольным и значит “наделенный чем-л.”. Общее у того и другого суффикса, это звук *g*, несомненно, суффикс уменьшительных имен.

Функции обоих суффиксов почти одинаковы. Общий суффикс *-g-* в том и другом случае дает имени значение уменьшительное» [Емельянов, 1927, с. 115–116].

В настоящее время в современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная, б) сравнительная и в) превосходная [КГОУЯ, 2008, с. 857].

Положительная степень наречий – это базовая форма, которая чаще всего констатирует данное количество или качество: *жог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’, *каллен* ‘тихо’, *кема* ‘долго’ и др.

Йырзэ ***жог*** *гинэ жутӥз миндэр вылысь, учкиз – соку ик ури-бери султӥз кӧлон интыысьтыз, бызиз бабаез доры, ӟыгырскиз* [Удмурт литература, 2003, с. 66] ‘Голову **быстро** поднял с подушки, осмотрелся – тогда же сразу встал с кровати, побежал к бабушке, обнялся’; *Та мадёс Соловьёвлэн но, Гавриловлэн но сюлэмазы* ***мур*** *пычам* [там же, 2003, с. 166] ‘Эта побасенка и Соловьеву, и Гаврилову **глубоко** в сердце запала’; *Мазэ веранэз, сыче адямиез* ***шер*** *шедьтод* [там же, 2003, с, 114] ‘Что и говорить, такого человека **редко** найдешь’; *Кузпалэзлэсь сюлмаськемзэ шӧдыса,* ***каллен*** *шуиз: «Эн сюлмаськы, Илюше. Ваньмыз умой луоз…»* [Архипов, 1985, с. 37] ‘Почувствовав волнение мужа, **тихонько** произнесла: «Не переживай, Илюшенька. Все хорошо будет…»’; ***Кема*** *бергаз эмеспи луонмы синучкон азьын: мычиськиз, йырсизэ, оло, сизьым пол сыназ, дыр, ни…* [Нянькина, 1996, с. 123] ‘**Долго** крутился перед зеркалом наш будущий зять: побрился, волосы, наверно, раз семь уже причесал…’

Сравнительная степень наречий обозначается посредством аффиксов *-гес, -гем.* В зависимости от семантики наречия, суффикс (*-гес, -гем*) осознается с общим значением «более» или «менее», т.е. наречие с этим суффиксом обозначает признак действия или качества в большей или меньшей мере, чем он выражен в наречиях несравнительной степени, например:

определительные наречия: *жог* ‘быстро’ – *жоггес* ‘побыстрее’, *мур* ‘глубоко’ – *мургес* ‘глубже’, *шер* ‘редко’ – *шергес* ‘реже’, *шуген* ‘с трудом’ – *шугенгес* ‘более трудно’, *трос* ‘много’ – *тросгес* ‘больше’, *чаляк* ‘быстро’ – *чалякгес* ‘быстрее’, *сак* ‘внимательно’ – *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.;

обстоятельственные наречия: *кыдёкын* ‘далеко’ – *кыдёкынгес* ‘дальше’, *али* ‘сейчас’ – *алигес* ‘недавно’, *палэнын* ‘в стороне’ – *палэнынгес* ‘более в стороне’, *матэ* ‘ближе’ – *матэгес* ‘поближе’, *бӧрысь* ‘позже’ – *бӧрысьгес* ‘попозже’, *кыдёке* ‘дальше’ – *кыдёкегес* ‘подальше’, *вазь* ‘рано’ – *вазьгес* ‘раньше’ и др.

– Здравствуйте, моё почтение, Михаил Фёдорович! – карнанлэсь но ***юнгес*** *губырскыса, ньыль пол бӧрсе йыбыртъя* [Коновалов, 2005, с. 68] ‘– Здравствуйте, мое почтение, Михаил Фёдорович! – загнувшись **сильнее** коромысла, четыре раза подряд кланяется’; *Больницаын врачъёс Кирла сярысь но* ***ӧжытгес*** *басьто* [Красильников, 1991, с. 13] ‘Врачи в больнице **меньше** Кирилла (денег) получают’; *Гур вылын кыллись гын сапег но солэсь* ***умойгес*** *кылэ, дыр* [там же, 1991, с. 15] ‘Дома на печи лежащий валенок **лучше** ее слышит, наверно’; *– Сюлэм но огшоры дыръялэсь* ***ӵемгес*** *жугыны кутскем бен тӥни, – шуэ*

Лина, – мон серекъяй гинэ [Коновалов, 2005, с. 11] ‘– И сердце **чаще** стало стучать, чем в простые времена, – говорит Лина, – я пошутила только’; *Кирла соос сярысь кык пол **ӧжытгес** ветлӥз школае, нош коньдон тырон нуналэ кык полэс **зӧкгес** басьтэ* [Красильников, 1991, с. 8] ‘Кирилл по сравнению с ними в два раза меньше учился, а в день зарплаты вдвое **больше** получает’; *– Опалубочной щитъёсты трос пол кутыса, кык пол **ӝоггес** ужаны кутским, – шуэ со, – малы ке шуоно, щитъёс витьыса тэк сылонъёс быризы* [Архипов, 1963, с. 157] ‘– Набрав больше опалубочных щитов, в два раза **быстрее** начали работать, – говорит он, – потому что время, проводимое впустую при ожидании щитов, закончилось’; *Азьвылэз представитель проектлэн котькуд букваез борды кырмиськоз ке вал, таиз, вылез, сое санэ ик ӧз басьты, быдэсак Лагуненкоен огкылысь луыса, **тросгес** вераськиз, **ичигес** эскериз* [там же, 1963, с. 47] ‘Прежний представитель на каждую букву проекта внимание обращал, этот, новый, ничего этого не делал, полностью соглашаясь с Лагуненко, **больше** говорил, **меньше** проверял’; *Допрос лэсьтыны кутскыса, Морозов выльыс валэктӥз Комаровлы: шонерзэ гинэ, пӧятэк, номыре ватытэк верано, озьы аслыд **капчигес** луоз Закон азьын* [Самсонов, 1989, с. 256] ‘Начав допрос, Морозов заново объяснил Комарову: всю правду, без обмана, ничего не скрывая нужно говорить, так перед Законом самому будет **легче**’; *Камашев берен ас интыяз мынэ вал ини, Спиридон Васильевич солэсь юаз: «Нош тон ачид, Прохор Яковлевич, кызьы малпаськод, товарищество-а яке артель-а **умойгес** луоз?»* [Гаврилов, 1988, с. 432] ‘Камашев на свое место шел было уже, Спиридон Васильевич его спросил: «А ты сам, Прохор Яковлевич, как думаешь, товарищество или артель **лучше** будет?»’; *Волинэн пумиськемез бадӟым пайда сётӥз: Сергей пьесазэ нуналмысь нуналэ **мургес** но **мургес** валаз, уноез персонажъёс улэп адямиос кадь адскыны кутскизы* [там же, 1988, с. 273] ‘Встреча с Волиным дала большую пользу: Сергей свою пьесу изо дня в день все **глубже** и **глубже** стал понимать, большинство персонажей стали выглядеть как живые’; *Сергей арня нуналъёсы но гуртаз пумен шергес бертылыны кутскиз* [там же, 1988, с. 28] ‘Сергей и по воскресеньям стал пореже ездить домой’; *Мугорыз шоры учконо ке, арлыдызлэсь **тросгес** сётод* [Красильников, 1976, с. 13] ‘Если посмотреть на его телосложение, **больше** (лет) дашь’.

В пермских языках признак сравнительной степени удм. *-ӟi̯k*, к. *-ӟi̯k*/*-ži̯k* формировался переходом слова-частицы. В коми языках данный признак является общераспространенным, характерным как для литературных языков, так и для диалектов, причем в коми-зырянском больше употребляется вариант *-ӟi̯k*, в коми-пермяцком – вариант *-ži̯k*. В удмуртском *-dži̯k (-ӟi̯k)* используется только в диалектах [Тепляшина, 1964, с. 141–144; 1970, с. 169; Бушмакин, 1965, с. 24; Кельмаков, 1998, с. 129] (в литературном языке употребляются признаки *-gem, -ges*): *трӧс* ‘много’ – *трӧсӟык* ‘больше’, *чебер*

‘красиво’ – *чеберӟык* ‘красивее’, *бур* ‘хорошо’ – *бурӟык* ‘лучше’, *ӟог* ‘быстро’ – *ӟогӟык* ‘быстрее’, *матын* ‘близко’ – *матынӟык* ‘ближе’, *ӵем* ‘часто’ – *ӵемӟык* ‘чаще’ и др. По наблюдениям Т.И. Тепляшиной, в нижнечепецких говорах *-ӟык* может употребляться самостоятельно, ср. *со ӟогӟык ужа* и *со ӟык ӟог ужа* ‘он работает быстрее’ [1970, с. 184].

Признак *-ӟi̯k* происходит от усилительной частицы (наречия); ср. к. *ȯz ḍẑi̯k* ‘не очень’, удм. *dẑi̯k* ‘аккуратно’, ‘как следует’.

Раун А. сомневается в наречном происхождении данного признака, утверждая, что *ḍẑi̯k* как наречие встречается очень редко; поэтому он предполагает, что последнее появилось путем отделения компаративного признака от основы прилагательного. Однако наречное происхождение *-ӟi̯k* подтверждается рядом доказательств.

Прежде всего, данное слово встречается не только в коми языке; в качестве самостоятельной частицы в значении ‘же’, ‘ведь’ *-ӟi̯k* употребляется и в удмуртских говорах. Таким образом, отдельная частица *-ӟi̯k* может как следовать за подчеркиваемым словом, так и предшествовать ему.

Общий процесс превращения наречия *ӟi̯k* в суффикс сравнительной степени протекал, по словам Б.А. Серебренникова, следующим образом.

Первоначально в пермских языках сравнительная степень выражалась синтаксическим путем. Предмет, с которым сравнивался по качеству другой предмет, ставился в аблативе. Этот способ выражения сравнительной степени до сих пор сохраняется в языке коми, ср., например, *Puys kerkayś ӟužyd* ‘Дерево выше дома’. Этот способ, вне всякого сомнения, является первичным, поскольку он широко представлен в других финно-угорских языках. Однако эта конструкция сама по себе является маловыразительной, т.к. прилагательное остается без изменения. В целях создания контраста прилагательное стало усиливаться в языке коми наречием *ӟi̯k*, в результате чего возник новый способ выражения *puys kerkayś ӟužydӟi̯*k ‘дерево по сравнению с домом очень высокое (или довольно высокое)’. Учащение употребления этих случаев привело к тому, что наречие превратилось в суффикс и прилагательное, снабженное этим суффиксом, получило новый семантический оттенок – «обладающий большей степенью данного качества».

Происхождение суффикса *-ӟi̯k* из наречия *ӟi̯k*, некогда означавшего ‘очень’, может быть весьма вероятным. В свою очередь наречие *ӟi̯k* может иметь и другие этимологические связи, ср., например, мар. *čoka* ‘густой (о волосах)’, к.-з. *čõk-yd* ‘частый’, ‘густой’ [Серебренников, 1963, с. 161–162].

Как и в других финно-угорских языках, сравнительная степень в удмуртском языке может быть выражена и аналитическим способом, т.е. без применения специального сравнительного суффикса, сочетанием наречия с именем существительным или местоимением в разделительном падеже, например:

Вокзалэз бомбить ***каремзылэсь азьвыл*** *потыны вуоно* [Удмурт литература, 2003, с. 79] ‘Нужно успеть выйти до (букв. пораньше) того, как начнут бомбить вокзал’; *Картэзлы осконэз Ларисалэн* ***войналэсь азьвыл*** *ик кыляны ӧдъяз* [там же, 2003, с. 86] ‘Лариса начала терять доверие к мужу уже до войны’; *Шултэм* ***куараезлэсь берло*** *ачиз куалектэ* [там же, 2003, с. 92] ‘Потом от своего свиста сам же вздрагивает’; *Ӧвӧл, лучше ачим, чыртыям из думыса, Вятка пыдсы васько.* ***Солэсь капчи*** *номыр но уз луы ни* [там же, 2003, с. 106] ‘Нет, лучше я сам, привязав к шее камень, опущусь на дно Вятки. Легче этого уже ничего не будет’; *Тодо-а татын* ***солэсь азьвыл*** *беспризорник луэмзэ?* [там же, 2003, с. 113] ‘Знают ли здесь, что он до этого был беспризорником?’; *Кутоно, марысь-мар* ***луэмлэсь азьло*** *кутоно но берлань келяно* [там же, 2003, с. 119] ‘Надо взять, пока что-нибудь не случилось, надо взять и обратно отправить’; *Юн кариськыны тыршыса, Омель,* ***Демилэсь азьло*** *гуртэ вуон понна, ӵогрес султӥз но чырткем бызьыса кошкиз* [там же, 2003, с. 119] ‘Ради того, чтобы попасть в деревню раньше Димы, Емельян очень старался, резко встал и быстро побежал’.

Для форм **превосходной степени** наречий характерно заимствование «готовых» частиц, которые уже в языке-передатчике использовались как компоненты форм или конструкций превосходной степени.

Русская аналитическая форма превосходной степени типа *самый широкий, самый красивый* и т.д. оказала большое влияние на зарождение аналитических конструкций превосходной степени в ряде финно-угорских языков. Последними перенята не только модель русской конструкции, но и заимствована с разными фонетическими изменениями частица *самый*. В удмуртский язык русское слово *самый* вошло в виде *samoj* [Майтинская, 1979, с. 160–161].

Превосходная степень в удмуртском языке передается лишь аналитическим способом: *самой* + наречие в положительной форме. Например: ***Самой азьпалан*** *Шевелёв сюрес возьматыса мынэ* [Гаврилов, 1988, с. 649] ‘**Впереди всех**, показывая дорогу, идет Шевелев’; ***Самой ӝужыт*** *адӟиське кык этажо из юртлэн липетэз – со клуб* [Красильников, 1965, с. 36] ‘**Всех выше** смотрится крыша двухэтажного кирпичного здания – это клуб’; *Табере, уть, кылзы воксё мукет пала берыктӥськемын, соос гинэ та водопровод сярысь* ***самой трос*** *тодӥсез шуо ...* [его же, 1991, с. 6] ‘Теперь, посмотри, разговор в другое русло поменян, только они, можно сказать, об этом водопроводе **больше всех** знали…’; ***Самой берло****, ӧсэз лач ворсаса, Сандра но потӥз…* [Архипов, 1985, с. 46] ‘**Позже всех**, громко хлопнув дверьми, и Александра вышла…’; *Лапас улысь, гидысь, сарайысь лобӟыса пото жиляк тӧдьы леггорнъёс,* ***самой берло*** *вуэ ӵужалэс-тӧдьы, огпала ошиськем ӟускиё атас* [Красильников, 1976, с. 67] ‘Из-под навеса, хлева, сарая стремительно выбегают белые-белые леггорны, **всех позже** прибегает желтовато-белый, с поникшим на одну сторону

гребешком петух’; ***Самой азьпалан*** *сылӥсезлэсь ог куинь сажем кемын музын жӧккышет вӧлдэмын, со вылэ няньёс тыремын, нош куд-ог нянь сукыриос вӧзын лянэсэн но мукет посудаен аракыос* [Петров, 1987, с. 79] ‘**От самого** близстоящего человека на расстоянии примерно трех саженей на земле застлана скатерть, на нее хлеб поставлен, а где-то рядом с караваями в туесках и другой посуде вино’.

Заключение

В современном удмуртском языке выделяются три степени сравнения: а) положительная (*жог* ‘быстро’, *мур* ‘глубоко’, *шер* ‘редко’ и др.); б) сравнительная (*жоггес* ‘побыстрее’, *мургес* ‘глубже’, *шергес* ‘реже’, *шугенгес* ‘более трудно’, *тросгес* ‘больше’, *чалякгес* ‘быстрее’, *сакгес* ‘повнимательнее’ и др.) и в) превосходная (*самой азьпалан* ‘впереди всех’, *самой матын* ‘ближе всех’, *самой бер* ‘позже всех’ и др.).

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

к. – коми язык
к.-з. – коми-зырянский язык
мар. – марийский язык
рус. – русский язык
удм. – удмуртский язык
ф. – финский язык

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архипов Т.А. Адямилэн чеберез = Красота человека. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 288 с.

Архипов Т.А. Лудӟи шур дурын = У реки Лудзинки. Устинов: Удмуртия, 1985. 524 с.

Бушмакин С.К. Способы выражения степеней сравнения прилагательных в средневосточных говорах удмуртского языка // Всесоюзная конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1965. С. 23–25.

Гаврилов И.Г. Вордӥськем палъёсын = В родимых краях. Ижевск: Удмуртия, 1988. 744 с.

Емельянов А.И. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Изд-во Ленингр. восточ. ин-та, 1927. 160 с.

КГОУЯ – Алатырев В.И., Ефремов Д.А., Кондратьева Н.В. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь: ок. 50 000 слов. Ижевск, 2008. С. 827–868.

Кельмаков В.К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

Коновалов М.А. Кизилитэм уйёс овол = Нет ночей без звезд. Ижевск: Удмуртия, 2005. 360 с.

Красильников Г.Д. Арлэн кутсконэз = Начало года. Ижевск: Удмуртия, 1965. 192 с.

Красильников Г.Д. Вуж юрт = Старый дом. Ижевск: Удмуртия, 1976. 412 с.

Красильников Г.Д. Кошкисез мед кошкоз = Уходящий пусть уходит // Выль дунне. Удмурт верос: Антология 2 = Новый мир. Удмуртский рассказ: Антология 2. Ижевск: Удмуртия, 1991. С. 5–22.

Майтинская К.Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 264 с.

Нянькина Л.С. Ваёбыж кар = Гнездо ласточки. Ижевск: Удмуртия, 1996. 176 с.

ОФУЯ – Основы финно-угорского языкознания: вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М.: Наука, 1974. 484 с.

Петров М.П. Вуж Мултан = Старый Мултан. Устинов: Удмуртия, 1987. 360 с.

Самсонов С.А. Вужер = Тень. Ижевск: Удмуртия, 1989. 360 с.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Тепляшина Т.И. О суффиксах сравнительной степени в северо-западных удмуртских диалектах // Вопросы финно-угорского языкознания: Грамматика и лексикология. М.–Л.: Наука, 1964. С. 136–145.

Тепляшина Т.И. Нижнечепецкие говоры северноудмуртского наречия // Записки / УдНИИ. Ижевск, 1970. Вып 21: Филология. С. 156–196.

Удмурт литература – Удмурт литература: 6-тй класслы учебник-хрестоматия = Удмуртская литература: учебник-хрестоматия для 6-х классов. Ижевск: Удмуртия, 2003. 206 с.

Fuchs D.R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1949. XXX. S. 147–230.

Raun A. Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen // FUF. 1951. XXX. S. 376–389.

Ravila P. Über das finnisch-ugrische komparativsuffix // FUF. 1937. XXIV. S. 29–58.

Aleksey Shibanov

DEGREES OF COMPARISON OF ADVERBS IN THE UDMURT LANGUAGE

Introduction. The category of adverb in many languages is the most controversial part of speech. Adverbs in Udmurt, as in other Finno-Ugric languages, with the exception of a number of derivative adverbs with specific affixes, are not differentiated properly from other parts of speech. The main morphological property of adverbs is their immutability, but some adverbs, like adjectives, form degrees of comparison. **The purpose of the work** is to analyze and describe the degrees of comparison of Udmurt adverbs. **Materials and methods.** The scientific works of famous Finno-Ugric scholars, original texts of fiction in the Udmurt language were used as the material. **Research results and discussion.** The degrees of comparison of the Finno-Ugric languages are the subject of a special work by Fokosch-Fuchs, “Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen” (“The Comparative and Superlative Degrees in the Finno-Ugric Languages”) (1949), and the work by Alo Raun, “Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen” (“On the Comparative and Superlative Degrees in the Finno-Ugric Languages”) (1951). The functions of the comparative suffix are covered in the work by Paavo

Ravila, “Über das finnisch-ugrische komparativsuffix” (“On the Finno-Ugric Comparative Suffix”) (1937).

According to K.E. Maitinskaya, the morphological method of expressing degrees of comparison has not yet been determined in the Finno-Ugric base language. The corresponding meanings were expressed by various auxiliary means: syntactical or by using suffixes of different purposes, which in addition to the main function also served to express the meanings of the comparative and superlative degrees. **Conclusion.** In the modern Udmurt language, three degrees of comparison are distinguished: positive, comparative and superlative.

Keywords: linguistics; morphology; the Udmurt language; adverb; degrees of comparison.

REFERENCES

Arhipov T.A. Adjamilen cheberez [The Beauty of a Man]. Izhevsk, Udmurtskoe knizhnoe izdatel’stvo, 1963, 288 p. (In Udmurt).

Arhipov T.A. Ludzi shur duryn [By the River Ludzinka]. Ustinov, Udmurtija, 1985, 524 p. (In Udmurt).

Bushmakin S.K. Sposoby vyrazhenija stepenej sravnenija prilagatel’nyh v srednevostochnyh govorah udmurtskogo jazyka [Methods of expressing degrees of comparison of adjectives in the Middle Eastern dialects of the Udmurt language]. *Vsesojuznaja konferencjia po finno-ugrovedeniju. Tezisy dokladov i soobshhenij.* Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1965, pp. 23-25. (In Russian).

Gavrilov I.G. Vordis’kem pal’josyn [In my Native Land]. Izhevsk, Udmurtija, 1988, 744 p. (In Udmurt).

Emel’janov A.I. Grammatika votjackogo jazyka [Grammar of the Votyak language]. Leningrad, Leningradskij vostochnyj institut, 1927, 160 p. (In Russian).

KGOUJa – Alatyrev V.I., Efremov D.A., Kondrat’eva N.V. Kratkij grammaticheskij ocherk udmurtskogo jazyka [A brief grammatical sketch of the Udmurt language]. Udmurtsko-russkij slovar’: okolo 50 000 slov. Izhevsk, 2008, pp. 827-868. (In Russian).

Kel’makov V.K. Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologija. Dialektnye teksty. Bibliografija [A Brief Course in Udmurt Dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect Texts. Bibliography]. Izhevsk, Udmurtskij universitet, 1998, 386 p. (In Russian).

Konovalov M.A. Kizilitem ujjos ovol [There are no Nights without Stars]. Izhevsk, Udmurtija, 2005, 360 p. (In Udmurt).

Krasil’nikov G.D. Arlen kutskonez [Beginning of the Year]. Izhevsk, Udmurtija, 1965, 192 p. (In Udmurt).

Krasil’nikov G.D. Vuzh jurt [Old House]. Izhevsk, Udmurtija, 1976, 412 p. (In Udmurt).

Krasil’nikov G.D. Koshkisez med koshkoz [Let the one who leaves go]. *Vyl’ dunne. Udmurt veros: Antologija 2.* Izhevsk, Udmurtija, 1991, pp. 5-22. (In Udmurt).

Majtinskaja K.E. Istoriko-sopostavitel’naja morfologija finno-ugorskih jazykov [Historical and Comparative Morphology of Finno-Ugric Languages]. Moscow, Nauka, 1979, 264 p. (In Russian).

Njan'kina L.S. Vajobyzh kar [Swallow's Nest]. Izhevsk, Udmurtija, 1996, 176 p. (In Udmurt).

OFUJa – Osnovy finno-ugorskogo jazykoznanija: voprosy proishozhdenija i razvitija finno-ugorskih jazykov [Fundamentals of Finno-Ugric Linguistics: Issues of Origin and Development of Finno-Ugric Languages]. Moscow, Nauka, 1974, 484 p. (In Russian).

Petrov M.P. Vuzh Multan [Old Multan]. Ustinov, Udmurtija, 1987, 360 p. (In Udmurt).

Samsonov S.A. Vuzher [Shadow]. Izhevsk, Udmurtija, 1989, 360 p. (In Udmurt).

Serebrennikov B.A. Istoricheskaja morfologija permskih jazykov [Historical Morphology of the Permian Languages]. Moscow, Akademija Nauk SSSR, 1963, 392 p. (In Russian).

Tepljashina T.I. O suffiksah sravnitel'noj stepeni v severo-zapadnyh udmurtskih dialektah [On comparative suffixes in northwestern Udmurt dialects]. *Voprosy finno-ugorskogo jazykoznanija: Grammatika i leksikologija.* Moscow-Leningrad, Nauka, 1964, pp. 136-145. (In Russian).

Tepljashina T.I. Nizhnechepeckie govory severnoudmurtskogo narechija [Lower Chepetsk dialects of the Northern Udmurt dialect]. *Zapiski. Filologija.* Izhevsk, Udmurtskij nauchno-issledovatel'skij institut, 1970, iss. 21, pp. 156-196. (In Russian).

Udmurt literatura – Udmurt literatura: 6-ti klassly uchebnik-hrestomatija [Udmurt Literature: Textbook-reader for 6th grades]. Izhevsk, Udmurtija, 2003, 206 p. (In Udmurt).

Fuchs D.R. Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen [Comparative and superlative in Finno-Ugric languages]. *FUF*, 1949, XXX, pp. 147-230. (In German).

Raun A. Zum Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen [On the comparative and superlative in Finno-Ugric languages]. *FUF*, 1951, XXX, pp. 376-389. (In German).

Ravila P. Über das finnisch-ugrische komparativsuffix [About the Finno-Ugric comparative suffix]. *FUF*, 1937, XXIV, pp. 29-58. (In German).

Шибанов Алексей Александрович
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
УдмФИЦ УрО РАН,
г. Ижевск
e-mail: jarik7979@mail.ru

Aleksey Shibanov
Candidate of Philological Sciences,
Researcher
of Udmurt Federal Research Centre
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk
e-mail: jarik7979@mail.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

УДК 821.51.0
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-48-56

МАЛАЯ ПРОЗА САМСКОГО ПИСАТЕЛЯ Н. БОЛЬШАКОВОЙ*

© 2024 г. В.Б. Бакула

Введение. Статья посвящена анализу наименее изученной части творчества саамского писателя Н. Большаковой – ее малой прозе. **Целью** исследования является выявление специфики малой прозы Н. Большаковой. **Материалы и методы.** Материалом послужили прозаические произведения саамского писателя. Методы исследования – биографический, историко-генетический и идейно-художественный анализы. **Результаты исследования, обсуждения.** Малая проза саамского писателя представляет собой литературные сказки, рассказы о детстве и социальные рассказы. Рассмотренный материал говорит о влиянии мифо-фольклорных традиций саамского этноса на творчество Н. Большаковой, в то же время обнаруживает нерасторжимую связь с современностью, классической литературой. **Заключение.** Рассказы о детстве Н. Большаковой представляют собой художественное явление, ставшие плодом жизненного и поэтического опыта автора, что помогает составить представление о личности и мастерстве писателя, его месте в саамском литературном процессе. Литературные сказки показывают влияние мифо-фольклорных традиций саамского этноса на творчество писателя, социальные рассказы обнаруживают нерасторжимую связь с современностью, классической литературой.

Ключевые слова: малая проза; литературные сказки; рассказы, саамская литература; Надежда Большакова.

Введение

Литература саамов Кольского Севера – явление достаточно новое на литературном небосклоне финно-угорских и мировых литератур. До недавнего времени представление о ней складывалось по творчеству Октябрины Вороновой (1934–1990) и Аскольда Бажанова (1934–2012), которые сегодня

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИОКР №124041100057-3.

являются классиками саамской литературы. Однако с некоторого времени ситуация изменилась: широкой общественности и научному миру стали доступны произведения саамских литераторов, собранные в «Антологии саамской литературы» (2012), затем в «Альманахе саамской литературы» (2019). Выход этих книг стал возможен прежде всего благодаря труду Надежды Большаковой (1957–2021) – создателю музея саамской литературы и письменности им. О. Вороной и его бессменному руководителю в течение многих лет. В музее собран богатый архив о жизни и творчестве всех саамских писателей, послуживший основой для научных исследований саамской литературы и фольклора и написания ряда работ: научных статей, учебно-методических пособий, монографий, докторской диссертации. Таким образом, стало возможным говорить об определенной исследованности саамского литературного процесса. Вместе с тем начавшиеся исследования предлагают перспективы для дальнейшего изучения литературы саамов в направлении трансляции ментальных ценностей этноса и сохранения их культурной идентичности в условиях исчезающего языка, для чего актуальным становится, в частности, исследование развития того или иного писателя, анализ его творчества.

Творческий мир саамского писателя Н. Большаковой разнообразен. Ее волновала как далекая история своего рода – родословную она составила до начала XVIII века, так и мифология и фольклор саамов, жизнь родного этноса в истории, а также современные писателю проблемы человека в мире и мира как такового. Весь этот спектр интересов отразился в произведениях писателя, разных по жанрам и тематике. Н. Большакова явилась родоначальником саамской литературной сказки, ввела в саамскую литературу жанр комиксов, написала первый и долгое время единственный в саамской литературе роман, представила на суд читателей синквейны. И всё же как писатель впервые заявила о себе сказками и рассказами, с которых и начался путь Надежды Большаковой в литературу.

Цель статьи – выявить специфику малой прозы Н. Большаковой, которая занимает значительное место в ее творчестве и представлена разными по жанрам и тематической направленности произведениями.

Материалы и методы

Материалом исследования явились литературные сказки «Приключения мышонка Удлесь Кебпьля» и сборник сказок «Подарок чайки», автобиографические рассказы писателя «Тиррв по-саамски – здравствуй! (Рассказы о ловозерском детстве)», цикл «рассказов из общежития». Методами исследования являются биографический, историко-генетический и идейно-художественный анализы произведений, позволяющие выявить истоки творчества саамского писателя, его связь с фольклором.

Результаты исследования, обсуждения

Свой путь в литературу Надежда Большакова начинает с малой прозы, которую можно классифицировать по следующим группам:

1. Сказки.
2. Рассказы о детстве.
3. Социальные рассказы.

Сказки. В 1996 году отдельным изданием вышла сказка «Приключения мышонка Удлесь Кебпьля» и сборник сказок «Подарок чайки» [Большакова, 1996] – первый опыт в жанре литературной сказки в саамской литературе. В 2004 году «Подарок чайки» был издан на саамском языке в переводе Александры Андреевны Антоновой и получил саамское название «Кайелайхь». После выхода в свет этих книг в январе 1997 года Надежда Большакова была принята в Союз писателей России.

«Приключения мышонка Удлэсь Кебпьля» – сказка, посвященная приключениям маленького мышонка, по стилю и композиции напоминает другие известные детям сказки о животных. Произведение написано живым разговорным языком. Это познавательная сказка, которая знакомит читателя с природой тундры и её обитателями, в то же время в ней автор затрагивает различные сиюминутные и вечные вопросы. Главная идея произведения – помочь провести параллель между взаимоотношениями в сказочной семье животных и взаимоотношениями между родителями и детьми в своей семье, чтобы каждый смог расставить правильные приоритеты в воспитании детей, «проанализировать» себя и сделать правильные выводы. Маленький мышонок Быстрые лапки постигает мир тундры через встречи с разными животными, ее населяющими, выстраивает с ними отношения, таким образом входя в большой мир, учится понимать себя. Сказка поучительна и познавательна, что вполне соответствует жанру сказки о животных.

В сборнике «Подарок чайки» представлены 26 сказок разных жанров: от мифологической о сотворении мира до сказки-метафоры о судьбе первой саамской поэтессы и философской сказки о предназначении человека. Основу сборника составляет мифология и фольклор саамов, поэтому логичной представляется классификация сказок по степени влияния на них мифологических и фольклорных традиций, которая выглядит следующим образом:

1. Произведения «первого уровня», в которых фольклорные элементы присутствуют без трансформаций [Мироненко, 2008, с. 82]:

– мифологические сказки – лувьт (этиологические, в которых используются сюжеты и мотивы саамской мифологии);

– героико-исторические сказки – сакки (патриотические, повествующие о вражеских нашествиях);

– фольклорные сказки – майнс (аксиологические, сказки различного содержания, героями которых являются саамские фольклорные персонажи, выполняющие традиционную в саамском фольклоре функцию; в них активно используются мотивы саамского фольклора).

Так, значительно влияние мифологии в сказках о происхождении и устройстве мира («Прародитель-Мяндаш», «Судьба, выпрошенная у Иммьлесьт-Бога»); о происхождении человека («Прародитель-Мяндаш», «Как Мяндаш-пырре из охотников-саамов пастухов сделал», «Сказка о том, как земля у саамов рост забрала»); в топонимических сказках («Сказка о том, как гора Карнасурт название свое получила», «Почему озеро Сейдозером называться стало», «Сказка о живой и мертвой воде»); в сказках о происхождении природных явлений («Как ягоды в тундре получили свои цвета», «Тирьмесьюккс (Радуга)»); о происхождении земного рельефа («Как Аййк – Бог грома зло наказал, или почему озеро Ловозеро имеет столько островов», «Как Сирьке жену себе добывал», «Как нойд Леф-фьк нойда Моаксана победил, или почему озеро Сейдозером называться стало»). Сюда же относятся сказки о нойдах и о борьбе с чудью.

2. В произведениях «второго уровня» «происходит замена генетической преемственности на творческое заимствование при доминировании различного рода трансформаций фольклорных явлений: идейных, сюжетно-композиционных и других» [Мироненко, 2008, с. 82]. Сюда относятся оригинальные сказки – майнс, в которых сюжеты и отдельные персонажи – плод авторской фантазии, а функция персонажей нетрадиционна для саамского фольклора, в то же время мотивы и детали писатель заимствует из фольклора. Это сказки «Шурр Кабперь любовь», «Счастье дочери Мышиного короля»), «Сказка о любви», «Как Пудзэ-Вилльй оллмэ искал», «Два пути») и «Сказ об Октябрине, победившей змея о четырех головах») и др. [Бакула, 2017, с. 7–15].

На жанровый состав сборника «Подарок чайки» оказали влияние саамские фольклорные жанры [Чарнолуский, 1962, с. 12–13].

Литературная сказка Большаковой сохраняет непосредственную связь с мифологическими и фольклорными источниками и традицией импровизации. В сказках саамского писателя отразились представления древних саамов об устройстве Вселенной, о сотворении мира, человека, о добрых и злых духах, о дохристианских верованиях саамов: анимизме, тотемизме, шаманизме, фетишизме. В то же время они имеют философскую глубину.

Рассказы о детстве. В 2000 году появляется ее следующая книга – «Тиррв по-саамски – здравствуй (Рассказы о ловозерском детстве)» [Большакова, 2000б], состоящая из 30 автобиографических рассказов. Книга посвящена памяти бабушки Наташи, которая ввела будущего писателя в мир саамского быта, познакомила с обычаями, воспитала интерес и любовь к саамской культуре.

Ведущими темами творчества Надежды Большаковой являются тема связи поколений, любви к Родине. На страницах своих книг она размышляет о проблемах исторической памяти, человеческой черствости, о вере в высшие силы, о братстве и дружбе людей различных национальностей, взаимодействии человека и природы.

Ярким примером этого может быть рассказ «Куда уходит детство?», в котором писатель задается вопросом, почему мы забываем свое прошлое, теряем свои корни, стремимся навсегда покинуть родные места. Север для некоторых людей ассоциируется с вечным холодом, суровостью климата, но для Большаковой – это Родина, связь с которой она не может разрушать. И это не пустые слова. Происхождение и вся жизнь писателя неразрывно связаны с Севером. Родилась она в поселке Ревда Мурманской области и по материнской линии происходит от древнего саамского рода Галкиных, по отцовской – от поморов Архангельской губернии. Сама Надежда считала себя неотделимой частью Кольской земли, поэтому не уставала «воспевать» Север: «…я считаю себя частью этих гор, берегов, озер, частью тундры. Как же так, взять и вырвать себя из Кольской земли? Не приживусь в другом месте, зачахну с тоски» [Большакова, 2000б, с. 3]. Теме детства, воспитания, взаимоотношений детей и родителей посвящены рассказы «Куда все ушло», «На оленях», «За морошкой». Из рассказов «Саам и русский», «Рыбьи головы» читатель узнает о различиях менталитетов двух совершенно разных народов – саамского и русского, которых навеки связала одна земля и общая история.

Центральным персонажем многих рассказов сборника является бабушка, воспоминания о которой возвращают писателя в самые счастливые дни детства. Именно ей посвящен рассказ «Бабушка Наташа». Образ дедушки Ивана, ловкого и удачливого рыбака, у Надежды ассоциируется с образом настоящего саамского мужчины, добытчика, кормильца семьи. О переменах в жизни саамского народа в непростое время перестройки ведется разговор с крестной в рассказе «Старики ушли с островов».

Многие рассказы наполнены философскими, иногда горькими размышлениями о судьбе односельчан и о судьбе края. Но о чем бы ни писала Надежда, ей удалось донести до нас истину, которая гласит, что счастье нужно искать в простых вещах, в простых радостях, в неповторимых, незабываемых моментах жизни. Сборник рассказов «Тиррв по-саамски – здравствуй» – это своеобразная летопись саамского народа в рассказах.

Социальные рассказы. В эту группу входят «рассказы из общежития», опубликованные в альманахе «Площадь Первоучителей» [Большакова, 2000а]. Рассказы объединяются в цикл, сквозным героем которого является автор – он же воспитатель общежития.

В 1990–1997 годах Надежда работала воспитателем и заведующим общежития Ловозерского ГОКа и писала о своем времени, о людях, которые ее окружали, о проблемах, которые волновали. А время было непростое. Начиналась новая историческая эпоха как для государства, так и для всех тех, кто жил уже в бывшем СССР. Для многих переломилась жизнь, разбились надежды, была утеряна вера – вот об этом ее рассказы «Тапочки» и «Сельская интердевочка», опубликованные в № 1 литературно-художественного альманаха «Площадь первоучителей» (2000), оставшиеся в рукописи «Встречи через год» и другие, составившие цикл социальных рассказов под названием «Рассказы из общежития».

Каждый рассказ – самостоятельное произведение, написанное в разное время, но объединяет их общая тема: в центре повествования – люди, запутавшиеся в жизненных обстоятельствах. Действие рассказов происходит в одном месте – в самом обычном рабочем общежитии. В основе сюжетов – случаи из жизни его жильцов, рабочих горно-обогатительного комбината.

В «Сельской интердевочке» автор повествует о несложившейся судьбе Ленки, которая спивается, теряет семью и начинает торговать собой. В «Тапочках» главной героиней является мать троих детей – Светлана, которая мучается от навязчивой мысли помочь покойнице подруге, при этом забывая о детях, муже. Во «Встречах через год» молодой парень, вернувшийся из Афганистана, не может определиться в мирной жизни и забыть ту, в которой звучали взрывы и лилась кровь. Для всех этих героев характерно общее: потеря смысла жизни. Вроде бы и знают они, как жить правильно, но не складывается что-то, не так им всем живется.

Связаны рассказы и одним так называемым сквозным героем – воспитателем общежития. Это она находится рядом со своими жильцами, наблюдает, как они теряют себя, заливают свое горе водкой, наблюдает, но не мирится с этим, пытается помочь. С одинаково открытым сердцем предлагает она свою помощь, протягивает руку в трудную минуту всем троим. Однако не все понимают этот душевный порыв. Парень, прошедший Афган, чувствует, что живет неправильно, задумывается о своей жизни, потому и открывает сердце воспитателю. Светлана, следуя совету, принимая поддержку, побеждает саму себя и возвращается к детям, семье. Но как ни бьется воспитатель, а заставить Ленку хотя бы взглянуть на себя со стороны и правильно оценить свою жизнь не может. И тогда сама начинает мучиться от одной мысли, мысли неприятной и, как ей кажется, неправильной, но навязчивой: «А может, это ее уровень в жизни, ее предназначение? Ведь не все же должны быть в жизни праведными? Не будь таких, как Ленка, не будет сопротивления грязи, не будет стремления к чистоте» [Большакова, 2000а, с. 172].

Эта мысль навязчиво пугает, поэтому снова и снова спешит воспитатель на помощь своим жильцам, потерявшимся в сложностях жизни. Причину их трагедии видит она в самом человеке, в его отношении к жизни, к людям, которые находятся рядом, к себе: «Человек никогда не бывает счастливым, если все желания его направлены на себя. Пока… не научишься делиться своим кровным с другими… счастья не жди» [Большакова, 2000а, с. 172].

Объединяет рассказы и сходная композиция: построены они как диалог, в котором герои полемизируют друг с другом, настолько разные точки зрения на жизнь высказывают.

Выводы

Малая проза играет важнейшую роль в творчестве Н.П. Большаковой: с нее начинается Надежда как писатель, в ней определены темы и образы, ставшие затем ведущими в творчестве. Для поэтики малой прозы Большаковой характерен язык, близкий разговорному, обилие диалогов, небольшие по размеру предложения, риторические вопросы и восклицания. В то же время уже на страницах этих небольших произведений встречаются мотивы исповедальности и тонкий психологизм, проявившие себя в зрелом творчестве писателя; заявляют о себе темы, ставшие в дальнейшем сквозными – ценность человеческой жизни, поиски любви, продолжение рода, противостояние природным и социальным трудностям. Произведения автора, написанные в формате малой прозы, наполнены чувствами и мыслями писателя, в которых звучит безоговорочная любовь к жизни, восприятие ее моментов как радости и основы для творческого вдохновения.

Своеобразие художественного мира сказок составляет связь фольклорных сюжетов, народно-поэтических образов и мотивов фольклорных источников с собственно авторской фантазией, которая ярко высвечивает мировоззрение самого писателя. Обращение писателя к народным истокам помогает сохранению традиций устного творчества саамского народа, формирует самобытность национальной литературы. Из произведений Большаковой читатели узнают о своеобразии культуры саамского народа, погружаются в сказочный мир саамов, наполненный волшебными сказками, легендами и мифами.

Рассказы о детстве Н. Большаковой отличает необыкновенная искренность и фактографичность в изображении истории одного из древнейших саамских родов. Сборник рассказов отразил события из истории саамов, тесно переплетенных с жизнью семьи автора, культурные ценности саамского народа, становление личностного и этнического самосознания главной героини.

Социальные рассказы тоже автобиографичны, в них, как и в рассказах о детстве, Большакова поднимается до философского осмысления жизни, ставит перед читателем злободневные вопросы об отношении к себе, о вере в себя,

подводя к выводу о том, что жить надо не только для себя, но и для тех, кто рядом. Тогда она, жизнь, имеет смысл.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бакула В.Б. Мифо-фольклорная основа сказок сборника Н. Большаковой «Подарок чайки» // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 7–15.

Большакова Н.П. Подарок чайки. Мурманск: Русский Север, 1994. 160 с.

Большакова Н.П. Рассказы // Площадь первоучителей: литературно-художественный и общественно-политический альманах. Мурманск, 2000а. № 1. С. 166–178.

Большакова Н.П. Тиррв по-саамски – здравствуй! (Рассказы о ловозерском детстве). Мурманск: Литературное объединение при Мурманской организации Союза писателей России, 2000б. 50 с.

Мироненко Е.А. К вопросу о фольклоризме // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 6. С.78–85.

Чарнолуский В.В. О саамах и их сказках / Саамские сказки. М.: Худ. лит-ра, 1962. С. 5–15.

Victoria Bakula

MINOR PROSE OF SAMI WRITER N. BOLSHAKOVA

Introduction. The author provides a comprehensive analysis of the least studied part of the work of the Sami writer N. Bolshakova – her minor prose. **The purpose** of the work is to identify the specifics of N. Bolshakova's minor prose. **Materials and methods.** The research uses materials taken from prose works of Sami writer N. Bolshakova. The study applied such research methods as biographical, historical-genetic and ideological-artistic analysis. **Research results and discussion.** Minor prose of the Sami writer includes literary fairy tales, stories about childhood and social stories. The considered material shows the influence of the myths and folklore traditions of the Sami ethnic group on the work of N. Bolshakova, at the same time it reveals an indissoluble connection with modernity, classical literature. **Conclusion.** The stories about N. Bolshakova's childhood are an artistic phenomenon, which express the author's life and poetic experience. They also help identify the writer's personality and skills, her place in the Sami literary process. Literary fairy tales show the influence of the myths and folklore traditions of the Sami ethnic group on the writer's work. N. Bolshakova's social stories reveal an indissoluble connection with modernity, classical literature.

Keywords: minor prose; literary fairy tales; short stories, Sami literature; Nadezhda Bolshakova.

REFERENCES

Bakula V.B. Mifo-fol'klornaja osnova skazok sbornika N. Bol'shakovoj «Podarok chajki» [The mythological and folklore basis of the fairy tales of N. Bolshakova's collection "The Gift of the Seagull"]. *Vestnik Ugrovedenija=Bulletin of Ugric studies,* 2017, no. 1 (28), pp. 7-15. (In Russian).

Bol'shakova N.P. Podarok chajki [The Gift of the Seagull]. Murmansk, Russkij Sever, 1994, 160 p. (In Russian).

Bol'shakova N.P. Rasskazy [Stories]. *The Square of the First Teachers: a literary, artistic and socio-political al'manah,* Murmansk, 2000a, no. 1, pp. 166-178. (In Russian).

Bol'shakova N.P. Tirrv po-saamski – zdravstvuj! (Rasskazy o lovozerskom detstve) [Tirrv in Sami – hello! (Stories about the childhood in Lovozersk]. Murmansk, Literaturnoe ob''edinenie pri Murmanskoj Organizacii Sojuza pisatelej Rossii, 2000b, 50 p. (In Russian).

Mironenko E.A. K voprosu o fol'klorizme [On the question of folklore]. *Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts,* 2008, no. 6, pp. 78-85. (In Russian).

Charnoluskij V.V. O saamah i ih skazkah [About the Sami and their fairy tales]. *Saamskie skazki.* Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1962, pp. 5-15. (In Russian).

Бакула Виктория Борисовна
доктор филологических наук,
профессор кафедры филологии,
межкультурной коммуникации
и журналистики
ФГАОУ ВО «Мурманский
арктический университет»,
г. Мурманск
museum-vs@yandex.ru

Bakula Victoria
Doctor of Philological Sciences,
Professor of the Department of Philology,
Intercultural Communication and Journalism
Federal State Educational Institution
of Higher Education
"Murmansk Arctic University",
Murmansk
museum-vs@yandex.ru

УДК 821 = 030.161.1 = 511.152
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-57-68

СТИХОТВОРЕНИЕ А.С. ПУШКИНА «Я ПАМЯТНИК СЕБЕ ВОЗДВИГ НЕРУКОТВОРНЫЙ…» В ПЕРЕВОДАХ НА МОРДОВСКИЕ ЯЗЫКИ

© 2024 г. А.М. Каторова

Введение. На этапе становления национальной литературы многие мордовские писатели учились искусству стихотворчества у Александра Сергеевича Пушкина, прибегая к переводам его произведений на родные языки. С развитием литературы постепенно складывались традиции художественного перевода, которые, трансформируясь, дошли до наших дней. **Цель статьи** заключается в определении изменений качества переводов в разные периоды существования мордовской литературы на примере анализа имеющихся вариантов одного стихотворения. **Материалы и методы.** Материалом исследования являются шесть переводов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» на мокшанский и эрзянский языки. В работе использованы сравнительно-сопоставительный, целостный и структурный методы анализа. **Результаты исследования.** В статье рассмотрены переводы указанного произведения, выполненные коллективно и отдельными авторами в период с 1937 по 2021 годы, которыми датируются публикации первого и последнего на сегодняшний день вариантов переводов. Выявлено, что в них в целом приемлемо транслированы заложенные в оригинальном тексте авторские интенции, размышления и эмоции. Вместе с тем в большинстве переводов имеются недостатки, проявившиеся в подборе лексики и техники стиха. **Заключение.** Из шести проанализированных переводов стихотворения А.С. Пушкина на мокшанский и эрзянский языки высоким художественно-эстетическим уровнем отличается вариант Т.П. Мокшановой, вполне приемлемым – И.М. Девина, слабым – М.А. Бебана и А.К. Мартынова.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, перевод, варианты переводов, метафора, эпитет, русскоязычная лексика, силлабо-тоническая система стихосложения, стихотворный размер, мокшанский язык, эрзянский язык.

Введение

Юбилейный 225-летний год со дня рождения великого русского писателя А.С. Пушкина обусловил несомненный интерес исследователей к его творче-

скому наследию, в т.ч. в аспекте выявления благотворного влияния на развитие национальных литератур народов Российской Федерации. Многие мордовские писатели, по сохранившимся воспоминаниям, с восторгом отзывались о его творчестве и считали своим учителем. Навыки сложения стихов они приобретали в первую очередь через переводы пушкинской поэзии на мокшанский и эрзянский языки. Наше обращение к анализу переводов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» обусловлено двумя факторами: во-первых, тем, что это одно из итоговых произведений А.С. Пушкина, в котором он размышляет о значимости поэтического наследия и его долговечности; во-вторых, наличием трех вариантов переводов на мокшанском и эрзянском языках, созданных в разные годы. Анализ имеющихся материалов позволяет проследить трансформацию качества переводов и сделать обоснованные выводы об их достоинствах и недостатках.

Целью статьи является сравнительно-сопоставительный анализ вариантов переводов одного пушкинского стихотворения, оцениваемых с точки зрения умения передавать заложенные в оригинальном тексте авторские интенции путем подбора лексики, изобразительно-выразительных средств языка, организации метрики и ритмики. Такой подход позволит объективно оценить уровень профессионального переводческого мастерства национальных авторов и вклад каждого в совершенствование качества перевода.

Материалы и методы

Работа выполнена на основе анализа переводов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» А.С. Пушкина на мокшанский и эрзянский языки, опубликованных в литературно-художественных журналах «Мокша» и «Сятко» («Искра»). Основными методами исследования явились такие разновидности литературоведческого анализа, как целостный, сравнительно-сопоставительный и структурный. Целостный подход позволил определить полноту трансляции авторских намерений (интенций) на словесном и формальном уровнях; сравнительно-сопоставительный способствовал выявлению уровня качества переводов; структурный дал основание для установления особенностей техники стиха каждого переводчика.

Результаты исследования, обсуждения

В мордовском литературоведении проблемы художественного перевода изучены слабо, хотя сам процесс переложения поэтических текстов русских авторов на родные языки начался в середине 1920-х годов в связи с решением задачи создания учебной литературы. Научные работы, связанные с изучением переводов стихотворений А.С. Пушкина на мокшанский и эрзянский языки, единичны. Так, И.Я. Колганов предпринял попытку оценки перевода стихотворения «Зимний вечер» [1999, с. 62]; Н.П. Самаркина кратко охарактеризовала перевод произведения «Пророк» [1999, с. 76]; А.П. Феоктистов

аргументировал трудности использования мордовскими переводчиками силлабо-тонических размеров ямба и амфибрахия [1999, с. 81]. Некоторые вопросы перевода мордовской поэзии на русский язык рассмотрены в наших публикациях [Каторова, 2014а; 2014б; 2019; 2023]. Поскольку варианты переводов произведений А.С. Пушкина на мокшанский и эрзянский языки до настоящего времени не являлись предметом научного изучения, решение поставленной задачи представляется актуальным и целесообразным.

Первый перевод стихотворения А.С. Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» был выполнен на эрзянском языке и опубликован в журналах «Пионерэнь вайгель» («Голос пионера») [1937а, с. 7] и «Сятко» [1937б, с. 61], что явилось значимым явлением в литературно-художественной культуре мордовского народа. Его осуществил коллектив авторов в составе филологов Ф. Потешкина, В. Рябова и А. Тягушева. Для удобства анализа представим текст оригинала и указанного перевода.

«Я памятник себе воздвиг нерукотворный…»	**Памятник**
«Я памятник себе воздвиг нерукотворный, К нему не зарастет народная тропа, Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа.	А кедьсэ теезь памятник эстень стявтынь мон, А кадсы эйзэнзэ народось янонзо, Александрийской палмандентъ верев кепедсь сон Кор а кирдиця прясонзо.
Нет, весь я не умру – душа в заветной лире Мой прах переживет и тленья убежит – И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит.	Допрок а кулан мон – монь оймесь лирантъ эйсэ Свал эрямо карми ды тунь а наксады – Кармить содамон весе, зярс масторонть лангсо Пиит куш вейке лияды.
Слух обо мне пройдет по всей Руси великой, И назовет меня всяк сущий в ней язык, И гордый внук славян, и финн, и ныне дикой Тунгус, и друг степей калмык.	Мондень кулясь юты ине Россиянть келес. Ледстясамам сонзэ народтнэстэ эрьвась, Каштан нуцькаст славянтнэнь, финэсь, неень идем Тунгус, калмык – стептнэнь оясь.
И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал, Что в мой жестокий век восславил я Свободу И милость к падшим призывал.	Сень кис вечкеме монь кувать карми народось, Мекс лирасон паро мельть-ёжот сыргостинь. Мекс казямо шкастон морыя мон Олячинть Ды милость празтненень тердинь.
Веленью божию, о муза, будь послушна, Обиды не страшась, не требуя венца, Хвалу и клевету приемли равнодушно И не оспоривай глупца».	Пазонть мереманзо, о Муза, тон кунсолок, Покорксто апак пельть, апак вешть каштазонть, Шнамонть, кенгелемантъ апак тално тон ванстак Ды иля пелькста пелязонть.
[Пушкин, 1985, Т. 1, с. 586]	[Пушкин, 1937, с. 7]

Сопоставление оригинала произведения с его переводом на эрзянский язык показывает, что в целом авторские намерения (чувства и мысли) транслированы правильно, с использованием имеющихся ресурсов на том этапе развития литературного языка. Вместе с тем ожидать от первого перевода высокохудожественного продукта было бы, по меньшей мере, близоруко. Недостатки, несомненно, имеются, они проявились как на уровне подбора языковых средств, так и стиховой метрики-ритмики. Например, переводчики не смогли обойтись без русскоязычной лексики («народ», «милость») при наличии аналогов в родном языке. Кроме того, неуместно употребили словосочетание «а наксады» (*не сгниёт*) при переводе выражения «тленья убежит», что предопределило противоположное значение, не соответствующее заложенному в оригинале; в-третьих, неудачно перевели слово «падшим» («празтненень» – *упавшим*). Указанные недочеты несколько снизили качество перевода. Несовершенство выразилось и в метрико-ритмической организации переводного текста. Здесь следует отметить, что на пути достижения такого же благозвучия, которое было свойственно тексту оригинала, стояли объективные трудности, обусловленные особенностями эрзянского и мокшанского языков. В эрзянском языке ударение свободное, в мокшанском ударными являются преимущественно первые слоги в словах, что предопределяет потребность в использовании силлабической системы стихосложения. Таким образом, при переводе пушкинского силлабо-тонического стиха необходимо было добиться симбиоза силлабо-тонической и силлабической систем стихосложения, что явилось достаточно сложной задачей, однако в целом авторы с ней успешно справились. Для наглядности приведем стихотворные схемы текстов оригинала и перевода, обозначив ударные слоги знаком –, безударные v.

Тексты на русском и эрзянском языках	**Стихотворные схемы**
Я па́мятник себе́ воздви́г нерукотво́рный,	v–/vv/v–/v–/vv/v–/v
К нему́ не зарасте́т наро́дная тропа́,	v–/vv/v–/v–/vv/v–
Возне́сся вы́ше он главо́ю непоко́рной	v–/v–/v–/vv/v–/v
Александри́йского столпа́.	vv/v–/vv/v–
[Пушкин, 1985, Т. 1, с. 586]	
А ке́дьсэ те́езь па́мятник эсте́нь стявты́нь мон,	v–/v–/vv/v–/v–/v–/v
А ка́дсы э́йзэнзэ наро́дось я́нонзо,	v–/v–/vv/v–/v–/vv
Александри́йской па́лмандень вере́в кепе́дсь сон	vv/v–/v–/vv/v–/v–/v
Кор а́ кирди́ця пря́сонзо.	v–/v–/v–/vv
[Пушкин, 1937, с. 7]	

Из представленных схем видно, что авторы перевода смогли сохранить свойственный оригиналу 6-стопный (в заключительных строчках каждой строфы 4-стопный) ямб. Разница проявилась лишь в количестве и в местах

расположения стоп пиррихия (сочетания безударных слогов), что не оказало ощущаемого отрицательного влияния на благозвучие текста. Однако про рифмы сказать того же самого нельзя. Если в тексте оригинала рифмы преимущественно богатые, то в большинстве строф переводного текста (второй, третьей, четвертой и пятой) срифмовано лишь по две строки.

Вышесказанное позволяет констатировать, что первый перевод стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» А.С. Пушкина на эрзянский язык, выполненный Ф. Потешкиным, В. Рябовым и А. Тягушевым, для 1930-х годов был весьма прогрессивным и достаточно успешным литературным опытом, хотя и не был лишен недостатков.

Второй вариант перевода анализируемого стихотворения был сделан А.К. Мартыновым и опубликован в 1949 году [Пушкин, 1949а, с. 5–6]. Сразу отметим, что он оказался менее удачным во всех отношениях. Во-первых, в нем употреблено (в сравнении с первым переводом) в пять раз больше русскоязычных слов, имеющих аналоги в родном языке. Это – «великий, тело, поэт, хоть, степь, славить, принять, радоваться, спорить, глупец». Во-вторых, неудачными оказались придуманные переводчиком отдельные метафоры. Например, выражение «карман гайгеме мон» (*буду звенеть я*) использовано в целях трансляции смысла «славен буду я»; «монь оймесь лирань эйсэ эрясы монь телань» (*букв.: моя душа в лире проживет мое тело*) – «душа в заветной лире мой прах переживет»; «лирасон вадря ёжот мон сыргавтынь» (*лирой хорошие настроения я сдвинул с места*) – «чувства добрые я лирой пробуждал». По причине низкого качества они не способны передать заложенный в оригинале смысл. Кроме того, в эрзянском языке не употребляется словосочетание «сонзэ ваксозонзо» (*букв. его к нему*), использованное переводчиком во второй строчке стиха. Стремление к сохранению стихотворного ритма обусловило смысловую неуклюжесть получившегося предложения: «А ёми народ кись сонзэ ваксозонзо» (*Не пропадет народная дорога его к нему*).

Для раскрытия особенностей техники стиха в анализируемом переводе представим схемы двух четверостиший.

Мон па́мятник стявты́нь эсте́нь а ке́дьсэ те́евть,	v–/vv/v–/v–/v–/v–/v
А ёми народ ки́сь сонзэ́ ваксозонзо́,	v–/vv/v–/v–/vv/v–
Сон Александри́йской столпонтька́к вере́в кепе́девть	vv/vv/v–/vv/v–/v–/v–/v
Кор а кирди́ця прясонзо́.	vv/v–/vv/v–
Эря́мс, а ку́ломс тень – монь о́ймесь ли́рань э́йсэ	v–/v–/vv/v–/v–/v–/v
Эря́сы монь тела́нть ды а наксава́втови –	v–/vv/v–/vv/v–/vv
Карма́н гайге́ме мо́н, зярс ко́вонть а́ло ми́рсэнть	v–/v–/v–/v–/v–/v–/v
По́эт хоть ве́йке ка́дови.	v–/v–/v–/vv

[Пушкин, 1949а, с. 5–6]

Как видим, переводчик добился сохранения характерного для оригинала ямбического размера, однако он, за исключением третьей строчки второй строфы, оказался перегруженным стопами пиррихия, что привело к трудностям воспроизведения текста и отсутствию благозвучия. С высоты сегодняшнего дня можно лишь высказать предположение по поводу того, почему А. Мартынов не воспользовался опытом первого перевода – по причине незнания о его существовании или завышенной оценки собственного поэтического дара. При любом варианте ответа на этот вопрос качество проанализированного перевода не улучшится, останется низким. Это следует иметь в виду мордовским издателям, периодически публикующим собрания сочинений ушедших из жизни писателей.

Третий вариант перевода пушкинского «памятника», вышедший в свет в 2021 году в детском литературно-художественном журнале «Чилисема» («Восход солнца») [Пушкин, 1921, с. 3], принадлежит современной мордовской поэтессе Т.П. Мокшановой. В отличие от предыдущих версий, переводчице удалось достаточно точно передать размышления и эмоции лирического героя, при этом сохранить присущие оригиналу единство содержания и формы, избежать использования русскоязычной лексики, подобрать удачные рифмы. Для подтверждения сказанного приведем две строфы текста перевода и их стихотворные схемы:

Ледстнемакéв путы́нь эстéнь а кéдьсэ стя́втозь.	vv/v–/v–/v–/v–/v–/v
А ти́кшии сонéнзэ ло́мань вéтий ки́сь.	v–/vv/v–/v–/v–/v–
Александри́йской сто́лптонть сэ́рейстэ венстя́возь	vv/v–/v–/v–/vv/v–/v
Коро́нь а ки́рдий пря́зо ли́ссь.	v–/v–/v–/v–

Ара́сь, допро́к а ку́лан, о́ймем ли́рантъ э́йсэ	v–/v–/v–/v–/v–/v–/v
Челькéдень ку́вать э́ри, а сайсы́ ченя́ркс.	v–/v–/v–/v–/vv/v–
Сода́викс-шна́викс у́лян ко́вонть а́ло, тéсэ,	v–/v–/v–/v–/v–/v–/v
Поэ́т куш вéйке э́ри зя́рс.	v–/v–/v–/v–

[Пушкин, 1921, с. 3]

Ознакомление с процитированным отрывком позволяет констатировать, что перевод выполнен на высоком художественно-эстетическом уровне. Техника стиха в сравнении с предыдущими вариантами безупречна, она проявилась не только в использовании шестистопного силлабо-тонического ямба, чередующегося с четырехстопным ямбом в последних строчках каждой строфы, но и в одинаковом количестве слогов в ритмических единицах оригинала и перевода. Авторские намерения транслированы переводчицей в полном объеме с использованием всех ресурсов современного эрзянского языка. До публикации перевода Т. Мокшановой слово «ледстнемакев» (памятник), образованное от «ледстнемс» – вспоминать (поминать) и «кев» – камень, отсутствовало

в активном словарном запасе эрзянского языка и в изданных словарях. На наш взгляд, слово «ледстнемакев», очень точно передающее смысл слова «памятник», с течением времени войдет в разряд общеупотребительной лексики.

Вышеизложенное свидетельствует, что из трех имеющихся на сегодняшний день вариантов переводов стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» А.С. Пушкина на эрзянский язык в плане художественно-эстетических достоинств наиболее удачным является перевод Т.П. Мокшановой, слабым – А.К. Мартынова.

Первый вариант анализируемого стихотворения, переведенного на мокшанский язык, появился на 12 лет позднее версии на эрзянском языке. Он был выполнен М.А. Бебаном и опубликован в 1949 г. [Пушкин, 1949б, с. 5–6], затем через 20 лет им же немного доработан и напечатан в журнале «Мокша» [Пушкин, 1969, с. 1]. Обратимся к переводу и сосредоточим внимание на его особенностях.

Памятник (перевод М. Бебана)	Схема стиха
Мон стя́фтонь па́мятник аф ка́дьса тиф эсте́ень,	v–/v–/vv/v–/vv/v–/v
Аф ва́лсы тише-на́рсь наро́донь то́за я́нть,	v–/vv/v–/v–/v–/v–
И Александри́йскяй сто́лпта вя́ри	vv/v–/v–/v–/v
Сон ке́подсь аф поко́рнай пря́нц.	v–/vv/v–/v–
Аф, про́кс мон аф кула́н – монь ва́ймозе иля́ды	v–/vv/v–/v–/vv/v–/v
Эсь ли́расон и пе́ц аф у́ли эряфши́нц,	v–/vv/v–/v–/vv/v–
И ка́рмайхть со́дамон монь пи́нгта пи́нгста ся́да,	v–/v–/vv/v–/v–/v–/v
Пии́т – хоть фькя́ – мзярс у́ли жи́в.	v–/v–/v–/v–

Кулясь монь колган туй и шарсы Русть великайть,
И лангсонза эрь кяльсь монь лятьфтай лама пингс:
И гордай унокоц славянть, и финть, и дикай
Тунгузсь, и ялгац степть калмыксь.

И кармай кельгомон народсь кувать сянь инкса,
Мес кепсень добрай мяльхть эсь лирасон мон най,
Мес морань воляшить эсь векстон – стака пингста –
И тернень аралакшнемс прайть.

Вай, Муза, тиентть сянь, мезь мерьгонди тейть шкайце;
Тон обжамда тят пель, венец тят веше тон,
Кульхть сединь ризфтома и сялдыцень, и шнайцень,
Тят спорсе мархтонза лисьф ёнть.
[Пушкин, 1949б, с. 3–4]

Оценка перевода с точки зрения передачи заложенного в оригинале смысла позволяет констатировать, что в целом М. Бебан с задачей справился:

настроение лирического героя и главные умозаключения передал приемлемо. Вместе с тем для полноты трансляции красоты и нюансов пушкинского поэтического слова ему не хватило переводческого мастерства. Это проявилось в первую очередь в его неумении подбирать эпитеты на родном языке: не смог найти аналоги русскоязычным словам *покорный, великий, гордый, дикий, добрый*, что снизило качество перевода. Кроме того, остались непереведенными на мокшанский язык слова «народ», «венец», «спорить». Неудачной является и придуманная переводчиком метафора «Аф валсы тише-нарсь народонь тоза янть» (букв. *Не зальет трава народную туда тропу*). Решая задачу сохранения использованного в оригинале стихотворного размера, Бебан нарушил в отдельных предложениях правила грамматики, например, вместо «пингста пингс» (из века в век) использовал неправильную форму «пингта пингста», вместо ёньфста лисьфть (выжившего из ума) – «лисьф ёнть» (*букв. вышедший ум*). Недоработкой следует считать и подобранные переводчиком рифмы, которые, в отличие от текста оригинала, являются в большинстве своем неточными, бедными, усеченными.

Сопоставление проанализированного текста с усовершенствованным вариантом перевода от 1969 г. [Пушкин, 1969, с. 1] показывает: несмотря на внесенные коррективы, в нем сохранились многие указанные нами недостатки, свойственные начальному переводу. Из положительного отметим замену русскоязычного слова «покорный» на найденный аналог в родном языке, в двух случаях перестановку слов и изменение их формы, способствующих улучшению ритмики. Вместе с тем избавиться от русскоязычной лексики, имеющей аналоги в мокшанском языке, переводчику не удалось, наоборот, она пополнилась словами «столб» (первая строфа) и «век» (третья строфа). Таким образом, вышеизложенный материал дает основание для констатации низкого уровня переводческого мастерства, проявленного М.А. Бебаном при обращении к стихотворению «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» А.С. Пушкина.

Второй перевод анализируемого пушкинского произведения на мокшанский язык был сделан в 1989 г. И.М. Девиным, который оказался в сравнении с первым более удачным. В нем нет нарушений грамматических правил, меньше использована русскоязычная лексика, подобраны более подходящие по смыслу слова из родного языка, в том числе обусловившие стройность ритмической организации. Для примера приведем предпоследнюю строфу.

Памятник (перевод И. Девина)	Схема стиха
И те́йне ке́льгомац наро́дть пяк ла́мос са́ты,	v–/v–/vv/v–/v–/v–/v
Мес па́ра мя́льхть эсь мо́рсон ке́псень, сяконьбе́с	v–/v–/v–/v–/vv/v–
Мес ке́жи ве́кстон те́рнень во́ляс лисема́ти	v–/v–/v–/v–/vv/v–/v
И сю́дофненди а́нцень ле́зкс.	v–/vv/v–/v–

Легкость чтения текста обусловливает его восприятие не как перевода с другого языка, а как первоначально созданного на родном языке, что можно считать одним из главных критериев переводческого мастерства.

Третий вариант перевода стихотворения принадлежит современной поэтессе Р.К. Орловой [Пушкин, 2017, с. 3]. Он не отличается особой оригинальностью, в нем также использованы русскоязычные слова (век, великий, дикий, народ, спорить) и не все метафоры способствуют достижению адекватности перевода. Например, пушкинское выражение «к нему не зарастет народная тропа» переведено как «тов нарса аф вельхтяви ломанттненди янцть» (*букв. туда травой не покрыть людям тропу*), что противоречит первоначально заложенному смыслу; «чувства добрые я лирой пробуждал» как «крьвяснень ваймосост эсь стихсон толня» (*букв.* «зажигал в их душах своими стихами огонек»), что также не адекватно оригиналу. Изложенный материал обусловливает следующий вывод: их трех переводов пушкинского «памятника» на мокшанский язык наиболее приемлемым является вариант И.М. Девина, слабым – М.А. Бебана.

Заключение

Переводческая деятельность на протяжении долгого времени воспринималась как школа становления профессионального мастерства национальных авторов, которые с глубоким почтением относились к классикам русской литературы, создавшим поэтические шедевры. К числу таких принадлежит А.С. Пушкин, к переводу стихотворения которого «Я памятник себе воздвиг нерукотворный…» обращались мордовские авторы. На сегодняшний день (начиная с 1937 года) создано шесть вариантов его перевода на мокшанский и эрзянский языки. Наиболее удачным с точки зрения умения трансляции заложенного в оригинале смысла является перевод Т.П. Мокшановой, на фоне которого другие (М.А. Бебана и А.К. Мартынова) выглядят явно недоработанными.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Каторова А.М. Перевод мордовской поэзии на русский язык как социокультурная и филологическая проблема // Проблемы филологии народов Поволжья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (17–19 апр. 2014 г.). Вып. 8 / отв. ред. Л.Г. Латфуллина, Р.З. Хайруллин. М.: ООО «ПОСТАТОР», 2014. С. 106–112.

Каторова А.М. Проблемы и перспективы развития художественного перевода в литературах финно-угорских народов России // Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образования народов России: сб. ст.: [Электрон. ресурс] / сост., науч. ред. С.Т. Аркеева, Т.И. Зайцева. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2023. С. 131–145.

Каторова А.М. Современный перевод поэтического текста: проявление мастерства, ремесла или глумление над оригиналом? // Центр и периферия. 2014. № 2. С. 74–79.

Каторова А.М. Художественные переводы и их роль в диалоге литератур народов России на современном этапе развития // Oriental Studies. 2019. № 3. С. 554–562.

Колганов И.Я. Творчество А.С. Пушкина в переводах мордовских писателей // Пушкин и современность: материалы Межрег. науч.-практ. конф. / под ред. В.М. Макушкина; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1999. С. 61–63.

Макаров Ф.А. Пушкин и мордовская литература // Литературная Мордовия. 1950. № 3(7). С. 261–270.

Пушкин А.С. А кедьсэ теезь памятник эстень стявтынь мон… = Нерукотворный памятник себе воздвиг я / пер. Ф. Потешкина, В. Рябова, А. Тягушева // Пионерэнь вайгель. 1937. № 1–2. С. 7.

Пушкин А.С. А кедьсэ теезь памятник эстень стявтынь мон… = Нерукотворный памятник себе воздвиг я // Сятко. 1937. № 1. С. 61.

Пушкин А.С. Ледстнемакев = Памятник / пер. Т. Мокшановой // Чилисема. 2021. № 7. С. 3.

Пушкин А.С. Мон аф кядь виень стяфтонь памятник эстейне… = Я нерукотворный воздвиг памятник себе / пер. Р. Орловой // Мокша. 2017. № 6. С. 3.

Пушкин А.С. Мон памятник стявтынь эстень а кедьсэ теевть… = Я памятник воздвиг себе нерукотворный // Пушкин А.С. Кочказь произведеният. Саранск: Мордгиз, 1949. С. 3–4. [Избранные сочинения].

Пушкин А.С. Мон стявтонь памятник аф кядьса тиф эстеень = Я воздвиг памятник нерукотворный себе // Пушкин А.С. Кочкаф произведеният. Саранск: Мордгиз, 1949. С. 5–6. [Избранные сочинения].

Пушкин А.С. Памятник / пер. М. Бебана // Мокша. 1962. № 1. С. 67–68.

Пушкин А.С. Памятник / пер. М. Бебана // Мокша. 1969. № 3. С. 1.

Пушкин А.С. Памятник / пер. И. Девина // Мокша. 1989. № 3. С. 3.

Пушкин А.С. Сочинения: в 3 т. Т. 1: Стихотворения; Сказки; Руслан и Людмила: Поэма. М.: Худож. лит., 1985. 735 с.

Самаркина Н.П. Художественный эквивалент в стихотворных переводах А.С. Пушкина на эрзянский язык // Пушкин и современность: материалы Межрег. науч.-практ. конф. / под ред. В. М. Макушкина; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1999. С. 71–76.

Феоктистов А.П. А.С. Пушкин и становление классической метрики в мордовской поэзии // Пушкин и современность: материалы Межрег. науч.-практ. конф. / под ред. В.М. Макушкина; Мордов. гос. пед. ин-т. Саранск, 1999. С. 78–82.

Alexandra Katorova

A.S. PUSHKIN'S POEM "A MONUMENT I'VE RAISED NOT BUILT WITH HANDS…" IN TRANSLATIONS INTO MORDOVIAN LANGUAGES

Introduction. At the stage of formation of national literature, many Mordovian writers studied the art of poetry writing from Alexander Sergeevich Pushkin. They translated his works into their native languages. With the development of literature, traditions of literary translation gradually developed, and having transformed, have reached our days. **The purpose of the work** is to determine changes in the quality of

translations in different periods of the existence of Mordovian literature based on the analysis of available versions of one poem. **Materials and methods.** The research uses six different translations of the poem "A monument I've Raised not Built with Hands…" into the Moksha and Erzya languages. The study applied comparative, contrastive, holistic and structural methods of analysis. **Research results and discussion.** The article considers the translations of the poem, made collectively and by individual authors in the period from 1937 to 2021. It was revealed that, on the whole, they convey the author's intentions, thoughts, and emotions embedded in the original text in an acceptable manner. At the same time, most translations have shortcomings related with the selection of vocabulary and verse technique. **Conclusion.** Of the six analyzed translations of A.S. Pushkin's poem into the Moksha and Erzya languages, the version by T.P. Mokshanova has a high artistic and aesthetic level, I.M. Devin's version is quite acceptable, and M.A. Beban and A.K. Martynov's are weak.

Key words: A.S. Pushkin; translation; translation options; metaphor; epithet; Russian vocabulary; syllabo-tonic of versification; poetic meter; the Moksha language; the Erzya language.

REFERENCES

Katorova A.M. Perevod mordovskoj poezii na russkij jazyk kak sociokul'turnaja i filologicheskaja problema [Translation of Mordovian poetry into Russian as a social and cultural, philological problem]. *Problemy filologii narodov Povolzh'ja. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii,* 17-19 April 2014, Moscow, OOO «POSTATOR», 2014, iss. 8, pp. 106-112. (In Russian).

Katorova A.M. Problemy i perspektivy razvitija hudozhestvennogo perevoda v literaturah finno-ugorskih narodov Rossii [Problems and prospects of development of literary translation in the literatures of the Finno-Ugric peoples of Russia]. *Prosvetitel'stvo v istorii i sovremennom razvitii literatury, kul'tury i obrazovanija narodov Rossii. Sbornik statej.* Izhevsk, Udmurtskij universitet, 2023, pp. 131-145. (In Russian).

Katorova A.M. Sovremennyj perevod poeticheskogo teksta: projavlenie masterstva, remesla ili glumlenie nad originalom? [Modern translation of a poetic text: demonstration of art, skills or mockery?]. *Centr i periferija,* 2014, no. 2, pp. 74-79. (In Russian).

Katorova A.M. Hudozhestvennye perevody i ih rol' v dialoge literatur narodov Rossii na sovremennom etape razvitija [The present-day communication between Russia's national literatures: literary translations and their impact]. *Oriental Studies,* 2019, no. 3, pp. 554-562. (In Russian).

Kolganov I.Ja. Tvorchestvo A.S. Pushkina v perevodah mordovskih pisatelej [The works of A.S. Pushkin in translations of Mordovian writers]. *Pushkin i sovremennost'. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1999, pp. 61-63. (In Russian).

Makarov F.A. Pushkin i mordovskaja literatura [Pushkin and Mordovian literature]. *Literaturnaja Mordovija,* 1950, no. 3(7), pp. 261-270. (In Russian).

Pushkin A.S. A ked'se teez' pamjatnik esten' stjavtyn' mon… [A monument I've Raised not Built with Hands]. *Pioneren' vajgel',* 1937, no. 1-2, p. 7. (In Erzya).

Pushkin A.S. A ked'se teez' pamjatnik esten' stjavtyn' mon… [A monument I've Raised not Built with Hands]. *Sjatko,* 1937, no. 1, p. 61. (In Erzya).

Pushkin A.S. Ledstnemakev [Monument]. *Chilisema,* 2021, no. 7, p. 3. (In Erzya).

Pushkin A.S. Mon af kjad' vien' stjafton' pamjatnik estejne… [A monument I've Raised not Built with Hands]. *Moksha,* 2017, no. 6, p. 3. (In Moksha).

Pushkin A.S. Mon pamjatnik stjavtyn' esten' a ked'se teevt'… [A monument I've Raised not Built with Hands]. Kochkaz' proizvedenijat. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1949, pp. 3-4. (In Erzya).

Pushkin A.S. Mon stjavton' pamjatnik af kjad'sa tif esteen' [A monument I've Raised not Built with Hands]. Kochkaf proizvedenijat. Saransk, Mordovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1949, pp. 5-6. (In Moksha).

Pushkin A.S. Pamjatnik [Monument]. *Moksha,* 1962, no. 1, pp. 67-68. (In Moksha).

Pushkin A.S. Pamjatnik [Monument]. *Moksha,* 1969, no. 3, p. 1. (In Moksha).

Pushkin A.S. Pamjatnik [Monument]. *Moksha,* 1989, no. 3, p. 3. (In Moksha).

Pushkin A.S. Sochinenija. Tom 1. Stihotvorenija; Skazki; Ruslan i Ljudmila: Poema [Works. Vol. 1. Poems; Fairy tales; Ruslan and Lyudmila: Poem]. Moscow, Hudozhestvennaja literatura, 1985, 735 p. (In Russian).

Samarkina N.P. Hudozhestvennyj ekvivalent v stihotvornyh perevodah A.S. Pushkina na erzjanskij jazyk [Artistic equivalent in poetic translations of A.S. Pushkin into the Erzya language]. *Pushkin i sovremennost'. Materialy Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1999, pp. 71-76. (In Russian).

Feoktistov A.P. A.S. Pushkin i stanovlenie klassicheskoj metriki v mordovskoj poezii [Pushkin and the formation of classical metrics in Mordovian poetry]. *Pushkin i sovremennost'. Materialy Mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii.* Saransk, Mordovskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 1999, pp. 78-82. (In Russian).

Каторова Александра Михайловна
доктор педагогических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник отдела
литературы и фольклора
ГКУ РМ «Научно-исследовательский
институт гуманитарных наук
при Правительстве
Республики Мордовия»,
г. Саранск
e-mail: amkatorova@mail.ru

Alexandra Katorova
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Leading Researcher of the Department
of Literature and Folklore
of Research Institute
of Humanities under the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk
e-mail: amkatorova@mail.ru

УДК 398.8 (=511.131)
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-69-85

ПЕСНЯ «ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ» В ФОЛЬКЛОРЕ КОМИ-ЗЫРЯН*

© 2024 г. Г.С. Савельева, А.В. Панюков

Введение. Статья посвящена исследованию особенностей освоения русского фольклора песенной традицией коми-зырян. **Цель статьи** – реконструировать способы освоения русскоязычного текста коми фольклорной традицией на примере заимствованной песни «Во саду ли, в огороде». На решение поставленной цели направлен предпринятый в работе системный анализ фольклорных, лингвистических и этнографических данных, так или иначе связанных с исследуемой песенной культурой. **Материалы и методы.** Объектом исследования послужили варианты заимствованной песни «Во саду ли, в огороде». **Результаты исследования, обсуждения.** Возникшая в результате заимствования переведенная коми песня «Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ» («В саду девушка гуляет»), представляя собой оригинальный и вполне самостоятельный результат освоения и развития заимствования, оказывается неотделимой от множества взаимосвязей с фольклорной традицией. Это аттракции с исходной русскоязычной версией песни, и с другими уровнями и явлениями фольклорной культуры: с игровым контекстом, с жанровыми критериями, с этнографическими реалиями и многое другое. **Заключение.** Выявленные взаимосвязи определяют вариативность новой песни и роль и место инновации в общей системе традиции. Все они вместе позволяют говорить о существовании в системе традиции механизмов самоорганизации, определяющих из множества несвязанных и случайных факторов общий вектор своего развития.

Ключевые слова: фольклор; традиционная культура; архив; коми-зыряне; коми-русские взаимосвязи.

Введение

При исследовании любой фольклорной культуры мы исходим из того факта, что фольклор по отношению к вербальному языку как метакоду является вторичной моделирующей системой, пользующейся языком как материалом

* Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (рег. № 121051400044-2).

и инструментом. Не только лексика, но и все «первичные» языковые тексты – фразеологизмы, устойчивые речевые обороты – приобретают вторичный смысл, вторичный моделирующий характер, это как бы «вторичные слова», входящие из речи в фольклорную традицию. Они обретают свою функцию и становятся простейшими элементарными фольклорными формами.

По отношению к фольклорным заимствованиям, а тем более к заимствованным иноязычным текстам, вошедшим в традицию, мы лишены возможности опираться на «первичный» аналитический арсенал. С лингвистической точки зрения, зачастую лексически деформированные (т.н. *кыдъя роч* ‘с примесью русского’, см. об этом: [Панюков, 2009, с. 22–35]) инновации могут квалифицироваться как специфические тексты с особой стилистикой и организацией лексико-семантического уровня. Выявление и обоснование их языковой специфики может быть осуществлено последовательным сопоставлением лексико-семантических, лексико-грамматических, лексико-стилистических, в идеале – и лингвопоэтических параметров. Это позволило бы реконструировать наиболее характерные способы адаптации иноязычных элементов. Нас в данном исследовании интересует в основном возможность увидеть системность в разнообразии способов освоения фольклорных заимствований и стоящего за ними принципа системности традиции.

Здесь стоит отметить ряд переходных моментов. Прежде всего это то, что в любой фольклорной традиции есть тексты с неясно выраженной лексической семантикой – это заумь, или имеющие особую формально-смысловую организацию магические тексты типа абракадабры. Несмотря на специфику жанровых интенций (особые функции магического слова, варианты детского словотворчества и т.п.), сами механизмы формально-смысловой организации фольклорного текста в принципе тождественны.

Фольклорный смысл любого произведения «растворен» в самой традиции и до конца не ясен самим исполнителям. То есть любое воспроизведение фольклорного текста в этом смысле обладает семантическими «пустотами». В ходе бытования автохтонных фольклорных текстов в силу асюжетной «формульности», зачастую непонятной исполнителям, возникают лексико-синтаксические дефекты, искажения, непереводимые образы и мотивы. Эти искажения могут возникать спонтанно и в результате коммуникативных ошибок, в ходе трансляции текста и т.п. Поэтому вопрос лексической адекватности фольклорного произведения гораздо сложнее и шире проблемы освоения иноязычных текстов.

Кроме того, исследуя музыкально-поэтический фольклор, мы всегда должны иметь в виду специфику песни как музыкально-поэтического единства. Этот мелодико-словесный синкретизм накладывает свои правила и ограничения на звуко-ритмическую, ритмико-синтаксическую структуру песенного

дискурса. Поэтому все наши дальнейшие размышления над текстами могут быть скорректированы в ходе последующего музыковедческого анализа.

Цель данной статьи – исследовать имеющиеся в нашем распоряжении варианты бытования одной песни, выявить основные параметры их взаимосвязей в традиции.

Материалы и методы

Говоря о песенном фольклоре коми, А.К. Микушев выделяет три формы бытования заимствованного фольклора в коми традициях: 1) «механический перепев русских песен», 2) «сплошь и рядом были так называемые «кыдъя роч песни», в которых содержание недоступно уразумению ни русских, ни коми слушателей», 3) переводы русских песен. Только последнюю форму исследователь определяет как «творческое восприятие достижений русской песенной культуры» [1993, с. 4]. Накопленный на сегодняшний день фольклорный материал позволяет говорить о зыбкости границ между ними. Ярким образцом проявления всех трех видов заимствования может быть названа общеизвестная песня «Во саду ли, в огороде», записанная фольклористами во множестве вариантов. Если по отношению к первым двум типам, отмеченным А.К. Микушевым, можно отталкиваться от уровня билингвизма данных исполнителей, то в самой традиции многие «правильные», то есть комиязычные тексты могут бытовать наравне с «неправильными». Третий тип освоения заимствованного фольклора – перевод текстов на свой язык выделен по языку, но столь же неотделим от других вариантов. Несмотря на то, что появление переводных песен может быть рассмотрено как следующий этап освоения заимствований в общем векторе развития традиции, их вхождение в фольклор опосредовано присущими традиции механизмами самоорганизации и самообновления. В методическом отношении на решение этой цели и направлен предпринятый в работе системный анализ фольклорных, лингвистических и этнографических данных, так или иначе связанных с исследуемой песенной культурой.

Результаты исследования, обсуждения

Популярность песни «Во саду ли, в огороде» в коми фольклоре соотносима с ситуацией в русских традициях, где она бытовала в разных жанровых (плясовая, походочная, хороводная) и сюжетных версиях. Повсеместное же распространение в фольклоре коми получил переведенный на коми язык хороводный «женский» вариант «Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ» («В саду девушка гуляет»): к девушке в круг приходит парень (см. например: [КНП 1, № 52]). В качестве прототекста можно привести близкий по сюжету вологодский вариант хороводной песни:

Во саду ли, в огороде девушка гуляла,
Она ростом невеличка, бела, круглоличка.

Детинушка бел-кудрявый за девушкой ходит,
Он за девушкой ходит, ничего не молвит.
– «Что ж ты, миленький, сердит? Редко в гости ходишь?»
– «Уж я рад, душа, ходить: мне нечем дарить;
Случай будет в Москву ехать, куплю два подарка,
Дорогие два подарка: кумач да китайку».
– «Кумачу я не хочу, китаечки не ношу.
Если любишь, душа, купишь золото колечко;
Твое золото колечко прижму ко сердечку».
– «Ты носи, носи, милая, не теряй колечка,
Не теряй, душа, колечка, не суши сердечка!»
– «Я просила-говорила: купи мне башмачки,
Цвету модна масака, с золотыми пряжки.
У меня ли, у младеньки, ножки невелички...».

([Соболевский, 1890, с. 25]. Вологодская губерния. «Хороводная». Каждый стих, кроме первого, повторяется).

Переведенный протовариант текста, и в силу достаточно простого сюжета – «сценария», и в силу удачного ритмико-мелодического воплощения, вероятно, с самого начала обрел популярность и задал вектор вариативности, позволявший обыгрывать все возможные лексические и логические изменения. Во всяком случае, почти во всех зафиксированных вариантах бытования песни есть те или иные отличия.

Бытуя параллельно с русской «Во саду ли, в огороде», песня «Сад йӧрын» органично включается в общий хороводно-игровой репертуар, сопоставляясь друг с другом. Вероятно, поэтому применительно именно к этой песне исполнители и сами не всегда в состоянии определить «основной» контекст: *«Сад йӧрын пӧ ныв гуляйтӧ» – ӧктысян сьыланкыв* ‘наборная песня’. Это не только в Рождество. И в «пивные» праздники – *сура празник* на улице играли: в Афанасьев день – *Опонасей*, Пасху, Успенье – *Успеньне дырйи* [ФФ ИЯЛИ, К 227–55] (здесь и далее – перевод авторов); *«Сад йӧр шӧрын ныв гуляйтэ»* (В центре сада девушка гуляет) – хороводная, круговая: шесть парней стоят в кругу, держат руки вместе, подняв их вверх; девушки кружатся вокруг; когда подходят к своим парням, кружатся парами. А под песню «Во саду ли» – играли «в ручеёк» [ФФ ИЯЛИ, В 1912–2]; *«Сад йӧрын» и «Во саду ли» пели на вечерках, на улице; ходили кругом* [ФФ ИЯЛИ, В 1255–9]. В случаях, когда контекст бытования не фиксируется собирателями, правомерно исходить из сюжетных вариантов, выделяя плясовые и игровые (поцелуйные) версии с типичной концовкой:

...Круг гӧгӧрыс кытшовтам да
Куйимысь окасям,
Друг друга любитам.

Вокруг круга обойдем да
Три раза поцелуемся,
Друг друга полюбим.

[ФНМРК, КП–12482, с. 208].

Можно предположить, что одним из исходных контекстов бытования комиязычной песни были молодежные игрища, где она соответствовала игровому сценарию. Так, на Выми она исполнялась в качестве зачинной, наборной песни в репертуаре молодежных игрищ: *А нывъяссӧ, зонъяссӧ пара ӧктыны. Зон босьтан нылӧс, ныв босьтан зонмӧс. Сэсся ыджыд круг лоӧ. Сэсся гез керасны, дай разясны* (Девушек и парней набирают в пару себе. Парень возьмет девушку, девушка берет следующего парня. Вот и наберется большой круг):

Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ,	В саду девушка гуляет,
Сэтче зон волывлӧ,	Туда парень приходит,
– Зонмӧ, зонмӧ, молодечей,	– Парень, парень, молодец,
Шоча тай волывлан.	Редко ты приходишь.
– Рад веськe пӧ ме волывла,	– Рад бы был я приходить,
Нинӧмӧн козьновны.	Нечем одарить.
Питерас ке ме ветла,	Если в Питер я схожу,
Да пӧдарок ме босьта.	Куплю я подарок.
Зарни чунькыти, кык чунькыти,	Золотое кольцо, два колечка,
Да круг гӧгӧр гӧгӧртам.	Да вокруг круга обойдем.
Круг гӧгӧрыс гӧгӧртігӧн,	Вокруг круга обходя,
Куимысь окасям.	Трижды поцелуемся.

Во саду ли, в огороде
Девица гуляла,
Ёна ростом невеличка,
Сама круглоличка.
Детинушка бел-кудравой
За девушкой ходит,
Он за девушкой ходит,
Ничего не носит.
Случай будешь в Питер ехать,
Куплю две подарки,
Дорогие две подарки,
Ситец-каленкор.
Каленкору очень мало,
Ситец полинает,
На две юбки да на две шубки,
На две коротеньки.
Благодарствуй, друг любезный,
Ты меня украсишь.

По комментариям самой исполнительницы, такая композиционная очередность была традиционной: *Мыйла вӧлі коми йӧзыс первӧй помсэ комиӧн сьыласны, а бӧр помсӧ рочӧн сьыласны. Ок тӧд, мыйла, дикарыс, сія нин куттшӧмкӧ первобытнӧй йӧзыс сьыылысны, сі кузя и сьылӧны* (Почему-то коми люди вначале по-коми исполняли, а потом по-русски. Не знаю, почему, древние, это еще какие-то первобытные люди так пели, по заведенной ими моде

и поют так) [ФФ ИЯЛИ, Х 52–9]. (Отметим, что и в переводном, и в русском вариантах песни каждый стих, т.е. две строки, кроме первой повторяются.)

Несомненно, конечным вариантом освоения заимствованной песни становится самостоятельная коми лирическая песня, которую можно исполнять в любой ситуации. Тем не менее в своих локальных версиях комиязычный вариант органично связан с разнообразными русскоязычными версиями. В контаминированном виде песня чаще всего и фиксируется в традиции. Такой наиболее осмысленный путь вхождения инноваций в традицию является наиболее простым способом освоения и в лексическом плане, поскольку есть «опора» на содержание коми текста.

Особое место в общей картине бытования песни занимают варианты, в которых осмысленно используются «цитаты» из русскоязычного текста. Например:

– Мича зонмӧ молодечӧ,	– Красивый парень, молодец,
Шоча тай волывлан?	Что так редко приходишь?
– Рад эськен ме волывла	– Рад бы был я приходить
Дай тӧкӧтьӧ ылынджык.	Да только далековато.
Питирас кӧ ме ветла да,	Если в Питер я схожу да,
Дона козин вая.	Привезу дорогой подарок.
Дона козин, кык козин да,	Дорогой подарок, два подарка,
Кумач да китайка.	Кумач и китайку.
Кумачу я не кочу, а китаёк не надо.	
Кудз любитан, сідз любит, да	Как ты любишь, так и люби,
Босьт мен чивирички.	Купи мне черевички.
Ежели кӧсъян любитны,	Если хочешь любить,
Босьт мен зарниа чунькытш.	Купи мне золотое колечко.
Зарниа чунькытш, кык чунькытш да	Золотое колечко, два колечка,
Круг гӧгӧр гӧгӧртам.	По кругу обойдем.
Да круг гӧгӧрыс гӧгӧртігӧн	Да по кругу обходя,
Куимысь окасям.	Три раза поцелуемся.
Во саду ли, в огороди девица гуляла.	

[ФФ ИЯЛИ, А 0619].

Мича зонме, молодече,	Красивый парень-молодец,
Шоч вэд тай волыылан?	Редко ведь ты приходишь?
– Рад бы, рад бы ме волыылы,	– Рад бы, рад бы приходить,
Нинэмэн козьнооны.	Нечем одарить.
Питерас ке ме ветла да,	Если в Питер я схожу да,
Дона козин вая,	Привезу дорогих подарков,
Дона козин, кык козин да	Дорогой подарок, два подарка да
Муар да матерье.	Муар да материю.
– Муару я ни хочу да	– Муару я не хочу да
Китайка не надо.	Китайки не надо.
Кудз тэ любитан тэ мэнэ,	Как ты меня любишь,
Нисколько ог думайт.	Я о том не думаю нисколько.

[ФФ ИЯЛИ, К 322–5].

Мича зонмей молодечей,	Красивый парень, молодец,
Шоча тай волыылан?	Что так редко приходишь?
– Рад бы, рад бы ме волывлы,	Рад бы, рад бы приходить,
Нинэмен козьнавны.	Нечем одариться.
Питерас ке вед ветла да	Если в Питер я схожу да
Дона козин вая.	Привезу дорогой подарок.
Дона козин, кык козин да	Дорогие два подарка да
Кумач да китайка.	Кумач да китайку.
– Кумачу я не хочу да	
Китайку не надо.	
Кудз любитан, сідз любит да	Как ты любишь, так люби да
Босьт мен зарни чунькитш.	Купи мне золотое колечко.
Зарни чунькитшсэ ке босьтан,	Купишь золотое колечко,
Круг гӧгер гӧгертам.	По кругу обойдем.
Круг гӧгӧрсэ гӧгӧртам да	Когда по кругу обойдем да
Куимысь сиясям,	Три раза обнимемся.
Круг гӧгӧрсэ гӧгӧртам да	Когда по кругу обойдем да
Куимысь окасям.	Три раза поцелуемся.
Во саду ли в огороде	
Выросла петрушка.	

[ФФ ИЯЛИ, А5Р3–1–3].

Очевидно, что, рассматривая взаимосвязь русскоязычного и коми текстов, необходимо иметь в виду, что перед нами не просто синтаксически связанный линейный текст, а более сложная двухуровневая структура, представляющая собой вариант фрактала «текст в тексте». Яркий вариант подобной контаминации коми и русского текстов связан с моделью «песня в песне», распространенной в коми традициях.

Круг гӧгӧрыс кӧ гӧгӧртам,	По кругу как обойдем,
Куимысь окасям,	Три раза поцелуемся,
Куимысьӧ кей окасям,	Три раза как поцелуемся,
Восадолиӧс босьтам:	«Во саду ли» заведем:
«Во садо ли, в огороде	
Девица гуляла,	
Юна ростом невеликой,	
Сама круглолица,	
Детинушка белой бравой,	
За девушкой кодит,	
Он за девушкой кодит,	
Ничего де малой».	< Ничего не молвит.

[ФФ ИЯЛИ, №183–5].

Повествовательная логика подобных текстов (в сюжете песни некто поет другую песню) является одним из способов смысловой организации размытых в языковом и сюжетном отношении текстов. С другой стороны, эта модель

определяет открытость сюжетного построения и большие вариационные возможности.

В ижемской традиции летних луговых игрищ этот хоровод обозначается «Во-саду-ли-ӧн ворсӧм» (игра «Во саду ли»): в кругу парень, выбирает девушку, целуются. Наравне с таким хороводным сценарием здесь бытовали варианты, в которых песня «Сад йӧрын пӧ ныв гуляйтӧ» исполнялась в паре с песней о парне: Зон йылысь да ныв йылысь. Рочнас зон йылысь, а коминас ныв йылысь (Пели о девушке и о парне. По-русски – о парне, а по-коми – о девушке):

Во саду ли, в огороде / Молодцы гуляли,
Они с правыми руками / Девок выбирали.
Вы пожалуйте девицы / С нами прогуляться.
Папыс-мамыс дома нету, / Никого бояться.
Позволь милая спроситься, / Будешь ли любиться?
Я люблю тебя всем сердцем, / А ты все не веришь.
Верю, верю, дорогая, / Верю, разумею.
За любовь твою хорошей / Раз, раз поцелую.

Еще один вариант исполнения песни на коми языке связывается с военным и послевоенным временем, когда не было парней. Девушки без парней пели и ходили по кругу, взявшись за руки:

Сад йӧрын пӧ ныв гуляйтӧ,	В огороде девушка гуляет,
Сэтчӧ зон волывлӧ.	Туда парень приходит.
Зонмӧй, зонмӧй молодечӧй,	Парень, парень, молодец,
Шоча тай волывлан.	Редко ведь приходишь.
Рад бы веське ме вола,	Рад бы был я прийти,
Да нинӧмӧн козьнавны.	Да нечего подарить.
Туй кӧ воссяс, Питер ветла,	Если будет путь, в Питер схожу,
Дона козин вая.	Принесу дорогой подарок.
Дона козин, кык козин,	Дорогой подарок, два подарка,
Да кумач да китайка	Кумач да китайку.
Китайкасӧ ог новлы,	Китайку я не ношу,
Да кумачсӧ ог пасьтав.	Да кумач не надену.
Кыдз любитан, сідз любит,	Как ты любишь, так люби,
Да вай мен зарни чунькытш.	Да привези мне золотое колечко.
Зарни чунькытш, кык чунькытш,	Золотое, два колечка,
Да мед ещӧ чунь серти.	Да чтобы мне по размеру.
Чивирички, башмачки,	Черевички, башмаки,
Да мед ещӧ кок серти.	Да чтобы мне по ноге.

[ФФ ИЯЛИ, А0311–12, 13].

В предыдущем примере, помимо простой контаминации коми и русского текстов, на уровне всей песни мы можем отметить появление единого лирического сюжета «о девушке и парне», то есть появляется еще один, новый

уровень фрактальности. Возможно, такой метатекст возник на основе сдвоенных подобным же образом русских «хороводных» вариантов типа «Во саду ли, в огороде молодец гуляет – Во саду ли, в огороде девица гуляет» (см. напр.: [Можаровский, 1873, с. 14]).

В этой же традиции, в с. Сизябск, записан вариант с тождественными двумя частями (девушки и солдаты) на русском языке: сначала девушки выбирали парней, и пары ходили пара за парой, а под вторую часть песни парни выбирали девушек и так же прогуливались парами:

Во саду ли, в огороде девицы гуляли,
Они с правыми руками солдат выбирали.
Вы пожалуйте, солдаты, с нами погуляйте.
Да папыс мамыс дома нету – никого бояце.
Папыс-мамыс дома нету – никого бояце,
Позволь, милая, спроситься, будешь ле любиться,
– Ах ты, милый, дорогая, зачем лицемеришь.
Веру, веру, дорогая, веру, разумею.
За любовь твою хорошо поце-поцелую.
Во саду ли, в огороде солдаты гуляла,
Они с правыми руками девок выбирали…
[ФФ ИЯЛИ, А 0301–23].

Эти варианты демонстрируют еще одну особенность бытования песенных заимствований – появление особых формул, которые можно назвать эмоционально-смысловой доминантой сюжета. В данных случаях таковой является формула ***папыс-мамыс*** *дома нету* ‘папы с мамой дома нет’ с единственным вкраплением коми языка в русскоязычный текст. Именно она задает тему тайной встречи, расширяющую сюжет всего действа. Эмоционально-смысловыми формулами являются и многие русскоязычные вкрапления в коми текст, такие как приведенные выше «диалоговые» строки «*Муару я ни хочу да китайка не надо*» (вместо известного исполнителям перевода). Русскоязычный ответ девушки парню (по сюжету) в определенном смысле повышает статус участницы хоровода, опять же изменяя эмоционально-смысловой фон песни (о концепте *роч* ‘русский’ применительно к фольклору коми см. в другой работе: [Панюков, 2009, с. 22–35]). Для закрепления этого пункта приведем еще один вариант русскоязычной песни, бытовавший у зауральских коми (с. Мужи), с «вкрапленной» в русский текст формулой ты не пи родила ‘ты не сына родила’:

Во саду ли, в огороде / Девица гуляла.
Не одна она гуляла / С князем-генералом.
Она князя-генерала / Всячески ругала.
Своего дружка милово / Часто выхваляла:
– Ох, ты, губчик, мой голубчик / Что в гости не ходишь?

– Рад бы, душечка, ходил, а / Нечего носити.
А в середу два с полтиной, / В пятницу картину.
А в субботу на работу, / Карточка играет.
Воскресенье – день веселый, /Девушек целует.
Я целую, я милую, / К сердцу прижимаю.
Одна гора высокая, / А другая низко.
У Василья у Смирнова / Две дочи хороши.
Ой, вы, дочи, мои дочи / Гуляй до полночи.
К полуночи приезжали / Шапки скидывали.
Шапки-юбки скидывали /Кофты надевали.
Выходили во конюшню, / Коней выбирали.
Эти кони непростые, / Кони вороные.
Эти коней запрягали / В розовые сани.
Поехали, засвистали, / За во задержали,
Эти люди непростые, / Мужески холопы.
Выносил душа с полтиной / Чару золотые,
Чару чары золотые / Больша меньше сливца.
*Больша меньшей говорила: / **– Ты не пи родила.***
Ты не играй, моя сестра, / С малых лет же в карты.
Когда козыря не знаешь, / Тогда проиграешь.
Когда козыря узнаешь, / Тогда выиграешь.

«Пели на дзоля вечорка ‘малых вечорках’, в чуме тоже пели» [ФФ ИЯЛИ, В 1912–1].

Полевые наблюдения позволяют утверждать, что, независимо от знания русского языка, выбивающаяся из текста формула *ты не пи родила* транслируется исполнителями как особенность именно их, местной, песни. Более того, эта формула имеет еще более широкое воплощение: *Слова переворачивали, искажали. Одна старуха пела: «Больше Мише говорила ты не пи родила». А надо: «Большая меньшей говорила ты не пей родима»* [ФФ ИЯЛИ, В 1907–18]. В данном варианте появляется мужское имя *Миша* (< *меньшей*), развертывающая смысл формулы *ты не пи родила*. Применительно к сюжету песни мотив «деторождения», вероятно, возникший в результате элементарного искажения русских слов, обыгрывает тему девичьей свободы-распутства, опять же создающей совершенно определенный эмоционально-смысловой фон исполнению песни.

Можно отдельно выделить «денотативную» линию освоения переведенного сюжета. На самом деле вариант зачина «Сад йӧрын пӧ ныв гуляйтӧ» не совсем соответствует переводу строки «Во саду ли, в огороде», поскольку в традиционном деревенском пространстве коми не было отдельного «сада», тем более сада как посадки плодовых деревьев и тем более огороженного – *сад йӧр*. Сама традиция огораживать дворы возникла в большинстве мест при жизни нынешних старожилов, может быть, в некоторых традициях чуть раньше.

Таким образом, возникший в результате перевода песни образ «сад йӧрын» представляет собой контаминацию исконного *йӧр* ‘огороженный участок, изгородь’ и фольклорного *сад* ‘сад’. Как вариант соответствия реалиям жизни, вместо фольклорного образа *сад йӧр* возникает *тагсад йӧр* ‘огороженное место, обычно под окнами дома, где растет хмель’: «*Тагсад йӧрын ныв гуляйтӧ, / Сэтчӧ зон волывлӧ*» [ФНМРК, КП–12480, с. 120].

Здесь нельзя исключить и возможные ассоциации с частыми для заимствуемой русской лирики мотивами хмеля. Кроме того, следует иметь в виду и то, что огораживание *тагсад йӧр* имеет не только практическое, но и символическое значение. Так, по представлениям коми-пермяков женщина не имела права входить на это пространство, иначе хмель может подвергнуться магической порче – «урӧсмӧ» [Налимов, 1908, с. 203]. Тот же самый запрет существовал и у коми-зырян, более того, варка пива на хмелю ещё в 1930-х годах значительной частью населения считалась сугубо мужским занятием.

Сравнение бытовавших русскоязычных вариантов может стать отдельным исследованием, здесь отметим еще несколько версий развития исходного перевода. Вероятно, не без влияния контаминированных вариантов появляются различные сюжетные концовки, обыгрывающие сценарий:

Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ,	Девица в саду гуляет,
Мича зон волывлӧ, да.	Красавец-парень приходит, да.
Мича зонмӧй молодечӧй,	Красавец-парень, молодец,
Шоча тай волывлан.	Редко ты приходишь.
– Рад пӧ веськӧ волывла,	– Рад бы был я приходить,
Нинӧмӧн козьнавныс.	Нечего дарить.
Питерас кӧ ме ветла,	Если в Питер я поеду,
Дона козинсӧ вая.	Привезу дорогой подарок.
Дона козин, кык козин –	Дорогие два подарка -–
Кумач да китайка.	Кумач и китайку.
– Кумачсӧ кӧ ог новлы,	– Кумача носить не буду,
Китайкасӧ ог пасьтав.	Китайку не надену.
Кыдз любитчим,	Как полюбимся,
Сидз миритчам.	Так помиримся.
Босьт тэ зарни чунькытш.	Привези ты золотое колечко.
Зарни чунькытшсӧ кӧ босьтан,	Золотое колечко если купишь,
Круг гӧгӧр гӧгӧртам.	По кругу обойдем.
Круг гӧгӧрыс гӧгӧртам,	Как по кругу обойдем,
Куимысь окасям.	Три раза поцелуемся.
Куимысьсӧ окасям,	Три раза поцелуемся,
Да беседатӧ торкам.	И беседу-игрище разрушим.

[ФФ ИЯЛИ РФ, Микушева, 1951, с. 7].

Как вариант разрушения игровой «женитьбы» может быть интерпретирован и такой вариант:

Садйӧр гӧгӧр ныв гуляйтӧ,	Вокруг сада девушка гуляет,
Мича зон волывлӧ…	Красивый парень приходит…
... Лучшӧ сибирӧ муна да	…Лучше я в Сибирь пойду да
Сэтчӧ выль друг лӧсьӧда.	Себе нового друга заведу.

[ФНМРК КП-12492, с. 67–68].

Как элементарный способ трансформации текста может использоваться инверсия отдельных мотивов или всего сюжета. Например, вариант песни, построенный на антонимической замене клишированных (= стертых) образов: *мича* ‘красивый’ > *мисьтӧм* ‘некрасивый’, *шоча* ‘редко’ > часто:

Сад йӧрын ме, ныв, гуляйта,	Во саду я, девушка, гуляю,
Мисьтӧм зон волывлӧ.	Некрасивый парень приходит.
Мисьтӧм зонмӧй молодечей,	Некрасивый парень-молодец,
Частӧ тай волывлан.	Что так часто приходишь?
Рад пӧ веськӧ ог волы да	Рад бы я не приходить да
Терпитны ог вермы.	Терпенья не хватает.
Да Питерэ ке ме ветла да	Если в Питер я схожу да
Дона козин вая…	Привезу дорогой подарок…

[ФФ ИЯЛИ, № 47р8–1].

Далее песенный текст не изменяется, тем не менее перед нами уже совершенно другой сюжет, соотносимый с образностью и игровых, и лирических песен.

Завершая общую картину бытования, отметим еще один, наиболее маргинальный по отношению к общей традиции вариант переосмысления этой песни: *Ворсасны. «Богородица дева», уна пара сувтасны, эстчӧ дас морт, да эстчӧ дас морт. Киасясныс, окасясныс, ворсасны. «Богородица» ворсасныс* (Играют. «Богородица дева», много пар встанут, там десять человек, да здесь десять. Здороваются за руки, целуются, играют. «Богородицу» играют) [ФФ ИЯЛИ, А 0304–9]. Здесь, вероятно, речь идет о кадрили, в которой фигура «Во саду ли, в огороде» выступала как отдельная часть общего танца. Переосмысление возникает в результате паронимической аттракции: «*во саду ли, в огороде девица гуляла* > во саду ли богороде-деви-ца гуляла». Образ «Богородицы девы» устойчиво связан с православным богослужебным обиходом (молитва «Богородица, дева радуйся» включена в утреннее молитвенное правило всех православных верующих, как песнопение – в состав воскресного всенощного бдения), поэтому возникшая паронимическая ассоциация не вызывает семантических затруднений. К сожалению, исполнительница не смогла воспроизвести весь текст, однако, судя по всему, появление такой зачинной формулы не вызвало изменений всего иноязычного песенного текста и связано, прежде всего, с реструктурированием других уровней смысла. Здесь важно и то, что этот образ-формула включен в сценарный текст кадрили и создает еще один ассоциативно-смысловой уровень.

Заключение

Таким образом, перед нами возникает сложноорганизованный гипертекст, части которого образуют единое целое. При этом возникшая в результате заимствования новая песня «Сад йӧрын кӧ ныв гуляйтӧ» («В саду девушка гуляет»), представляя собой оригинальный и вполне самостоятельный результат освоения и развития заимствования, оказывается неотделимой от множества взаимосвязей и с исходной русскоязычной версией песни, и с другими уровнями и явлениями фольклорной культуры (игровым контекстом, жанровыми критериями, этнографическими реалиями и т.п.). Именно эти взаимосвязи определяют вариативность новой песни и именно они устанавливают роль и место инновации в общей системе традиции. Все это вместе позволяет говорить о существовании в системе традиции механизмов самоорганизации, определяющих из множества несвязанных и случайных факторов общий вектор своего развития.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ФФ ИЯЛИ – Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

РК – Республика Коми

ФНМРК – Фольклорное собрание Национального музея Республики Коми

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Коми народные песни: Вычегда и Сысола / сост. А.К. Микушев, П.И. Чисталев. Т. 1. Изд. 2. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 292 с.

Можаровский А.Ф. Святочные песни, игры, гадания и очерки Казанской губернии. Казань: Типо- и литография К.А. Тилли, 1873. 129 с.

Налимов В.П. Материалы по этнографии зырян и пермяков (Рукопись) // Kansatieteellisiä kirjoituksia ja muistiinpanoja syrjääneistä. Suomalais-Ugrilainen Seura (Архив Финно-угорского общества). Helsinki, 1908. I. 38–40.

Панюков А.В. Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2009. 224 с.

Соболевский А.И. Великорусские народные песни / изд. проф. А.И. Соболевским. Т. IV. СПб., 1898. 752 с.

ФФ ИЯЛИ К 227–55. Исп.: Подорова М.В., 1896 г.р.; Манова М.И., Опарина Л.С., 1895 г.р., д. Йӧрӧс, с. Княжпогост Княжпогостского р-на РК. Соб.: А.К. Микушев, Ю.Г. Рочев, 1964 г.

ФФ ИЯЛИ В 1912–2. Исп.: ансамбль, с. Мужи Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл. Соб.: А.В. Панюков, О.И. Уляшев, А.Л. Сиекаала, 2003 г.

ФФ ИЯЛИ В 1255–9. Инф.: Логинова А.Е., 1920 г.р., с. Носим Усть-Куломского р-на РК. Соб.: А.Н. Рассыхаев, 07.10.2003.

ФФ ИЯЛИ Х 52–9. Исп. не зафиксирован. д. Половники Княжпогостского р-на РК. Соб.: В.А. Ляшев, 1974 г.

ФФ ИЯЛИ К 322(2)–5. Исп. не отмечен, с. Нижняя Пеша Ненецкого автономного округа Архангельской области. Соб.: А.К. Микушев, 1972 г.

ФФ ИЯЛИ А 5Р3–1–3. Исп. не отмечен, с. Колва Усинского р-на РК. Соб.: Г.Г. Бараксанов, Э. Вассойи, 1966 г.

ФФ ИЯЛИ № 183–5. Исп.: ансамбль, с. Помоздино Усть-Куломского р-на РК. Соб.: П.И. Чисталев, 1963 г.

ФФ ИЯЛИ А 0311–12, 13. Исп.: Хозяинова К.И., 1920 г.р., Сметанина А.Е., 1926 г.р., Сметанина А.С., 1930 г.р., с. Кельчиюр Ижемского р-на РК. Соб.: А.В. Панюков, Г.С. Савельева, 1997 г.

ФФ ИЯЛИ А 0301–23. Исп.: Вокуева И.Ф., 1922 г.р., урож. с. Ижма; Чупрова В.Ю., 1923 г.р., Вокуева А.Н., 1923 г.р., с. Сизябск Ижемского р-на РК. Соб.: А.В. Панюков, Г.С. Савельева, 1997 г.

ФФ ИЯЛИ В 1912–1. Исп.: ансамбль, с. Мужи Шурышкарского р-на Тюменской обл. Соб.: А.В. Панюков, О.И. Уляшев, А.Л. Сиекаала, 2003 г.

ФФ ИЯЛИ В 1907–18. Исп.: Конева В.Ф., 1932 г.р., Конев С.Ф., 1934 г.р., д. Киеват Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской обл. Соб.: А.В. Панюков, П.Ф. Лимеров, 2003 г.

ФФ ИЯЛИ РФ Т. 1. Л. 7. Исп: Стрекалова Е.Е., Худяева Н.М., Лихачева Н.М., Оботурова М.Г., Оботурова П.Н., Панева А.В., с. Объячево. Соб.: А.К. Микушев, 1951 г.

ФФ ИЯЛИ № 47р8–1. Исп.: ансамбль, с. Помоздино Усть-Куломского р-на РК. Соб.: П.И. Чисталев, 1963 г.

ФФ ИЯЛИ А 0304–9. Исп.: Чупрова П.Х., 1912 г.р., с. Сизябск Ижемского р-на. Соб.: А.В. Панюков, Г.С. Савельева, 1997 г.

ФНМРК КП–12482. Фольклор коми учащихся педтехникума. 1935 г. Рукопись. Л. 208. Материалы Фроловой с. Тентюково Сыктывдинского р-на РК.

ФНМРК КП–12480. Фольклор коми учащихся педтехникума. 1930–1936 гг. [1930 – 27.06.1936 гг.]. Рукопись. 248 л. № 194, Л. 120. Материалы Тиминой М., д. Жуёд Пажгинского с/с Сыктывдинского р-на РК, 1935 г.

ФНМРК КП–12491. Фольклор коми. 1925 г. [01.03.1925 г.]. Рукопись. Л. 67–68. Материалы А. Кузьбожевой, 1925 г.

Galina Savelyeva, Anatoliy Panyukov

THE SONG “VO SADU LI, V OGORODE” IN KOMI-ZYRIAN FOLKLORE

Introduction. The article is devoted to the study of the peculiarities of the assimilation of Russian folklore by the song tradition of the Komi-Zyrians. **The purpose of the work** is to reconstruct the methods of assimilation of the Russian texts by Komi folklore tradition on the example of the borrowed song “Vo sadu li, v ogorode” (“In the garden, in the kitchen garden”). The systemic analysis of folklore, linguistic and ethnographic data, which is related to the song culture in a certain way, has aimed to achieve the goal. **Materials and methods.** Variants of the song “Vo sadu li, v ogorode” are the object of the study. **Research results and**

discussions. The translated Komi song “Sad yöryn kö nyv gulyaytö” (“The girl is walking in the garden”) is an original and quite independent process of assimilation and development of the borrowed song. It turns out to be inseparable from many interconnections with the folklore tradition; these are attractions with the original Russian song, and with other levels and phenomena of folklore culture: with the game context, with genre criteria, with ethnographic realities etc. **Conclusion.** The identified relationships determine the variability of the new song and the role and the place of innovation in the general system of tradition. All of them together allow us to talk about the existence of self-organization mechanisms in the system of tradition, determining the general vector of its development from a multitude of unrelated and random factors.

Keywords: folklore; traditional culture; archive; Komi-Zyrians; Komi-Russian relations.

REFERENCES

Mikushev A.K., Chistalev P.I. Komi narodnye pesni: Vychegda i Sysola [Komi folk songs: Vychegda and Sysola]. 2nd ed. Ed. A.K. Mikushev, P.I. Chistalev. Syktyvkar, Komi knizhnoe izdatel’stvo, 1993, vol. 1, 292 p. (In Russian).

Mozharovskij A.F. Svjatochnye pesni, igry, gadanija i ocherki Kazanskoj gubernii [Christmas songs, games, fortune telling and essays of the Kazan province]. Kazan’, Tipo- i litografija K.A. Tilli, 1873, 129 p. (In Russian).

Nalimov V.P. Materialy po etnografii zyrjan i permjakov (Rukopis’) [Materials on the ethnography of the Zyrians and Permyaks (Manuscript)]. Kansatieteellisiä kirjoituksia ja muistiinpanoja syrjääneistä. Suomalais-Ugrilainen Seura (Arhiv Finno-ugorskogo obshhestva). Helsinki, 1908, pp. 38-40. (In Russian).

Panjukov A.V. Dinamika razvitija komi fol’klornyh tradicij v kontekste teorii samoorganizacii [Dynamics of Development of Komi Folklore Traditions in the Context of Self-organization Theory]. Syktyvkar, Komi nauchnyj centr Ural’skogo otdelenija Rossijskoj akademii nauk, 2009, 224 p. (In Russian).

Sobolevskij A.I. Velikorusskie narodnye pesni [Great Russian Folk Songs]. Saint Petersburg, 1898, vol. 4, 752 p. (In Russian).

Fol’klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. K 227-55. Ispolniteli Podorova M.V., 1896 god rozhdenija, Manova M.I., Oparina L.S., 1895 god rozhdenija, derevnja Jörös, selo Knjazhpogost Knjazhpogostskogo rajona Respubliki Komi. Sobirateli A.K. Mikushev, Ju.G. Rochev, 1964. [In Komi].

Fol’klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. V 1912-2. Ispolnitel’ ansambl’, selo Muzhi Shuryshkarskogo rajona Jamalo-Neneckij avtonomnyj okrug Tjumenskoj oblasti. Sobirateli A.V. Panjukov, O.I. Uljashev, A.L. Siekaala, 2003. [In Komi].

Fol’klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. V 1255-9. Informant Loginova A.E., 1920 god rozhdenija,

selo Nosim Ust'-Kulomskogo rajona Respubliki Komi. Sobiratel' A.N. Rassyhaev, 07.10.2003. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. H 52-9. Ispolnitel' ne zafiksirovan. Derevnja Polovniki Knjazhpogostskogo rajona Respubliki Komi. Sobiratel' V.A. Ljashev, 1974. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. K 322(2)-5. Ispolnitel' ne otmechen, selo Nizhnjaja Pesha Neneckogo avtonomnogo okruga Arhangel'skoj oblasti. Sobiratel' A.K. Mikushev, 1972. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. A 5R3-1-3. Ispolnitel' ne otmechen, selo Kolva Usinskogo rajona Respubliki Komi. Sobirateli G.G. Baraksanov, E. Vassoji, 1966. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. № 183-5. Ispolnitel' ansambl', selo Pomozdino Ust'-Kulomskogo rajona Respubliki Komi. Sobiratel' P.I. Chistalev, 1963. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. A 0311–12, 13. Ispolniteli Hozjainova K.I., 1920 god rozhdenija, Smetanina A.E., 1926 god rozhdenija, Smetanina A.S., 1930 god rozhdenija, selo Kel'chijur Izhemskogo rajona Respubliki Komi. Sobirateli A.V. Panjukov, G.S. Savel'eva, 1997. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. A 0301-23. Ispolnitel' Vokueva I.F., 1922 god rozhdenija, selo Izhma; Chuprova V.Ju., 1923 god rozhdenija, Vokueva A.N., 1923 god rozhdenija, selo Sizjabsk Izhemskogo rajona Respubliki Komi. Sobirateli A.V. Panjukov, G.S. Savel'eva, 1997. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. V 1912-1. Ispolnitel' ansambl', selo Muzhi Shuryshkarskogo rajona Tjumenskoj oblasti. Sobirateli A.V. Panjukov, O.I. Uljashev, A.L. Siekaala, 2003. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. V 1907-18. Ispolniteli Koneva V.F., 1932 god rozhdenija, Konev S.F., 1934 god rozhdenija, derevnja Kievat Shuryshkarskogo rajona Jamalo-Neneckij avtonomnyj okrug Tjumenskoj oblasti. Sobirateli A.V. Panjukov, P.F. Limerov, 2003. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. RF T.1. L. 7. Ispolniteli Strekalova E.E., Hudjaeva N.M., Lihacheva N.M., Oboturova M.G., Oboturova P.N., Paneva A.V., selo Ob''jachevo. Sobiratel' A.K. Mikushev, 1951. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. № 47r8-1. Ispolnitel' ansambl', selo Pomozdino Ust'-Kulomskogo rajona Respubliki Komi. Sobiratel' P.I. Chistalev, 1963. [In Komi].

Fol'klornyj fond Instituta jazyka, literatury i istorii [The Folklore Collection of the Institute of Language, Literature and History]. A 0304-9. Ispolnitel' Chuprova P.H., 1912 god rozhdenija, selo Sizjabsk Izhemskogo rajona Respubliki Komi. Sobirateli A.V. Panjukov, G.S. Savel'eva, 1997. [In Komi].

Fol'klornoe sobranie Nacional'nogo muzeja Respubliki Komi [The Folklore Collection of the National Museum of the Komi Republic]. KP-12482. Fol'klor komi uchashhihsja pedtehnikuma. 1935. Rukopis'. L.208. Materialy Frolovoj selo Tentjukovo Syktyvdinskogo rajona Respubliki Komi. [In Komi].

Fol'klornoe sobranie Nacional'nogo muzeja Respubliki Komi [The Folklore Collection of the National Museum of the Komi Republic]. KP-12480. Fol'klor komi uchashhihsja pedtehnikuma. 1930-1936. [1930-27.06.1936]. Rukopis'. 248 l. № 194, L. 120. Materialy Timinoj M., derevnja Zhujod Pazhginskogo sel'skogo soveta Syktyvdinskogo rajona Respubliki Komi, 1935. [In Komi].

Fol'klornoe sobranie Nacional'nogo muzeja Respubliki Komi [The Folklore Collection of the National Museum of the Komi Republic]. KP-12491. Fol'klor komi. 1925. [1.03.1925]. Rukopis'. L.67-68. Materialy A. Kuz'bozhevoj, 1925. [In Komi].

Савельева Галина Сергеевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
galsav69@mail.ru

Панюков Анатолий Васильевич
кандидат филологических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научного центра УрО РАН,
г. Сыктывкар
apankomisc@mail.ru

Galina Savelyeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher of the Institute of Language,
Literature and History of the Komi
Scientific Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar
galsav69@mail.ru

Anatolij Panyukov
Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor,
Leading Researcher of the Institute
of Language,
Literature and History of the Komi
Scientific Center, Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
Syktyvkar
apankomisc@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ

УДК 94(470.343)
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-86-94

МАРИЙСКИЙ КРАЙ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914–1918 ГОДОВ. МЕМОРИАЛЬНАЯ КНИГА. Т. III. ВОЛОСТИ УРЖУМСКОГО УЕЗДА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ

© 2024 г. А.Н. Кудрявцев

Введение. Вопросы региональной истории Первой мировой войны, сохранения исторической памяти до сих пор остаются актуальными для отечественной исторической науки. **Цель статьи** – освещение хода исследовательской работы над историей волостей Уржумского уезда в годы Первой мировой войны, освещение страниц судеб ее участников – уроженцев Марийского края. **Материалы и методы.** Статья написана на основе широкого круга документальных источников, как опубликованных, так и архивных. Использованы конкретно-исторический, сравнительно-исторический методы исследования. **Результаты исследования, обсуждения.** Проведена работа по сбору, анализу и публикации большого объема информации об участии уроженцев края в Первой мировой войне. **Заключение.** Завершен еще один том мемориального цикла об участии уроженцев Марийского края в Первой мировой войне, это станет большим подспорьем как для историков, так и для краеведов, генеалогов и интересующихся историей родного края.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 годов; Российская Императорская армия; призыв на военную службу; мобилизация; Уржумский уезд Вятской губернии.

Введение

В ближайшее время в свет выйдет новый том мемориального издания «Марийский край в Первой мировой войне 1914–1918 годов», посвященный волостям Уржумского уезда Вятской губернии. Книга является продолжением регионального цикла, посвященного уроженцам Республики Марий Эл –

участникам Первой мировой войны. Вышедшая из печати книга продолжит относительно недавно начатую традицию отечественных изданий, посвященных участвовавшим в Первой мировой войне предкам жителей России.

Целью статьи является освещение хода исследовательской работы над историей волостей Уржумского уезда в годы Первой мировой войны, исследование моментов и деталей службы ее участников – уроженцев Марийского края.

Материалы и методы

В работе использованы материалы как опубликованные в ходе Первой мировой войны, так и обнаруженных в фондах Центрального государственного архива Кировской области и Государственного архива Республики Марий Эл. Кроме того, документы центральных архивов, доступ к цифровым копиям материалов которых доступен в сети интернет.

Результаты исследования, обсуждения

На начало войны Уржумский уезд Вятской губернии представлял из себя административно-территориальную единицу Вятской губернии и состоял из 23 волостей: Байсинской, Биляморской, Большешурминской, Буйской, Ирмучашской, Кичминской, Кокшинской, Конганурской, Косолаповской, Кузнецовской, Кукнурской, Лебяжской, Новоторъяльской, Петровской, Пилинской, Рождественской, Русско-Турекской, Сердежской, Сернурской, Теребиловской, Токтайбелякской, Хлебниковской и (Черемисско-)Турекской с уездным центром в г. Уржуме [Памятная книжка … , 1913, с. 91]. Данные волости относительно современного административно-территориального деления можно разделить на три части. Одни из них в полном составе на сегодняшний день вошли в состав Республики Марий Эл и представляют территорию северо-восточной части республики (Куженерский, Мари-Турекский, Параньгинский, Сернурский и части Новоторъяльского и Советского районов). Ко второй части относятся волости, в основном расположенные на территории Кировской области, но деревни которой в той или иной степени вошли в состав Республики Марий Эл (так, деревни Кокшинской и Кузнецовской волостей в Сернурский район, Буйской – Мари-Турекский и т.д.). Третья часть – волости, составившие четыре южных района Кировской области (Лебяжский, Пижанский, Советский и Уржумский). Данный том посвящен уроженцам волостей уезда, входящих на сегодняшний день в состав Республики Марий Эл и близлежащих к ним.

Вятская губерния входила накануне войны в Казанский и Московский военные округа. При этом Орловский и Котельничский уезды относились к Московскому, а остальные девять уездов, в числе которых и Уржумский – к Казанскому военному округу. 17 июля 1914 года (по старому стилю летоисчисления. – *Авт.*) от имени командующего войсками Казанского военного округа рассылалась по окружным уездам телеграмма о высочайшем повелении

мобилизовать войска Киевского, Одесского, Московского, Казанского военных округов, Черноморский, Балтийский флоты, второочередные и третьеочередные части Оренбургского, Уральского, Астраханского казачьих войск и команды пополнения Донского, Кубанского, Терского, Оренбургского, Уральского, Астраханского казачьих войск и о призыве на службу чинов запаса армии и флота по мобилизационному расписанию 1910 года. Поздно вечером в управления уездных воинских начальников стала поступать телеграмма из Петербурга, в которой было: «ВЫСОЧАЙШЕ повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лошадей согласно мобилизационному росписанию 1910 года, за исключением уездов Тургайскаго, Кустанайскаго, Камышловскаго, Шадринскаго, Троицкаго, Верхнеуральскаго, Сарапульскаго, Ирбитскаго, Чердынскаго, Яранскаго, Нолинскаго, Уржумскаго, Малмыжскаго, Елабужскаго и Мензелинскаго. Первым днем мобилизации следует считать 18 сего Июля 1914 года» [ГА РМЭ, ф. 79, оп. 1, д. 198, л. 112 об. – 113]. С 17 июля же формально, ввиду наступления ночи, было объявлено об открытии уездных сборных пунктов, всем чинам управлений было приказано немедленно приступить к мобилизационным работам. Мобилизация запасных в Уржумском уезде началась с 1 сентября 1914 года и по ее итогам было принято на действительную службу 7462 бойца. В следующую, ноябрьскую мобилизацию – 2488. Последний в 1914 году указ о наборе запасных и ополченских частей ратников первого разряда появился 24 декабря. Первым же днем мобилизации назначено 30 декабря 1914 года, однако реализация его завершилась уже в первых числах января 1915 года и дала армии 2260 солдат [Казаковцев, 2007, с. 32–33].

Наряду с мобилизацией запасных началась подготовка к призыву в армию новобранцев. Довольно обширным стал и перечень категорий призывников, которые не попадали под призыв осенью 1914 года. В октябре начался призыв на срочную службу по жребию. С самого начала войны служащим уездных по воинской повинности присутствий приходилось быстро реагировать на изменения в законодательстве, которые преследовали конкретную цель – уменьшить круг претендующих на разного рода отсрочки и увеличить число мобилизуемых в армию.

Весь объем фондов, в которых содержится разный объем полноты информации об участии русскоподданных в Первой мировой войне в региональных архивах следует разделить по сущностному критерию – на военные и гражданские, и по хронологическому – на дореволюционные и советские.

Основное внимание исследователю в корпусе военных дореволюционных фондов следует обратить на фонды губернских и уездных военных учреждений, возникших в России в результате военной реформы Александра II и «Устава о воинской повинности» 1874 года, в соответствии с которыми

рекрутский набор был заменен обязательной воинской повинностью. Служба в вооруженных силах России становилась общеобязательной и всесословной. Призыву подлежали молодые люди, которым исполнился полный 21 год к моменту их призыва осенью. Сроком, или годом, их службы считался последующий год, наступавший 1 января. В мирное время призываемые на военную службу поступали в «постоянные войска» армии, флота и казачьих войск. После прохождения «действительной службы» солдаты, называвшиеся «нижними чинами», зачислялись в запас. По окончании срока пребывания в запасе, они зачислялись в Государственное ополчение, в котором состояли до 40-летнего возраста [Устав…, 1876, с. 4–7].

Накануне войны, согласно положениям Закона от 23 июня 1912 года «Об изменениях в Уставе о воинской повинности», дело организации призывов и мобилизации в вооруженные силы было возложено на Управление по делам о воинской повинности при Министерстве внутренних дел. К обязанностям этого Управления относилось наблюдение за деятельностью местных по воинской повинности установлений, производство дел по призыву населения к отбыванию воинской, военно-конской и военно-повозочной повинности, принятие подготовительных мер к мобилизации армии и образованию Государственного ополчения [Закон от 23 июня 1912 г. … 1915, с. 813–817].

Различные документы, носящие характер пофамильных списков, представляют большой интерес прежде всего для историков, занимающихся локальной историей, краеведов и генеалогов, тем более если в документе представлена дополнительная информация: место происхождения, дата рождения и т.д.

В рукописи используются материалы фондов Вятского губернского по воинской повинности присутствия [ЦГАКО, ф. 1155], Уржумского уездного по воинской повинности присутствия [ЦГАКО, ф. 1054]. На воинские присутствия были возложены обязанности по составлению призывных списков, производство призыва и т.п. Главный интерес здесь представляют сведения о проходивших службу в Российской императорской армии, содержащие различные списки ратников.

В управления уездного воинского начальника в годы войны поступало множество входящей документации: документы об освидетельствовании новобранцев и мобилизации запасных и ополченцев, переписка об уволенных со службы с присылаемыми из госпиталей – свидетельствами о болезнях, из полков – послужными списками и свидетельствами об исполнении воинской повинности, уведомлениями из полков к сведению родственников о потерях (убит, пропал без вести, пленен). В фонде Уржумского воинского начальника сохранилось достаточно документов списочного характера [ЦГАКО, ф. 913].

После заключения Брест-Литовского мирного договора, а тем более с падением Австро-Венгерской и Германской империй, из австрийских и германских лагерей для военнопленных огромным потоком хлынули возвращавшиеся из плена солдаты. Для руководства делами, возникающими в отношении военнопленных, беженцев, возвращающихся из плена солдат, на местах были организованы Уездные коллегии по делам пленных и беженцев, которые наследовали эту сферу деятельности от Уездных воинских начальников, а также занялись активным учетом массово возвращавшихся из немецкого и австро-венгерского плена солдат. Информация о прохождении службы в материалах коллегии содержится главным образом в анкетах возвращающегося из плена, оформлявшихся в Центральной коллегии пленных и беженцев, выдававшихся в г. Москве и повествующих о том, в каком полку служил, где содержался, когда и где был пленен. Кроме того, в условиях дезорганизации накануне Гражданской войны сведения о возвращавшихся из плена без документов, минуя центральные органы, и своим ходом вернувшихся домой имеются в различных волостных списках. Волостные советы депутатов направляли два раза в месяц поименные списки вернувшихся в уездную коллегию. Из делопроизводственной переписки видно, что не все волостные советы депутатов выполняли инструкции в должной мере, игнорируя тот или иной пункт инструкции, запаздывая или же вообще не подавая списки, некоторая часть сведений оседала в волостных военкоматах.

Волостные военные комиссариаты являлись низовым звеном военно-призывных органов на местах. С началом введения всеобщей мобилизации в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии осенью 1918 года перед государственными органами встала проблема учета на местах подлежащих мобилизации лиц. Контроль за данным вопросом делегировался на уровень уездного военного комиссара, а осуществление учета велось волостным военным комиссаром. По большому счету, в данном вопросе советскими органами была наследована вся дореволюционная система документации, и все выше сказанное применимо и к ним. Таким образом, в волостных фондах осел достаточно большой объем сведений о прохождении жителями тех или иных территорий военной службы. Наибольший интерес представляют переписи наличного по месту жительства мужского населения той или иной призывной возрастной категории с указаниями отсутствия (убит, пленен, пропал без вести в годы войны) или же невозможности принять на службу ввиду тяжелого ранения. Кроме того, на волостном уровне велся подробный уже упомянутый учет возвращавшихся из плена.

В Центральном государственном архиве Кировской области материалы волостных военных комиссариатов выделены в отдельные фонды из общего корпуса документов волостных Советов рабочих, крестьянских и солдатских

депутатов. Сохранность их разная, но по ряду волостей можно отметить сведения военного характера (Буйского [ЦГАКО, ф. Р-3470], Кичминского [ЦГАКО, ф. Р-3407], Пилинского [ЦГАКО, ф. Р-1661] и др. волостных военкоматов). В фондах Государственного архива Республики Марий Эл материалы волостных военкоматов относительно хорошо сохранились в материалах Конганурского волостного правления Уржумского уезда Вятской губернии [ГА РМЭ, ф. Р-174] и Новоторъяльского волостного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов [ГА РМЭ, ф. Р-362].

Гражданские ведомства, как дореволюционные, так и советские, в некоторой степени содержат сведения о службе в рядах Российской императорской армии. Материалы дореволюционных уездных казначейств и ведомств советских учреждений, ведающих социальным обеспечением в ранние советские годы, могут содержать сведения о военных пенсионерах, получающих пенсию по потере кормильца на фронтах Первой мировой войны. Метрические книги за годы войны могут иметь сведения о статусе родителя (мобилизованный, запасной, убитый на войне солдат), однако содержание этих сведений носит необязательный характер. Так, по опыту автора статьи, основанному на работе с фондом метрических книг Государственного архива Республики Марий Эл [ГА РМЭ, ф. 305], в лучшем случае, каждый четвертый приход вел метрики с подробным указанием военного статуса родителя.

В целом, характеризуя фонды гражданских учреждений, можно сказать, что они, с точки зрения поиска информации о прохождении военной службы, за редкими исключениями, не являются системными и достаточно отрывочны, очень сильно зависят от степени сохранности документального материала.

Из находящихся в открытом доступе в сети интернет использованы документы фондов Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), размещенных на портале «Герои Первой мировой войны» (http://gwar.mil.ru/cartoteka/search/), среди которых именные списки потерь воинских частей, журналы военных действий и др., а также полковые метрические книги из фондов Петроградской духовной консистории (Центральный государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург) – https://spbarchives.ru/web/group/information_resources/-/archivestore/inventory/2-2819?_archivestore_WAR_archivestoreportlet_onlyWithImages=true.

Из опубликованных еще в годы Первой мировой войны императорским правительством материалов использованы «Именные списки убитым, раненым и без вести пропавшим нижним чинам» (Петроград, 1914–1916) и «Именные списки раненых и больных воинов, находящихся в госпиталях и лазаретах» (Петроград, 1915–1916).

Автор старался максимально подробно отразить ту информацию, которую удалось найти в архивных фондах, не отходя при этом от принципов единообразия. В идеальном варианте представлена следующая информация: фамилия, имя, отчество, год рождения, воинская часть, место рождения (населенный пункт, волость), конкретные факты о прохождении службы (ранения, пленения, когда, где и др.), а также сведения о наградах. Как показано, относительно Первой мировой войны исследователь не имеет возможности работать с одним всеобъемлющим списком, в котором была бы отражена в полном объеме вся информация. Труд носит сводный характер, тот или иной информативный фрагмент прохождения службы по одному бойцу раскидан по целому ряду фондов, десяткам дел. Этим объясняются различия в полноте информации по той или иной персоне.

Хотелось бы отметить, что в данный момент начата подготовительная работа над четвертым томом, посвященным северу Республики Марий Эл и сопредельным территориям (волостям Яранского уезда Вятской губернии). Если в вашей семье хранятся документы, воспоминания, фотографии, которыми вы хотели бы поделиться для очередного тома, то материалы можно присылать по электронной почте alterloki@rambler.ru или же приносить в МарНИИЯЛИ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Государственный архив Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ), ф. 79, оп. 1, д. 198,
ГА РМЭ, ф. 305.
ГА РМЭ, ф. Р-174.
ГА РМЭ, ф. Р-362.

Закон от 23 июня 1912 г. «Об изменениях в Уставе о воинской повинности» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 32. Огд. 1. № 37417. Петроград: Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1915. С. 806–828.

Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Киров, 2007. С. 222.

Памятная книжка Вятской губернии и календарь на 1914 г. Вятка, 1913.

Устав о воинской повинности // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Огд. 1. № 52983. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии. 1876. С. 3–30.

Центральный Государственный архив Кировской области (далее – ЦГАКО, ф. 913.
ЦГАКО, ф. 1054.
ЦГАКО, ф. 1155.
ЦГАКО, ф. Р-1661.
ЦГАКО, ф. Р-3407.
ЦГАКО, ф. Р-3470.

Aleksey Kudryavtsev

MARI REGION IN THE FIRST WORLD WAR FROM 1914 TO 1918. MEMORIAL BOOK. VOL. III. VOLOSTS OF URZHUMSKY DISTRICT OF VYATKA PROVINCE

Introduction. The issues of regional history of the World War I and the preservation of historical memory remain relevant for Russian historical science. **The purpose of the work** is to summarize the work carried out on the history of the volosts of the Urzhum district during the World War I, to highlight the fates of its participants - inhabitants of Mari region. **Materials and methods.** The research uses a wide range of published and archival documentary sources. The study applied specific-historical and comparative-historical methods. **Research results and discussion.** A large volume of information about the participation of inhabitants of Mari region in the World War I was collected, analyzed and published. **Conclusion.** Another level of the memorial cycle about the participation of inhabitants of the Mari region in World War I completed. In the author's view, this material will be of great help to historians, genealogists and those who are interested in the history of their native region.

Keywords: World War I; Russian Imperial Army; military conscription; mobilization; Urzhum district of Vyatka province.

REFERENCES

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond 79. Opis' 1. Dokument 198 [The State Archive of the Republic of Mari El. Archives 79. Anagraph 1. Document 198]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond 305 [The State Archive of the Republic of Mari El. Archives 305]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-174 [The State Archive of the Republic of Mari El. Archives R-174]. (In Russian).

Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Marij El. Fond R-362 [The State Archive of the Republic of Mari El. Archives R-362]. (In Russian).

Zakon ot 23 ijunja 1912 g. «Ob izmenenijah v Ustave o voinskoj povinnosti» [The Law of June 23, 1912 "On Amendments to the Charter of Military Service"]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e. Tom 32. Otdelenie 1. № 37417. Petrograd, Tipografija 2-go otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1915, pp. 806-828. (In Russian).

Kazakovcev S.V. Mobilizacija ljudskih i material'nyh resursov v Vjatskoj gubernii v gody Pervoj mirovoj vojny [Mobilization of Human and Material Resources in the Vyatka province during the First World War]. Ph. D. thesis. Kirov, 2007, p. 222. (In Russian).

Pamjatnaja knizhka Vjatskoj gubernii i kalendar' na 1914 g. [Memorial Book and Calendar of the Vyatka Province for 1914]. Vjatka, 1913. (In Russian).

Ustav o voinskoj povinnosti [Military Service Regulations]. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. Tom. 49. Otdelenie 1. № 52983. Saint Petersburg, Tipografija 2-go otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii, 1876, pp. 3-30. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond 913 [Central State Archive of the Kirov region. Archives 913]. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond 1054 [Central State Archive of the Kirov region. Archives 1054]. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond 1155 [Central State Archive of the Kirov region. Archives 1155]. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond R-1661 [Central State Archive of the Kirov region. Archives R-1661]. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond R-3407 [Central State Archive of the Kirov region. Archives R-3407]. (In Russian).

Central'nyj Gosudarstvennyj arhiv Kirovskoj oblasti. Fond R-3470 [Central State Archive of the Kirov region. Archives R-3470]. (In Russian).

Кудрявцев Алексей Николаевич
научный сотрудник МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
alterloki@rambler.ru

Alexey Kudryavtsev
Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
alterloki@rambler.ru

УДК 394.1
DOI 10.51254/2312-0312-2024-3-67-95-103

РЕСТОРАННАЯ ЕДА В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ПИЩЕВЫХ ПРАКТИК МОРДВЫ И МАРИЙЦЕВ

© 2024 г. Г.Ю. Устьянцев, Т.В. Пискунов

Введение. В настоящее время среди антропологов и этнологов популярно мнение, согласно которому пища – это не только часть материальной культуры, но и феномен, позволяющий исследовать различные проявления идентичности. В связи с этим интересно посмотреть, как трансформируется этническая пища в ресторанной сфере, учитывая новые тенденции в культуре потребления и процесс глобализации. **Цель статьи** – рассмотрение роли заведений общественного питания (ресторанов, кафе, баров) в трансформации культуры питания современных финно-угорских народов Поволжья: мордвы и марийцев. **Материалы и методы.** В основе исследования лежат полевые материалы, собранные в 2023–2024 годах в республиках Марий Эл и Мордовия, а также в г. Москва. Среди методов сбора данных, используемых авторами, интервьюирование местных жителей, включенное наблюдение, проведение анкетирования среди мордовского населения. Исследователи применяют компаративистский подход (сравнение данных, собранных в разных этнографических «полях»), теорию репрезентации. **Результаты исследования, обсуждения.** Репрезентация этнической кухни в пространстве города определяется этнодемографическими процессами, ускорением темпов жизни, развитием локального туризма и этнобрендинга. Традиционные блюда интегрируются в фастфуд и, наоборот, блюда общеизвестных в мире кухонь приобретают этнический колорит. **Заключение.** В условиях глобализации и ускорения темпов жизни наблюдается явное смещение предпочтений потребителей в сторону интернациональной кухни, что отражается в меню ресторанов и кафе. Однако, несмотря на доминирование фастфуда, сохраняется интерес к национальным блюдам, особенно в Роеспублике Марий Эл, где заведения с марийской кухней становятся все более популярными. При этом блюда национальной кухни выступают в качестве инструмента этнобрендинга финно-угорских регионов.

Ключевые слова: антропология питания; мордовская пища; марийская пища; comford-food; ресторанная еда.

Введение

В настоящее время среди антропологов и этнологов популярно мнение, которое характеризирует пищу не только как часть материальной культуры, но и как феномен, позволяющий исследовать различные проявления идентичности [Фаис-Леутская, 2022, с. 179–180]. В связи с ускорением темпов жизни и глобализацией все большую роль стали играть заведения общественного питания и полуфабрикаты. Меняются и вкусы потребителей. В последние десятилетия в связи с нарушением баланса экосистемы в природе возникла настоятельная необходимость обратиться к традиционному питанию в надежде, что оно благотворно скажется на здоровье и продолжительности жизни как отдельных людей, так и объединяющих их этнических общностей [Якунчева, 2004, с. 1–30].

В связи с растущим интересом исследователей к теме пищи, антропология питания является быстро развивающейся дисциплиной, которая может служить инструментом для изучения различных этносоциальных процессов. Например, исследуя системы питания, авторы подспудно рассматривают такие вопросы, как создание политико-экономических ценностей [Mintz, Christine, 2002, с. 101–110], формирование символических ценностей [Munn, 1986, с. 30–91] и конструирование коллективной памяти [Sutton, 2001, с. 14–28]. Пищевые традиции народов являются этнодифференцирующим признаком, позволяющим разграничивать «своих» и «чужих» [Бобрецова, 2001, с. 87], репрезентировать идентичность социальной общности. Философ Р. Барт рассматривал пищу как объект, обладающий семантическим статусом, а не только удовлетворяющим голод. Еда обозначает единство, обеспечивает коммуникацию в рамках группы [2003, с. 298]. С конца XX века в глазах научного сообщества пища становится больше, чем просто еда: она представляет собой кодовую систему, позволяющую посредством коннотативных знаков, или знаков-индексов (за которыми стоят конкретные продукты питания или блюда), раскрыть различные аспекты жизни человека и общности, к которой он принадлежит [Мартынова, Фаис-Леутская, 2020, с. 12]. Философ Г.Д. Гачев сформулировал понятие «гастика», что означает семиотику пищи, подход к системе питания как к знаковой системе, знание о еде и пищевом этикете в контексте коммуникации «народы – окружающий мир» [2008, с. 61–62]. В антропологии комплекс культурологических и этнографических штудий, посвященных еде, часто называют англоязычным термином «food studies».

В отечественной историографии активный интерес к выраженности этнической идентичности через пищевые практики наблюдается во второй половине XX века. Особенности систем питания азиатских народов были проанализированы этнографом С.А. Арутюновым и его коллегами в книге «Этнография питания народов стран зарубежной Азии: опыт сравнительной типологии» [1981]. В 2001 году вышла коллективная монография «Традиционная пища

как выражение этнического самосознания» под редакцией С.А. Арутюнова и Т.А. Ворониной [2001]. В 2020 году коллективом авторов из Института этнологии и антропологии РАН подготовлено исследование, посвященное пищевым традициям народов Европы. Еда как аспект материальной культуры финно-угорских народов Поволжья рассмотрена в работах Т.А. Крюковой «Материальная культура марийцев XIX века» [1956], Т.Л. Молотовой и Г.А. Сепеева «Современная пища и утварь марийцев» [2002]. Система питания мордвы в экологическом, хозяйственном, обрядовом, этнокоммуникативном контекстах рассмотрена в диссертационном исследовании М.Г. Якунчевой [2004].

Цели работы

Авторы ставят целью рассмотреть роль заведений общественного питания (ресторанов, кафе, баров) в трансформации культуры питания современных финно-угорских народов Поволжья: мордвы и марийцев. Нами были поставлены вопросы: как ресторанная пища репрезентует этнические традиции указанных общностей? Какое влияние оказывают фастфуд и стритфуд на национальные кухни в Республике Мордовии и Республике Марий Эл?

Материалы и методы

В основе исследования лежат полевые материалы соавтора Т.В. Пискунова, собранные в 2023–2024 годах в республиках Марий Эл (Горномарийский, Мари-Турекский, Новоторъяльский, Советский, Оршанский районы, город Козьмодемьянск, город Йошкар-Ола) и Мордовия (Кочкуровский и Лямбинский районы, город Саранск), а также в городе Москва (далее – полевые материалы автора, ПМА). Экспедиции осуществлялись исследователем индивидуально или в составе Поволжской этнологической экспедиции исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Среди методов сбора данных, используемых авторами, превалировало интервьюирование местных жителей, включенное наблюдение (посещение заведений общественного питания, дегустация блюд), а также проведение анкетирования среди мордовского населения. Исследователи применяют компаративистский подход (сравнение данных, собранных в разных этнографических «полях»), теорию репрезентации.

Результаты исследования, обсуждения

«Ролл с запеченным угрем – это очень вкусно, пиццу не хочу» [ПМА 2]. Едва ли кого-то удивит эта фраза, доносящаяся за одним из столов кафе города Козьмодемьянска, центра Горномарийского района. Меню этого заведения, действительно, включает множество видов роллов, пиццы и других угощений, привычных для многих российских общественных заведений питания. При этом в меню заведения нет блюд, в которых можно найти широко распространенные в горномарийской системе питания капусту или вишню, а также главное блюдо на праздничном столе – *кыравец* (круглый мясной пирог).

В целом для городов и крупных районных центров Мордовии и Марий Эл наиболее характерны заведения формата comfort-food[1]. Характерной чертой этого формата является наличие в меню наиболее популярных блюд из разных кухонь мира, например, салата «Цезарь», пиццы, роллов «Калифорния» и «Филадельфия», супа том ям, пасты карбонара, гамбургеров и т.д. Кроме названных выше блюд, популярность у потребителей имеют хачапури, хинкали, харчо. Среди наиболее потребляемых национальных кухонь мира в таких общепитах грузинская, итальянская и японская. Свой выбор наши информанты объясняют тем, что вышеназванные блюда схожи на блюда кухонь народов России. Более того, грузинские блюда считаются сытными [ПМА 4].

Однако кроме ресторанов с европейской, азиатскими и американской едой существуют и заведения национальной кухни финно-угорских народов. Помимо национальных блюд их отличительными чертами являются интерьер с использованием этнических узоров, а также названия блюд, двуязычные меню. По нашим наблюдениям, в Республике Марий Эл более популярны блюда национальной кухни, нежели в Мордовии. В Йошкар-Оле можно попробовать марийскую еду в заведениях различного формата и ценового сегмента: столовых, кафе с самообслуживанием, ресторанах и т.д. По словам одного из наших информантов, именно по инициативе местного ресторатора марийские вареники с разнообразными начинками *подкогыльо* стал одним из брендов региона [ПМА 1]. В ресторанах марийской кухни среди прочих блюд наиболее популярны трехслойные блины с крупой – *команмелна*, суп в хлебе, творожные сырники – *туара*.

В столице Мордовии г. Саранске мы посетили один крупный ресторан национальной мордовской кухни. В нем наиболее репрезентативными блюдами можно считать толстые блины – *пачат*, пироги с картофелем – *панжакай*, из напитков – свекольный квас, *поза*. В некоторых кафе и ресторанах, не обозначенных как заведения национальной кухни, есть незначительное число мордовских блюд. Часто в меню мордовских заведений представлена «*медвежья лапа*» – котлета из мясного фарша и печени в панировке. В конце 2023 года в Саранске начал работу новый проект, направленный на популяризацию национальной кухни и создание бренда региона – фудтрак[2] с национальной пищей [ПМА 5].

[1] Термин появился в американской прессе 60-х годов. Исторически, от comfort me with apples из английского перевода «Песни песней» – книги Ветхого завета. В России под этим термином чаще подразумевается «комфортная еда», в то время как в Европе и США «утешительная» от comfort somebody. Под этим термином мы понимает наиболее популярные блюда, предлагаемые во многих заведениях общественного питания.

[2] Фудтрак – фургон, оборудованный для приготовления, хранения и продажи готовой еды.

Заведения общепита пытаются трансформировать и адаптировать национальную кухню под запрос современного потребителя. Так, на Дне Республики Мордовия на ВДНХ в Москве на презентации мордовской кухни, кроме более известных национальных угощений, повара готовили *пачат-бургер* – бургер с пшенными мордовскими блинами вместо булочек. Кроме того, в уже упомянутых фудтраках мордовские блюда были адаптированы под формат стритфуда (уличной еды). Очевиден синтез разных пищевых традиций: американской уличной еды, фастфуда и этнических блюд. По мнению этнолога В.А. Липинской, при расширении межэтнических связей в кулинарии адаптация осуществляется по двух направлениям: 1) биологическому (приспособление к новой экологической обстановке); 2) этническому (вовлечение в «традиционную» систему питания иноэтничных элементов) [2001, с. 38]. Наше поле ярко демонстрирует оба процесса.

Этнический колорит рестораторы стремятся придать и вполне привычным, общеупотребимым блюдам российской кухни. Так, в названиях салатов, мясных блюд, супов встречаются имена мифологических героев, сами названия переводятся на национальные языки. Например, в ресторане марийской кухни салат, напоминающий по составу салат «Цезарь», получил название марийского героя Чоткара. Салат из болгарского перца, листьев салата, сыра, помидоров, огурцов, красного лука, маслин и заправки носит название персонажа народных эпических сказаний Болтуша (Полтыша).

Важно отметить, что отличие во вкусовых предпочтениях среди горожан и жителей сельской местности сохраняется и сейчас. Жители городов более позитивно относятся к фастфуду. Информант из Йошкар-Олы рассказала о том, что после переезда в город в студенческие годы шаурма стала основным источником питания во время обучения в университете [ПМА 1]. Жители же сельской местности, говоря о своей культуре питания, противопоставляют себя горожанам. Они гордятся своей «деревенской натуральной пищей» и считают ресторанную еду менее полезной и вкусной. Информанты из сел и деревень, отвечая на вопрос о том, какие заведения питания они посещают во время поездки в город, чаще всего называют заведения, где подают традиционные блюда, такие как блины, пельмени, щи, борщ. Также они отмечали, что ходили в столовые. При этом заведения, в которых подают блюда европейских и азиатских кухонь, они посещают исключительно в случаях, когда их туда приглашают знакомые или родственники. Таким образом, посещение ресторанов становится актом, символизирующим важность даты и торжественность обстановки. Один из информантов рассказал, что в качестве альтернативы суши-барам и пиццериям сама готовит пиццу и роллы своим детям [ПМА 3].

Другой фактор, определяющий спрос на «национальное» или «традиционное» в культуре питания – это демографические различия в этническом составе между крупными городами и районами с сельским населением

в республиках Поволжья. По данным Росстата, в Республике Марий Эл 107 729 из 246 560 марийцев живут в городской местности, в то время как среди русских 265 306 из 322 932 человек [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 1]. В Мордовии число горожан 291 296 из 406 061 русских и 149 667 из 290 750 мордвы (группы мокша, эрзя, шокша) [Всероссийская, 2020, Т. 5, табл. 1]. Таким образом, низкий спрос на заведения общепита мордовской и марийской кухонь объясняется тем, что носители культуры финно-угорских народов не являются основными потребителями городских ресторанов и кафе. Города считаются более полиэтническими пространствами, чем сельская местность. В них проживают, помимо марийцев и мордвы, русские, мигранты из Средней Азии, представители народов Северного Кавказа, студенты из Индии и др.

Города являются сосредоточением туристов из России и друг стран. Для них рестораны национальной кухни формируют культурный ландшафт региона, создают представление об этнических традициях. В таких общепитах часто присутствуют приезжие гости из других городов, командированные специалисты, туристические группы. В данном контексте пища выступает в роли инструмента этнобрендинга, создает положительный имидж региона. Создавая из блюд этнические или региональные символы, авторы могут идти в разрез с данными этнографии, создавать новые гастрономические образы [Фаис-Леутская, Новик, 2022, с. 186].

Заключение. Исследование заведений общественного питания в условиях трансформации пищевой культуры мордвы и марийцев обозначает проблему сложной взаимосвязи между традиционными и современными гастрономическими практиками. В условиях глобализации и ускорения темпов жизни наблюдается явное смещение предпочтений потребителей в сторону интернациональной кухни, что отражается в меню ресторанов и кафе. Однако, несмотря на доминирование фастфуда и comfort-food, сохраняется интерес к национальным блюдам, особенно в Республике Марий Эл, где заведения с марийской кухней становятся все более популярными. Появление новых инициатив, таких, как фудтраки с национальной пищей в Мордовии, свидетельствует о стремлении сохранить и развивать культурную идентичность через гастрономию. При этом блюда национальной кухни выступают в качестве инструмента этнобрендинга финно-угорских регионов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Бобрецова А.В. Некоторые особенности питания старообрядческого населения Нижней Печоры (устьцилемов) в XX веке // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 87–98.

Всероссийская перепись населения 2020 г. Том 5, табл. 1. Население по родному языку. https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom1_Chislennost_i_razmeshchenie_naseleniya (дата обращения 15.09.2023).

Гачев Г.Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо; Алгоритм, 2003. 541 с.

Крюкова Т.А. Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1956. 160 с.

Липинская В.А. Адаптивно-адаптационные вопросы в народной культуре русских // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001. С. 18–40.

Мартынова М.Ю., Фаис-Леутская О.Д. Культура питания как объект антропологического исследования // Вкус Европы. Антропологическое исследование культуры питания: коллективная монография / отв. ред. М.Ю. Мартынова, О.Д. Фаис-Леутская. М.: Кучково поле, Музеон, 2020. С. 10–28.

Молотова Т.Л., Сепеев Г.А. Современная пища и утварь марийцев // Современная этническая культура финно-угров Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. С. 64–102.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола. 2024.

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Республика Марий Эл, г. Козьмодемьянск. 2024.

ПМА 3 – Полевые материалы автора. Республика Мордовия, Кочкуровский район, д. Подлесная Тавла. 2023.

ПМА 4 – Полевые материалы автора. Республика Мордовия, Лямбирский район, д. Берсеневка. 2023.

ПМА 5 – Полевые материалы автора. Республика Мордовия, г. Саранск. 2023.

Традиционная пища как выражение этнического самосознания / отв. ред. С.А. Арутюнов, Т.А. Воронина. М.: Наука, 2001. 293 с.

Фаис-Леутская О.Д., Новик А.А. Антропология питания как мета и мегадисциплина: алиментарные практики, глобальные вызовы и конструирование имиджа // Антропологический форум. 2022. № 53. С. 175–194.

Этнография питания народов стран зарубежной Азии. Опыт сравнительной типологии / отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 1981. 256 с.

Якунчева М.Г. Система и этикет питания мордвы конца XIX – начала XX века: дис. ... канд. ист. наук. Саранск. 2004. 215 с.

Mintz Sidney W., Christine M. Du Bois. The Anthropology of Food and Eating // Annual Review of Anthropology, vol. 31, 2002, pp. 99–119.

Munn N.D. The Fame of Gawa: a Symbolic Study of Value Transformation in a Massim (Papua New Guinea) Society. Cambridge, UK: Cambridge Univ. 1986. 331 p.

Sutton D. Remembrance of Repasts: an Anthropology of Food and Memory. Oxford: Berg. 2001. 211 p.

German Ustyantsev, Timofey Piskunov

RESTAURANT FOOD IN THE CONTEXT OF TRANSFORMATION FOOD PRACTICES OF THE MORDVINS AND THE MARI PEOPLE

Introduction. Nowadays there is a popular opinion among anthropologists and ethnologists, according to which food is not only a part of material culture, but it is also as a phenomenon, that allows us to explore various manifestations of identity. In this regard, it is interesting to see how ethnic food is being transformed in the restaurant sector, taking into account new trends in consumer culture and the

process of globalization. **The purpose of the work.** The authors aim to consider the role of public catering establishments (restaurants, cafes, bars) in the transformation of the food culture of the modern Finno-Ugric peoples in the Volga region: the Mordvins and the Mari. **Materials and methods.** The research is based on the field materials, collected in 2023-2024 in the republics of Mari El and Mordovia, as well as in Moscow. Among the data collection methods used by the authors are interviewing local residents, participant observation and the surveys of the Mordovian population. Researchers apply a comparative approach (comparing data collected in different ethnographic "fields"), the theory of representation. **Research results and discussion.** The representation of ethnic cuisine in the city space is determined by ethno-demographic processes, the acceleration of the pace of life, the development of local tourism and ethno-branding. Traditional dishes are integrated into fast-food and, conversely, dishes of well-known cuisines in the world acquire an ethnic flavor. **Conclusion.** In the context of globalization and the acceleration of the pace of life, there is a clear shift in consumer preferences towards international cuisine, which has reflected in the menus of restaurants and cafes. However, despite the dominance of fast food and comfort food, there is still interest in national dishes, especially in the Republic of Mari El, where establishments with Mari cuisine are becoming more and more popular. At the same time, national cuisine dishes act as an ethno-branding tool for Finno-Ugric regions.

Keywords: anthropology of nutrition; Mordovian food; Mari food; comfort food; restaurant food.

REFERENCES

Bart R. Sistema Mody. Stat'i po semiotike kul'tury [The Fashion System. Articles on the Semiotics of Culture]. Moscow, Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh, 2003, 512 p. (In Russian).

Bobrecova A.V. Nekotorye osobennosti pitanija staroobrjadcheskogo naselenija Nizhnej Pechory (ust'cilemov) v XX veke [Some features of the nutrition of the Old Believers of the Lower Pechora (Ust-tsilem) population in the twentieth century]. *Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija.* Moscow, Nauka, pp. 87-98. (In Russian).

Vserossijskaja perepis' naselenija 2020–2021 godov [The All-Russian Population Census of 2020-2021]. (In Russian).

Gachev G.D. Mental'nosti narodov mira [The Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow, Eksmo, Algoritm, 2003, 541 p. (In Russian).

Krjukova T.A. Material'naja kul'tura marijcev XIX veka [The Material Culture of the Mari People of the XIX century]. Yoshkar-Ola, Marijskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1956, 160 p. (In Russian).

Lipinskaja V.A. Adaptivno-adaptacionnye voprosy v narodnoj kul'ture russkih [Adaptive issues in Russian folk culture]. *Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija.* Moscow, Nauka, pp. 18-40. (In Russian).

Martynova M.Ju., Fais-Leutskaja O.D. Kul'tura pitanija kak ob''ekt antropologicheskogo issledovanija [Food culture as an object of anthropological research]. *Vkus Evropy. Antropologicheskoe issledovanie kul'tury pitanija.* Ed. M.Ju. Martynova, O.D. Fais-Leutskaja. Moscow, Kuchkovo pole, Muzeon, 2020, pp. 10-28. (In Russian).

Molotova T.L., Sepeev G.A. Sovremennaja pishha i utvar' marijcev [Modern food and utensils of the Mari people]. *Sovremennaja etnicheskaja kul'tura finno-ugrov Povolzh'ja i Priural'ja.* Yoshkar-Ola, Marijskij nauchno-issledovatel'skij institut, 2002, pp. 64-102. (In Russian).

Polevye materialy avtora. Respublika Marij El, gorod Yoskar-Ola [Author's field materials. The Republic of Mari El, Yoshkar-Ola]. 2024. (In Russian).

Polevye materialy avtora. Respublika Marij El, gorod Koz'modem'jansk [Author's field materials. The Republic of Mari El, Koz'modem'jansk]. 2024. (In Russian).

Polevye materialy avtora. Respublika Mordovija, Kochkurovskij rajon, derevnja Podlesnaja Tavla [Author's field materials. The Republic of Mordovia, Kochkurovskiy district, the village of Podlesnaya Tavla]. 2023. (In Russian).

Polevye materialy avtora. Respublika Mordovija, Ljambirskij raion, derevnja Bersenevka [Author's field materials. The Republic of Mordovia, Lyambirskiy district, the village of Bersenevka]. 2023. (In Russian).

Polevye materialy avtora. Respublika Mordovija, gorod Saransk [Author's field materials. The Republic of Mordovia, Saransk]. 2023. (In Russian).

Tradicionnaja pishha kak vyrazhenie etnicheskogo samosoznanija [Traditional Food as an Expression of Ethnic Identity]. Ed. S.A. Arutjunov, T.A. Voronina. Moscow, Nauka, 2001, 293 p. (In Russian).

Fais-Leutskaja O.D., Novik A.A. Antropologija pitanija kak meta i megadisciplina: alimentarnye praktiki, global'nye vyzovy i konstruirovanie imidzha [Anthropology of nutrition as a meta and mega-discipline: alimentary practices, global challenges and image construction]. *Antropologicheskij forum,* 2022, no. 53, pp. 175-194. (In Russian).

Etnografija pitanija narodov stran zarubezhnoj Azii: Opyt sravnitel'noj tipologii [Ethnography of Nutrition of the Peoples of Foreign Asian Countries: The Experience of Comparative Typology]. Ed. S.A. Arutjunov. Moscow, Nauka, 1981, 256 p. (In Russian).

Jakuncheva M.G. Sistema i etiket pitanija mordvy konca XIX – nachala XX veka [The system and etiquette of Mordovian nutrition at the end of the XIX – beginning of the XX century]. Ph. D. thesis. Saransk, 2004, 215 p. (In Russian).

Mintz Sidney W., Christine M. Du Bois. The Anthropology of Food and Eating. *Annual Review of Anthropology,* 2002, vol. 31, pp. 99-119. (In English).

Munn N.D. The Fame of Gawa: a Symbolic Study of Value Transformation in a Massim (Papua New Guinea) Society. Cambridge, UK, Cambridge Univ, 1986, 331 p. (In English).

Sutton D. Remembrance of Repasts: an Anthropology of Food and Memory. Oxford, Berg, 2001, 211 p. (In English).

Устьянцев Герман Юрьевич
кандидат исторических наук,
научный сотрудник ИЭА
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
ассистент кафедры этнологии
исторического факультета МГУ
им. М.В. Ломоносова
г. Москва
e-mail: ustyan-93@mail.ru

Пискунов Тимофей Владиславович
студент исторического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
e-mail: tpiskunov22@gmail.com

German Ustyantsev
Candidate of Historical Sciences,
Researcher of the Institute of Ethnology
and Anthropology RAS,
assistant lecturer of the Ethnology Chair
of the Faculty of History
of Lomonosov Moscow State University,
Moscow
e-mail: ustyan-93@mail.ru

Timofey Piskunov
Student of the Faculty of History of
Lomonosov Moscow State University
Moscow
e-mail: tpiskunov22@gmail.com

ПЕРСОНАЛИИ

УДК 78.03

К ЮБИЛЕЮ В.И. ЯКОВЛЕВА

© 2024 г. Т.Л. Молотова, Р.А. Бушков

4 мая Валерию Ивановичу Яковлеву исполнилось 80 лет. В.И. Яковлев – известный советский и российский этнолог, историк, этноинструментовед, исследователь традиционной инструментальной культуры народов Поволжья и Приуралья, доктор исторических наук, профессор кафедры баяна и аккордеона Казанской государственной консерватории имени Н.Г. Жиганова, заведующий кафедрой теории и истории исполнительского искусства, музыкальной педагогики (2007–2022), профессор Казанского федерального (Приволжского) университета (2010–2019), Казанского государственного института культуры и искусств (2007–2015), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2016), заслуженный деятель искусств Республики Татарстан (2000), член-корреспондент (2005) и действительный член Петровской академии наук и искусств (ПАНИ) (2010).

Родился Валерий Иванович в Уфе в семье служащих. Отец, Яковлев Иван Павлович (1914–1978), был инженером. Мать, Яковлева Мария Марковна (1920–1987), – учителем. В 1964–1969 годах он учился в Казанской государственной консерватории им. Н.Г. Жиганова по классу баяна (класс В.П. Плетнева) и дирижирования (класс А.Г. Пирогова, С.М. Хабибуллина). В 1968 году начал работать в Казанской госконсерватории. Прошел ассистентуру-стажировку – исполнительскую аспирантуру (1970–1973) Российской

академии музыки им. Гнесиных по классу баяна (профессор С.М. Колобков) и дирижирования (профессор С.З. Трубачев). С 1983 по 1986 год учился в аспирантуре Казанского государственного университета по специальности этнология (научный руководитель – профессор Е.П. Бусыгин, консультант – доцент Н.В. Зорин). В 1968–1985 годах концертировал в качестве баяниста-исполнителя и дирижера оркестра народных инструментов в городах Татарстана и Поволжья. С 1975 года ежегодно выезжал в музыкально-этнографические экспедиции в Поволжье. В 1987 году в Институте искусствознания этнографии и фольклора АН БССР в Минске защитил кандидатскую диссертацию «Традиционные музыкальные инструменты народов Среднего Поволжья (конец XIX – начало XX в.)». С 1992 года – доцент, с 2005 – профессор кафедры народных инструментов и кафедры этномузыкологии Казанской госконсерватории. С 2007 года – заведующий кафедрой теории и истории исполнительского искусства, музыкальной педагогики.

В 2000 году В.И. Яковлев окончил докторантуру Казанского университета по специальности этнография (научный руководитель – профессор Е.П. Бусыгин). В 2001 году в МГУ он защитил докторскую диссертацию «Традиционные музыкальные инструменты народов Волго-Уралья: формирование, развитие, функционирование (историко-этнографическое исследование)». Основная сфера научных интересов Валерия Ивановича – история и проблемы возрождения традиционных музыкальных культур татар, чувашей, башкир, марийцев, удмуртов, мордвы, народов коми, русских Волго-Уральского региона. В докторской диссертации «Традиционные музыкальные инструменты народов Волго-Уралья: формирование, развитие, функционирование (историко-этнографическое исследование)» (2001) и в монографии, изданной на ее основе, декларируется зарождение нового научного направления – исторического этноинструментоведения, рассматриваются этнические особенности традиционных музыкальных инструментов народов Волго-Уральского региона. На базе археологических (начиная с эпохи неолита) и письменных источников автор систематизирует (классифицирует и типологизирует) музыкальные инструменты региона, разделяя их на четыре основные группы – духовые (аэрофоны), струнные (хордофоны), мембранные (мембранофоны) и самозвучащие (идиофоны) инструменты. Изучая особенности функционирования музыкальных инструментов, исследователь анализирует музыку в календарных праздниках, зимних, весенних и летне-осенних обычаях и обрядах, рассматривает их функции в семейном быту, в инструментальном сопровождении свадьбы, в обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка, в похоронно-поминальных обрядах, в инструментальном сопровождении проводов в армию. Хронологическими рамками работы является период конца XIX – начала XX столетий.

У Валерия Ивановича замечательный жизненный путь, по которому он идет к достижению заветной цели благодаря своему трудолюбию, творческой инициативе, поиску неординарного решения сложных задач, незаурядным организаторским способностям и умению сплотить вокруг себя единомышленников.

Яковлев В.И. – видный ученый, успешный руководитель, чье имя известно не только в Татарстане, но далеко за ее пределами по всей России. Он пользуется заслуженным авторитетом и уважением. Его вклад в этнологию и этноинструментоведение бесценен.

Валерий Иванович является автором шести монографий, а также более 200 научных работ. Ряд статей посвящен формированию и особенностям развития казанской этнографической школы, в том числе ее ярким представителям – Н.И. Воробьеву, Е.П. Бусыгину, Н.В. Зорину.

Яковлев В.И. – организатор ежегодных всероссийских научно-практических конференций «Бусыгинские чтения», «Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства»; а также выставок музыкальных инструментов в Национальном музее Татарстана, он – автор научной концепции «Музея музыкальной культуры Республики Татарстан»; талантливый популяризатор народной музыки; автор и ведущий телепередач «На чем мы играем», «Какая прелесть, эти балалайки», «Играют студенты факультета народных инструментов Казанской консерватории».

За годы педагогической деятельности В.И. Яковлев подготовил плеяду талантливых музыкантов, многие из которых являются лауреатами международных и российских конкурсов. Он – автор ряда учебных и учебно-методических пособий для высших музыкальных учебных заведений. Валерий Иванович активно участвует в работе ученых советов по защите кандидатских и докторских диссертаций.

Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева поздравляет Валерия Ивановича Яковлева со славным 80-летним юбилеем! Вместе с сердечными поздравлениями и самыми добрыми пожеланиями выражаем Вам искреннюю признательность за многолетний добросовестный труд, значительный вклад в развитие науки и культуры России. Валерий Иванович, от всей души желаем Вам неиссякаемой творческой энергии, новых научных открытий, любви и уважения учеников и коллег, родных и близких.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

К вопросу изучения музыкальных инструментов народов Среднего Поволжья // Народная и профессиональная музыка Поволжья и Приуралья. М.: Изд. ГМПИ им. Гнесиных, 1981. С. 57–64.

Волынка у поволжских народов // Музыкальный фольклор и творчество композиторов Поволжья. М.: Изд-во ГМПИ им. Гнесиных, 1984. С. 75–83.

К вопросу изучения марийских народных инструментов (К проблеме типологии инструментария) // Традиционное и современное в музыке народов Поволжья и Приуралья. Йошкар-Ола, 1985. С. 30–31.

Гусли у поволжских народов // Советская этнография. 1985. № 2. С. 109–116. (Соавт. Е.П. Бусыгин).

Музыкальные инструменты народов Поволжья и их роль в пропаганде современной музыкальной культуры // Фольклор: проблемы сохранения, изучения и пропаганды. М., 1988. Ч. II. С. 339–390.

Традиционные музыкальные инструменты народов Среднего Поволжья. Казань, 1991. 116 с.

Анатолий Васильевич Тихонов и казанская народно-инструментальная оркестровая школа // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 4, 2023. С. 8–13.

Гусли татар Волго-Уральского региона // Материалы Респ. науч.-практ. конф. «Татарские народные музыкальные инструменты. Традиции и современность». Казань, 1999. С. 43–48.

Традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья. Историко-этнографическое исследование. Казань: КГИ, 2001. 320 с.

Евгений Прокопьевич Бусыгин. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. 38 с.

Традиционные музыкальные инструменты. Историческое этноинструментоведение: учебное пособие. Казань, 2004. 80 с.

Казанские выставки музыкальных инструментов: некоторые особенности формирования и экспонирования // Современный музей как важный ресурс развития города и региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 1000-летию Казани и 110-летию Национального музея Республики Татарстан. Казань, 2005. С. 268–273.

Музыкальные инструменты Национального музея Республики Татарстан. Казань: Заман, 2007. 191 с.

Методика обучения игре на баяне (аккордеоне): учеб. пособие. Казань: КГИ, 2014. 64 с.

Этноинструментоведение. Методология изучения традиционных народных музыкальных инструментов (на материале Волго-Уралья): учебно-методическое пособие для студентов высших музыкальных учебных заведений. Казань: Казанская гос. консерватория, 2015. 74, [1] с.

Этнография народов Волго-Уралья: учебно-методическое пособие для студентов высших учебных заведений. Казань: КГК им. Н.Г. Жиганова, 2015. 59, [1] с.

«Антропологический поворот» в этноинструментоведческой историографии // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 4. С. 89–94. (Соавт. З.Н. Сайдашева).

Великая Победа в судьбе профессора Бусыгина // Казань, № 11, 2020. С. 21–26.

Казанская этнографическая школа: антропология музыкально-исторической памяти. К постановке проблемы // Бусыгинские чтения. Выпуск 13. Казанская этнографическая школа: память истории и антропологические повороты. Материалы Междунар. науч.-практ. конф. 11 дек. 2020 года. Казань: Изд-во «Грумант», 2020. С. 3–13.

«Музыка в пространстве истории – история в пространстве музыки»: музейный проект Национального музея Республики Татарстан // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. Казань: Изд-во КазГИК, 2020. № 4. С. 31–34.

Музыкально-исполнительская деятельность профессора Е.П. Бусыгина в годы Великой Отечественной войны // Из педагогического опыта Казанской консерватории: прошлое и настоящее / сост. Д.Ф. Хайрутдинова. Казань: Казан. государственная консерватория, 2021. С. 108–115.

Казанская этнографическая школа: традиционные музыкальные инструменты Волго-Уралья во времени и пространстве. Историографический аспект // XIV конгресс антропологов и этнологов России. Томск, 6–9 июля 2021. Сб. материалов. Москва-Томск, 2021. С. 143.

Н.В. Никольский – исследователь традиционных музыкальных инструментов Волго- Уралья. Историографический контекст // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сб. материалов III Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 29 сент. 2023 г.). Чебоксары: Среда, 2023. С. 37–43.

Звуковое пространство Татарстана. Взаимодействие культур // Славянская традиционная культура и современный мир: фольклор в современном обществе: коллективная монография / Добровольская В.Е. (отв. ред.), Черных А.В. (отв. ред.). Казань: ООО «Фолиант», 2023. С. 136–142.

Казанская консерватория во взаимодействии с музыкальными вузами России: из истории вопроса // Актуальные проблемы музыкально-исполнительского искусства: История и современность. Вып. 16: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Казань, 6–7 апр. 2023 г. / ред.-сост.: Н.Г. Агдеева, А.А. Сокольская; Казан. гос. консерватория. Казань, 2023. С. 299–306.

Бушков Руслан Аркадьевич,
кандидат исторических наук,
доцент Казанского
федерального университета,
Казань
e-mail: buruar57@mail.ru

Молотова Тамара Лаврентьевна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: tlmolotova@mail.ru

Ruslan Bushkov
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of Kazan
Federal University,
Kazan
e-mail: buruar57@mail.ru

Tamara Molotova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Mari Research Institute
of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola
e-mail: tlmolotova@mail.ru

УДК 821.511.151.0

«В СЛОВЕ ПОЗНАЕТСЯ МУДРОСТЬ…»
(к юбилею Н.А. Федосеевой)

© 2024 г. М.В. Пенькова

16 февраля 2024 года отметила свой юбилей деятель науки, ученый-литературовед, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник направления «Литературоведение и фольклористика» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ), член Союза писателей России Надежда Александровна Федосеева. В финно-угорской научной среде она известна как опытный специалист, занимающийся изучением теоретических вопросов современного литературоведения, финно-угорской и марийской литературы. Посвятив свою жизнь науке, почти четверть века ученый трудится на литературном поприще, неустанно исследуя многогранные просторы словесного художественного творчества.

Надежда Александровна родилась 16 февраля 1974 года в д. Цыганово (горномар. Цигäнсола) Горномарийского района Марийской АССР. В 1980–1989 годах училась в Вершино-Сумской восьмилетней школе, затем продолжила учебу в Пайгусовской средней школе, по окончании которой в 1991 году поступила на отделение марийской филологии историко-филологического факультета Марийского государственного университета. После завершения учебы в 1996 году получила квалификацию «Филолог. Преподаватель марийского языка и литературы, русского языка и литературы».

Истоки научной стези исследователя берут свое начало со времени ее обучения в 1996–1999 годах в аспирантуре Марийского государственного

университета по специальности 10.01.02. – Литература народов Российской Федерации.

16 июня 2000 года Н.А. Федосеева на заседании Диссертационного совета при Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова успешно защитила диссертацию «Жанровое многообразие марийской исторической прозы 1970–1990 годов», представленную на соискание кандидата филологических наук. Руководителем аспирантки был известный марийский ученый-литературовед, кандидат филологических наук, доцент Н.И. Куторов. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук А.Е. Китиков и кандидат филологических наук И.С. Иванов.

В диссертационном исследовании Надеждой Александровной рассмотрены основные особенности жанрово-стилевого развития марийской исторической прозы, представлены жанровое своеобразие современной марийской хроникальной прозы и стилевые доминанты марийской мемуарной словесности, а также проанализирована сюжетно-композиционная структура произведений, изучены особенности образной системы, установлены основные вехи развития художественного историзма в марийской литературе.

Полновесная дорога в науке начинается у исследователя с сентября 2000 года, когда Надежда Александровна была принята в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории на должность старшего научного сотрудника отдела литературы.

Первым крупным научным трудом исследователя стала монография «Сӹлнӹшая шӹдӹрвлӓ: кырык мары писательвлӓн творческий портретӹштӹ» («Мастера художественного слова: творческие портреты горномарийских писателей», 2015). Данная книга является результатом многолетних исследований автора в области изучения творческого пути горномарийских писателей, начиная от классика-первопроходца, основоположника горномарийской литературы, автора первого марийского романа «Вурс мардеж» («Стальной ветер») (1930), сатирического романа «Савик» (1933) Никона Васильевича Игнатьева, а также писателей созидательного советского периода, вложивших значительный вклад в развитие авторского словесного мастерства, и заканчивая современными авторами, углубленными в картины изображения и попыток решения насущных проблем сегодняшних дней.

В 2015 году книга стала лауреатом премии Программы родственных народов (Эстония) в номинации научных исследований на уральских языках. Она также была представлена на VII Республиканском конкурсе «Идалыкысе эн сай книга – 2016» («Книга года Марий Эл – 2016») в номинации «Лучшая книга о замечательных людях Марий Эл».

Отдельного внимания требует фундаментальное научное издание литературоведа – монография «Истоки формирования художественной словесности народа мари» (2017). В истории современного марийского литературоведения

данная книга является первым исследованием, посвященным выявлению особенностей формирования дореволюционной марийской литературы – памятников книжной словесности, преимущественно первых публикаций образцов фольклорных произведений, а также букварей, учебников, учебных пособий и первых попыток авторского литературного творчества в русле христианизации марийцев и других народов.

Выступив рецензентом издания, один из ведущих ученых-литературоведов Республики Марий Эл, доктор филологических наук, профессор И.П. Карпов подчеркнул: «Федосеева Н.А. впервые в марийском литературоведении с такой полнотой пишет о переводной духовной литературе на марийском языке» [2019, с. 192]. Коллегой из Республики Удмуртии, кандидатом филологических наук Л.М. Ившиным отмечена ценность глубины исследования и анализ материала – житийной литературы, поучений и проповедей, катехизисов, бесед, букварной (учебной) литературы на марийском языке, способствующих развитию повествовательной речи [2019, с. 540].

На XIII Открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу», проводимом Издательским советом Русской Православной Церкви и Выставочным объединением «РЕСТЭК» при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям и Российского книжного союза монография была отмечена дипломом III степени в номинации «Лучшее справочное и краеведческое издание». Также данное исследование было представлено на VIII Республиканском конкурсе «Идалыкысе эн сай книга – 2018» («Книга года Марий Эл – 2018») в номинации «Лучшее научное издание».

В 2020 году вышло в свет подготовленное Н.А. Федосеевой методическое пособие «Никон Игнатьев школышты» («Никон Игнатьев в школе»), которое стало востребованным практическим материалом для учреждений образования. В издание включены биографическая и творческая хронология об авторе, статьи и исследования о Никоне Васильевиче, оценка критиков, вопросы по прототипам, темы для сочинений и т.д. Ценным дополнением к пособию стала также библиография по творчеству писателя.

Н.А. Федосеева активно сотрудничает с Марийским государственным университетом. Преподавательская деятельность ученого в стенах альма-матер началась с открытия в 1995 году русско-горномарийского отделения. Исследователь вела практические занятия по курсу «История марийской литературы», также в число обучаемых Надеждой Александровной дисциплин входили спецкурсы «Актуальные проблемы современной горномарийской литературы», «Литература финно-угорских народов», «Актуальные вопросы теории и методики обучения марийской литературе», «Анализ художественного произведения», «Литература народов Поволжья и Приуралья», «Детская литература с практикумом выразительного чтения на марийском и русском языках». Ученый неоднократно входила в состав Государственной аттестационной комиссии

Марийского государственного университета по выпускным квалификационным работам, пишет рецензии на выпускные квалификационные работы студентов.

В числе научно-исследовательской деятельности Н.А. Федосеева участвовала в написании коллективных трудов «Энциклопедия Республики Марий Эл» (Йошкар-Ола, 2009); «Национальные литературы республик Поволжья (1980–2010)» (Барнаул, 2012); «Марийцы» (Йошкар-Ола, 2013), «История марийского края в лицах» (Йошкар-Ола, 2012; 2015; 2017); «Габдулла Тукай. Энциклопедия» (Казань, 2016)»; учебного пособия «Литература финно-угорских народов России» (Москва, 2022).

Кроме того, она принимала активное участие в написании грантов. Была автором и руководителем проектов Российского гуманитарного научного фонда Регионального конкурса «Волжские земли в истории и культуре России»: «“Марла календарь” («Марийский календарь») и истоки национальной литературы марийского народа (сто лет со дня издания)» (2007, № 07 – 04 – 24401 а/В)»; «Литературное наследие Гавриила Яковлева» (2008, № 08 – 04 – 24401 а/В»); «Просветители-литераторы Марийского края (1800–1860-е гг.)» (2009, № 09 – 04 – 24401 а/В»); «Выпускники Казанской инородческой учительской семинарии и их просветительская деятельность в Марийском крае» (2011–2012; № 11-14-12001 а(р)); «Вятские просветители марийского народа середины XIX–начала XX веков» (2013–2014, № 13-14-12001 а(р)); Российского фонда фундаментальных исследований: «Переводы Евангелий на марийский язык XIX–начала XX веков: обзор, структурно-тематические и лексические особенности» (2018–2019, № 18-412-120006); Международного открытого грантового конкурса «Православная инициатива»: «Йымылан ӹнянӹмäш гишäн тетявлäлäн шамак («Детям о вере»)» (2018, № 12-000624).

Сегодня в поле зрения ученого – марийская проза советского периода, марийский литературный процесс первой половины XX века, вопросы литературной хроники Марийского края.

Вся трудовая деятельность Надежды Александровны является примером служения не только классической фундаментальной науке, результаты которой имеют огромное значение в культурном развитии республики. Профессиональная научная служба исследователя проявляется и в полевой практике. В частности, совместные экспедиции Музея истории Православия, МарНИИЯЛИ и Комиссии по канонизации святых Йошкар-Олинской епархии, состоявшиеся в августе 2019 и сентябре 2021 годов в Горномарийском районе Республики Марий Эл, вызвали значительный общественно-культурный отклик. В ходе полевых исследований был зафиксирован уникальный материал, связанный с историей православия в Марийском крае: записаны воспоминания о священно- и церковнослужителях и монашествующих, истории о непростом периоде гонений на церковь и о судьбах людей, несломленных духом и сохранивших православную веру.

Проявляя себя пытливым исследователем, Н.А. Федосеева активно публикуется в зарубежных, всероссийских и республиканских научных журналах по актуальным проблемам финно-угорской и марийской литературы, в рамках популяризации гуманитарной науки ученый поддерживает творческую связь с местными периодическими изданиями, радио, телевидением, Союзом писателей Республики Марий Эл.

Ею написано большое количество отзывов на авторефераты, рецензии на книги, учебные пособия и т.д. Она регулярно участвует в работе международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, принимает активное участие в организации научных форумов.

С 2013 года по настоящее время является членом оргкомитета по проведению ежегодной научно-практической конференции «Игнатьевские чтения», а также составителем и редактором сборника материалов данной конференции.

За активные годы трудовой деятельности Надежда Александровна проявляет разностороннюю общественную деятельность, выраженную в работе различных научных и культурно-общественных организаций – комиссии по государственным языкам Республики Марий Эл при Правительстве Республики Марий Эл; экспертной группы по направлению «организация и проведение экспертизы рукописей учебно-методических комплектов (отдельных его элементов), обеспечивающих учет региональных и этнокультурных особенностей Республики Марий Эл»; научно-методического совета Министерства образования и науки Республики Марий Эл; редакционного совета по развитию марийской литературы и марийского литературного языка; правления общественной организации «Общество духовно-нравственного развития жителей Республики Марий Эл»; редколлегии научного журнала «Финно-угроведение» и республиканского литературно-художественного и общественно-политического журнала «У сем». Она неоднократно выступала членом жюри республиканского конкурса «Идалыкысе эн сай книга» («Книга года Марий Эл») (2012, 2014, 2016, 2018, 2020).

Также Н.А. Федосеева активно сотрудничает с Йошкар-Олинским Епархиальным управлением Русской Православной Церкви, являясь членом переводческой комиссии. Она принимает участие в переложении текстов Священного Писания и православной литературы на марийский язык.

Кроме того, Надежда Федосеева попробовала свои силы в переводе художественной литературы. Ею переведены произведения не только региональных писателей, но и представителей мировой словесности, как Г. Пирогова, Л. Кэрролла, Е. Загребина, Е. Айпина, В. Астафьева. Её переводы отличаются высокой выразительностью и глубоким пониманием оригинала, что позволяет читателям почувствовать атмосферу и стиль каждого произведения и внося тем самым свой вклад в культурный обмен и развитие литературного искусства.

Заслуги Н.А. Федосеевой в научной, общественной, преподавательской деятельности отмечены Благодарностью Президента Республики Марий Эл (2010), почетными грамотами Правительства Республики Марий Эл (2023), Министерства образования и науки Республики Марий Эл (2008, 2014), Государственного Собрания Республики Марий Эл (2010), Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл (2018), Союза писателей России за большой личный вклад в развитие многонациональной литературы Российской Федерации (2024), памятной медалью «Служение народу. 125 лет Сергею Чавайну» (2013), Патриаршим знаком «700-летие Преподобного Сергия Радонежского» 92014), юбилейной медалью Русской Православной Церкви «50 лет автономии Японской Православной Церкви. 1970–2020» (2020).

Уважаемая Надежда Александровна, от имени коллектива Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева желаем Вам неиссякаемой энергии, оптимизма и бодрости, дальнейших высоких достижений на научном поприще, успешного претворения в жизнь всех Ваших замыслов. Крепкого здоровья, счастья, благополучия, гармонии, мира, добра Вам и Вашим близким.

Шотеш пиштӹмӹ Надежда Александровна! Цаткыды шулыкан, кужы курыман, цӓшӓн лидӓ. Пӓшӓдӓ соок ашныжы, кымылда нигынамат ӹнжӹ валы, шӱмдӓ ӹвӹртӹжӹ дӓ шокшын шижӹ, соты ышда эче шукы у шанымашым шачыктыжы дӓ ӹлӹмӓшӹшкӹ пыртыжы.

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ Н.А. ФЕДОСЕЕВОЙ

«Акрам» да кызытсе марий прозо («Акрам» и современная марийская проза) // Ончыко. 1997. № 11. С. 152–157.

Художественный мир горномарийского романа в стихах // Игнатьевские чтения: материалы докладов и выступлений на республиканских научных конференциях 2002–2003 годов. Йошкар-Ола, 2003. С. 196–199.

Лагерная тема в марийской мемуарной прозе (1970–1990 гг) // Финно-угроведение. 2003. № 2. С. 79–89.

О проблемах перевода православных терминов на марийский язык // Актуальные проблемы современной марийской терминологии. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2005. С. 61–64.

История горномарийской литературы второй половины XX века // Марийский археографический вестник. Йошкар-Ола, 2007. № 17. С. 88–109.

Религиозные мотивы в творчестве горномарийских писателей // К истории межконфессионального согласия: Материалы Респ. науч.-практ. конф. «Межконфессиональное согласие как фактор общественной модернизации». Йошкар-Ола, 2007. С. 104–112.

Фольклор и литературные произведения в «Марла календаре» (в соавт. с М.В. Пеньковой) // Финно-угроведение. 2007. № 2. С. 59–73.

Просветительская деятельность духовенства Марийского края по переводу литературы на черемисский язык // Актуальные проблемы изучения и преподавания

литературы в вузе и школе: материалы VII научно-практический конференции. Йошкар-Ола, 2008. С. 218–221.

Просветитель марийского народа Г. Яковлев и его творческая деятельность // Финно-угроведение. 2008. № 2. С. 70–76.

Ведомость о Пайгусовском приходе Козьмодемьянского уезда 1868 года // Марийский археографический вестник. 2010. № 20. С. 177–184.

О просветительской деятельности игумена Анастасия (А.И. Кидалашева) // Финно-угроведение. 2011. № 1. С. 51–57.

Русская лирика в переводах на марийский язык // Актуальные проблемы и перспективы развития русско-язычной литературы в контексте национальных литератур: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной 75-летию со дня рождения Рустема Кутуя (Казань, 9 ноября 2011 г.). Казань, 2011. С. 107–112.

Марийское литературоведение второй половины XX – начала XXI веков // Развитие гуманитарных исследований в Республике Марий Эл. Йошкар-Ола, 2011. С. 88–95.

Выпускники-марийцы Казанской учительской семинарии (в соавторстве с О.А. Сергеевым) // Финно-угроведение. 2012. № 1. С. 59–75.

Выпускники Казанской учительской семинарии: образовательный процесс и личностные критерии (в соавт. с О.А. Сергеевым) // Марийский археографический вестник. 2012. № 22. С. 46–59.

Азан архивӹштӹ кырык мары просветительвлӓн перегӓлтшӹ икманяр документ гишӓн (О документах горномарийских просветителей, хранящихся в госархиве Республики Татарстан) // Марийский археографический вестник. 2013. С. 258–260.

Вятский просветитель Кушелев Павел Семенович // Финноугроведение. 2013, № 2. С. 64–69.

К вопросу об изучении творческих биографий просветителей народа мари Вятской губернии середины XIX – начала XX века (в соавт. с Н.С. Поповым) // Марийский археографический вестник. 2014. № 24. С. 4–15.

Марийцы православных приходов Царевококшайского, Казанского и Чебоксарского уездов Казанской губернии в описании В.Ф. Люстрицкого 1898 г. // Марийский археографический вестник. 2014. № 24. С. 115–122.

Тимофей Семенович Семенов и марийская культура начала XX века (в соавторстве с Н.С. Поповым) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11. Часть 1. С. 146–149.

К проблеме составления истории марийской литературы (методология и периодизация) // Проблемы создания региональной истории литератур народов Поволжья: материалы региональной научно-практической конференции / сост. и науч. ред. А.Ф. Мышкина. Чебоксары, 2014. С. 58–65.

Сӹлнӹшая шӹдӹрвлӓ: кырык мары писательвлӓн творческий портретӹштӹ (Мастера художественного слова: творческие портреты горномарийских писателей): Монография. Йошкар-Ола. 2015. 160 с.

К вопросу об истории переводов произведений Г. Тукая в марийской литературе // Габдулла Тукай и тюркский мир: материалы Международной конф., посвящ. 130-летию со дня рождения Г. Тукая. Казань, 2016. С. 408–410.

Муса Джалиль и марийская литература // Национальная литература республик Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации. Материалы Межрегион. науч.-практ. конф. / под ред. В.Р. Аминевой, А.З. Хабибулиной, Л.Ф. Замалиевой. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 138–140.

Вклад А.А. Васинкина в развитие марийского литературоведения (к 65-летию со дня рождения) // Финно-угроведение. 2016. № 2. С.77–80.

Истоки формирования художественной словесности народа мари. Монография. Йошкар-Ола, 2017. 232 с.

Особенности переводов произведений В. Маяковского на марийский язык в первой половине XX века // Филологические исследования – 2017. Фольклор, литературы и языки народов европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всерос. науч.-практ. конф. (9–13 окт. 2017 г., Сыктывкар) / отв. ред. Ю.А. Крашенинникова. Сыктывкар, 2017. С. 297–299.

Тема революции в марийской поэзии первой половины XX века // Национальные коды европейской литературы в диахроническом аспекте: античность – современность: коллективная монография. Нижний Новгород: ООО «ДЕКОМ», 2018. С. 460–465.

Шуко шӧрынан илышым ончыктымо, но… (В. Осипов-Ярчан «Толкын тӱрлем» повествованийже нерген) (Изображена многогранная жизнь, но... О повествовании В. Осипова-Ярчи «Толкын тӱрлем») // Ончыко. 2018. № 2. С. 142–144.

История перевода произведений М. Лермонтова на марийский язык в первой половине XX века // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: Проблемы регионального литературоведения и фольклористики: материалы XI Междунар. симп. (г. Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.) / сост. и отв. ред. О.Г. Владимирова, И.Ю. Кириллова; ЧГИН, ЧГУ. Чебоксары, 2018. С. 154–162.

Мир человека в романах М. Шкетана «Эрен̌ер» и А. Асаева «Ошвичыжат, йӱксыжат» // Музейный вестник: ежегод. сб. Вып. № 12 / ГБУК «Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева; науч. ред. Д.Ю. Ефремова. Йошкар-Ола, 2018. С. 255–260.

Творчество Сергея Чавайна в контексте литератур народов Урало-Поволжья // Марийская словесность в контексте развития литератур народов Урало-Поволжья: материалы конф. Йошкар-Ола, 2018. С. 91–96.

Творчество Олыка Ипая и художественный опыт марийской литературы // Марийская словесность в контексте развития литератур народов Урало-Поволжья: материалы конференций. Йошкар-Ола, 2018. С. 251–256.

Творческое наследие Гавриила Яковлева: история и перспективы изучения // XVIII Игнатьевские чтения. Материалы докладов и выступлений на ежегодной Регион. науч.-практ. конф. «Роль просветителей в истории, культуре и образовании горных мари», посвящ. 175-летию со дня рождения педагога-священника Г.Я. Яковлева (1843–1912) (Козьмодемьянск, 10 апреля 2018 г.). Йошкар-Ола, 2019. С. 3–10.

Марийская литература первой половины XX в. и диалог культур // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сборник статей по материалам VI Всероссийской научной конференции финно-угроведов (Ижевск, 4–7 июня 2019 г.) / УдмФИЦ УрО РАН. Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. С. 349–353.

Никон Игнатьев школышты: тымдышывлӓлӓн методический палшык / авт.-сост. Н.А. Федосеева. Йошкар-Ола, 2020. 96 с.

Периодическая печать и марийская литература первой половины XX века // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 1. Том 14. С. 88–93.

Особенности перевода Четвероевангелия на марийском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 271–274 (в соавт. с Э.И. Пекшеевой)

Карел дä финн халыквлäн эпосышты // Калевала: карел дä финн халыквлäн эпос / Г.И. Матюковский кырык марлашкы сäрен. Йошкар-Ола: «Мары книгä издательство» издательский пӧрт, 2020. С. 3–6.

Фольклор и литература // История Марий Эл. Т. 1. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 312–317; С. 470–476.

Литература // История Марий Эл. Т. 2. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 271–273; С. 519–522.

Семен Вишневский: солдат и поэт // Марийский архивный ежегодник. 2020. С. 177–183.

Сергей Чавайн: даты, события, свидетельства, оценки // Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 5–19.

«Тангыра» Михаила Атаманова и «Югорно» Анатолия Спиридонова: сравнительно-типологический аспект // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 3. С. 454–458.

Героические эпосы «Дорвыжы» и «Югорно»: сходные мотивы // Ученый. Поэт. Публицист: к шестидесятилетию творческой деятельности В.М. Ванюшева: коллективня монография / УдмФИЦ УрО РАН; отв. ред. Р.В. Кириллова. Ижевск, 2021. С. 54–59.

«Вершины корнями сильны…» // Ученый. Поэт. Публицист: к шестидесятилетию творческой деятельности В.М. Ванюшева: коллективная монография / УдмФИЦ УрО РАН; отв. ред. Р. В. Кириллова. Ижевск, 2021. С. 145–148.

Генезис марийской литературы: первые просветители // Просветительство в истории и современном развитии литературы, культуры и образовании народов России: сб. ст. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2023. С. 537–545.

Жизнь, посвященная литературе // Финно-угроведение. 2023. № 64. С. 65–74 (в соавт. Р.В. Кирилловой).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ившин Л.М. Рецензия на: Н.А. Федосеева. Истоки формирования художественной словесности народа мари. Йошкар-Ола, 2017. 232 с.: илл. // Ежегодник финно-угорских исследований. Том 13. № 3 (2019). С. 538–541.

Карпов И.П. Рец.: Федосеева Н.А. Истоки формирования художественной словесности народа мари. Йошкар-Ола, 2017. 232 с. // Финно-угроведение. 2019 (№ 60). С. 191–195.

Пенькова Мария Викентьевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
МарНИИЯЛИ,
г. Йошкар-Ола
e-mail: penkova25@mail.ru

Maria Penkova
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher
of Vasilyev Research Institute
of Language, Literature and History
Yoshkar-Ola
e-mail: penkova25@mail.ru

УДК 811.511.13

К 75-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ А.Н. РАКИНА

© 2024 г. Е.Н. Федосеева

18 июня 2024 года – 75-летний юбилей главного научного сотрудника Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктора филологических наук, одного из ведущих финно-угроведов и общественных деятелей, широко известного не только в Республике Коми, России, но и за рубежом, председателя Комитета финно-угроведов Российской Федерации Анатолия Николаевича Ракина.

Родился Анатолий Николаевич в 1949 году в селе Деревянск Усть-Куломского района Коми АССР. После окончания Деревянской средней школы поступил на историко-филологический факультет Коми государственного педагогического института. В 1971 году он приступил к работе в Институте языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в том же году был направлен в аспирантуру при Институте языкознания АН СССР в Москву. Его научным руководителем был назначен профессор В.И. Лыткин. С целью сбора материала по теме диссертации Анатолий Николаевич неоднократно выезжал в составе диалектологических экспедиций Коми филиала АН СССР в разные районы Коми республики, занимался сбором полевого материала в Пермской и Мурманской областях. По окончании аспирантуры А.Н. Ракин вернулся в Сыктывкар. Вся его дальнейшая жизнь была тесно связана с наукой и Институтом языка, литературы и истории: в 1976–1982 годах работал в должности младшего научного сотрудника, в 1982–1985 годах являлся ученым секретарем ИЯЛИ, в 1985–1987 годах – заведующим сектором языка, с 1987 года – старший

научный сотрудник, с 1997 года – ведущий научный сотрудник, а в 2004 году стал главным научным сотрудником отдела языка ИЯЛИ.

Диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук на тему «Лексика флоры коми языка» Анатолий Николаевич защитил в Тартуском госуниверситете в 1977 году. Это было первое специальное исследование одной из отраслей коми народной ботанической номенклатуры. В работе рассмотрено более 1500 названий дикорастущей травянистой и ягодной флоры.

Одним из важнейших направлений научной деятельности А.Н. Ракина стало комплексное изучение антропотоминимической лексики, результаты которого легли в основу диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» (Йошкар-Ола, 1997). В данном исследовании впервые в финно-угроведении прослеживается эволюция формирования антропотоминимической системы на важнейших этапах развития пермских языков: в прауральскую, прафинно-угорскую, прафинно-пермскую, прапермскую, пракоми и современную эпоху.

Научные интересы Анатолия Николаевича весьма обширны и охватывают различные аспекты коми языка. Прежде всего они связаны с проблемами лексикологии и лексикографии, этимологии, истории языка. Общий список научных трудов ученого включает более 530 наименований на коми, русском, венгерском, финском, немецком и английском языках, в том числе монографические исследования «Ботаническая терминология коми языка» (1981) и «Антропотоминимическая лексика в пермских языках» (1996). Исследования Анатолия Николаевича составляют новое направление в финно-угроведении и являются важным вкладом в фундаментальную науку.

Большую ценность имеют лексикографические работы ученого: «Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь» (1989), «Коми анатомический словарь» (1991), «Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь» (1993), «Пемӧс нимъяслӧн кывкуд (словарь названий животных)» (2001), «Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд (словарь названий растений)» (2006), «Вӧр-васа олысьяс (Обитатели природы)» (2017). Краткие коми-русские, русско-коми ботанический и зоонимический словари представляют собой первые систематизированные своды ботанической и зоонимической лексики коми языка, включающие в себя как общеупотребительные названия, так и слова, имеющие территориально ограниченный характер употребления. «Словарь названий животных» и «Словарь названий растений» являются переработанными и дополненными изданиями кратких словарей.

Работа «Вӧр-васа олысьяс (Обитатели природы)» (2017) стала значимым научным достижением автора. Данная публикация содержит 113 научно-популярных энциклопедических очерков на коми языке о животных, птицах, насекомых. Актуальность и практическая значимость книги обусловлены как ее

содержанием, так и тем обстоятельством, что аналогичных изданий пока не существует ни по одному из финно-угорских языков Российской Федерации. Эта уникальная работа А.Н. Ракина заняла первое место в Республиканском конкурсе «Лучшая книга года» и отмечена Дипломом Министерства Республики Коми. Она также получила премию Программы родственных народов в категории научных исследований на уральских языках, присуждаемую в Эстонии.

Пять работ Анатолием Николаевичем были опубликованы в серии препринтов «Научные доклады» Коми научного центра: «Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология» (1977), «Этимологии коми названий растений» (1980), «Лексика низшей флоры пермских языков» (1985), «Сомонимическая лексика в пермских языках» (1990), «Остеонимическая лексика в пермских языках» (1995).

Статьи Анатолия Николаевича, опубликованные в ведущих российских научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, а также в зарубежных изданиях, индексируемых в международных библиографических и реферативных базах данных Web of Science и SCOPUS, посвящены актуальным проблемам лексикологии, этимологии, истории и современного состояния словарного состава пермских языков. В них отражены значимые результаты исследований коми-зырянского, коми-пермяцкого и удмуртского языков.

Ученого интересовали также проблемы стилистики коми языка. В коллективной монографии «Современный коми язык. Лексикология» (Москва, 1985) А.Н. Ракину принадлежит глава «Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка», в которой представлено описание основных стилей коми литературного языка, определены их функциональные и экспрессивно-стилистические признаки.

Анатолий Николаевич является одним из создателей научной энциклопедии «Коми язык» (1998), издание которой стало значительным событием в жизни Республики Коми, а также является соавтором энциклопедии «Республика Коми» (1999).

Ракин А.Н. активно участвовал и участвует в работе различных международных, всероссийских, региональных конференций и симпозиумов. С докладами он выступал на международных конгрессах финно-угроведов в Турку, Сыктывкаре, Дебрецене, Ювяскуля, Тарту, Йошкар-Оле, Пилишчабе, Оулу. Анатолий Николаевич является членом исполкома Международного комитета конгрессов финно-угроведов, председателем Комитета финно-угроведов Российской Федерации. По его инициативе в Сыктывкаре в 2004 году была проведена III Всероссийская научная конференция финно-угроведов.

В период подготовки в Сыктывкаре к VI Международному конгрессу финно-угроведов Анатолий Николаевич являлся ученым секретарем Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в связи с чем в сфере

его деятельности оказалось не только организационное обеспечение исследований по языкознанию, фольклористике, литературоведению, искусствознанию, истории, археологии, этнографии и социологии, но и решение конкретных вопросов по проведению самого крупного международного научного форума финно-угроведов.

Большой заслугой юбиляра является популяризация научных знаний. Результаты своих работ Анатолий Николаевич регулярно публикует в журналах «Арт» (Лад) и «Войвыв кодзув» (Северная звезда), на страницах газет, в детском журнале «Би кинь» (Искорка). Его разработки по словарному составу и языку художественной литературы включены в школьные учебники и хрестоматии, а лексикографические издания применяются в качестве учебных пособий на уроках и практических занятиях в школах и вузах.

Кроме исследовательской деятельности А.Н. Ракин большое внимание уделял подготовке научных кадров, под его руководством четверо аспирантов успешно защитили кандидатские диссертации. Он часто выступает оппонентом на защите диссертаций по финно-угорским языкам, долгое время являлся членом специализированного совета по защите докторских диссертаций при Мордовском государственном университете.

Свою научную работу А.Н. Ракин успешно сочетал с преподавательской деятельностью. По совместительству преподавал на должности профессора на финно-угорском факультете СГУ, с 2008 по 2011 год занимал должность профессора кафедры русского и коми языков КГПИ. В 2006 и 2007 годах по приглашению Шведского института в течение 5 месяцев находился в Швеции, в это время в университете г. Уппсала читал лекции и проводил семинары по коми языку для студентов, аспирантов и преподавателей финн-угорской кафедры.

Многогранная научная и общественная деятельность А.Н. Ракина получила заслуженную признательность как в нашей стране, так и за рубежом: он является членом Международного комитета конгрессов финно-угроведов, председателем Комитета финно-угроведов Российской Федерации, членом Комиссии Правительства Республики Коми по наименованиям географических объектов. В 1997 году избран зарубежным членом Финно-угорского общества (Финляндия), был (до 2023 года) членом совета по защите докторских диссертаций при Мордовском госуниверситете, входит в состав редколлегий четырех рецензируемых научных журналов и сборников, входящих в перечень ВАК.

Плодотворный научный труд ученого, его вклад в развитие коми, пермского и в целом финно-угорского языкознания отмечены многочисленными наградами: Анатолий Николаевич награжден почетными грамотами Совета Министров Коми АССР (1985) и Республики Коми (1999), является лауреатом премии Коми комсомола в области науки (1982), лауреатом Государственной премии Республики Коми (1999), заслуженным работником Республики Коми

(2005), почетным работником науки и высоких технологий РФ (2020), награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2010).

С уважением и глубокой признательностью поздравляем Анатолия Николаевича с юбилеем! Желаем крепкого здоровья, творческого долголетия, успехов в реализации новых идей и проектов, неиссякаемой энергии и благополучия! Кузь нэм да бур шуд!

ОСНОВНЫЕ ТРУДЫ

Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар, 1977. 25 с. (Науч. докл. / Коми фил. АН СССР. Вып. 32).

Лексика флоры коми языка: дис. … канд. филол. наук. 1977 // НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 233. 268 с.

Флористическая терминология коми языка: Этимологический анализ // Вопросы лексикологии коми языка / отв. ред. Г.Г. Бараксанов. Сыктывкар, 1979. С. 129–164. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 22).

Этимологии коми названий растений. Сыктывкар, 1980. 22 с. (Науч. докл. / Коми фил. АН СССР. Вып. 59).

Анатомическая номенклатура коми языка с деэтимологизированным элементом // Fenno-Ugristica. Tartu, 1981. № 8. С. 91–100.

Миконимическая лексика пермских языков // Советское финно-угроведение. 1983. № 4. С. 272–278.

Словообразовательная структура фитонимов коми языка // Вопросы лексикологии и словообразования коми языка / отв. ред. Г.Г. Бараксанов. Сыктывкар, 1984. С. 156–176. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 31).

Лексика низшей флоры пермских языков. Сыктывкар, 1985. 25 с. (Науч. докл. / Коми фил. АН СССР. Вып. 115).

Функционально-стилистическая характеристика лексики коми языка // Современный коми язык. Лексикология / отв. ред. А.И. Туркин. М.: Наука, 1985. С. 114–160.

Инструкция по составлению словаря коми языка полного типа: в 2 т. / Коми фил. АН СССР. Сыктывкар, 1986. 23 с.

Сомонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) // Грамматика и лексикография коми языка / отв. ред. Г.В. Федюнева. Сыктывкар, 1989. С. 70–83. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 46).

Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 85 с.

Сомонимическая лексика в пермских языках (диахронический анализ). Сыктывкар, 1990. 36 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 250).

Коми анатомический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991. 156 с.

Остеонимическая лексика коми языка (лексикографический аспект исследования) // Пермистика-3: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. / отв. ред. Г.В. Федюнева. Сыктывкар, 1992. С. 3–5.

Краткий коми-русский, русско-коми зоонимический словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 184 с.

Остеонимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар, 1995. 25 с. (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 361).

Пермская антропотоминимическая лексика и «Краткий этимологический словарь коми языка» // Грамматика и лексикография коми языка / отв. ред. Г.В. Федюнева. Сыктывкар, 1995. С. 84–99. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 58).

Антропотоминимическая лексика в пермских языках. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1996. 156 с.

Ихтионимическая лексика в пермских языках // Пермистика-4: Пермские языки и их диалекты в синхронии и диахронии. Ижевск, 1997. С. 136–143.

Антропотоминимическая лексика в пермских языках: науч. докл., представ. в качестве дис. ... д-ра филол. наук. Йошкар-Ола, 1997. 66 с.

Иноязычный компонент индивидуально-пермской антропотоминимической лексики // Пермистика-7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. ст. Сыктывкар, 1999. С. 162–168.

Индивидуально-пермская анатомическая лексика (на материале коми-зырянского языка) // Коми слово в грамматике и словаре / отв. ред. Г.В. Федюнева. Сыктывкар, 2000. С. 66–72. (Тр. ИЯЛИ. Вып. 62).

Спланхнонимическая лексика в пермских языках: Синхронно-лексикографический анализ // Пермистика-6: Проблемы синхронии и диахронии пермских языков и их диалектов: сб. ст. Ижевск, 2000. С. 145–154.

Пемӧс нимъяслӧн кывкуд = Словарь названий животных. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2001. 264 с.

Антропонимическая лексика в контексте современной коми исторической прозы // Пермистика-9: Вопросы пермской и финно-угорской филологии. Ижевск: Удм. ун-т, 2002. С. 391–398.

Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка // Linguistica Uralica. 2004. № 3. С. 179–187.

Быдмӧг нимъяслӧн кывкуд = Словарь названий растений. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2006. 320 с.

Исследования по пермским языкам. Сыктывкар, 2009. 271 с.

Словарь терминов по биологии на коми языке для общеобразовательных школ // NH – Collegium Fenno-Ugricum. Сыктывкар; Ижевск; Йошкар-Ола; Саранск; Бадачоньтомай, 2011. 40 с.

Коми кыв. Сыктывкар: Коми пединт, 2011, 109 с.

Сравнительное исследование лексики материальной культуры (пермские языки) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. Вып. 4. С. 48–62.

Лексика материальной культуры в пермских языках // Пермистика-13: сб. ст. на материале XIII Междунар. симп. «Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками» (Сыктывкар, 20–21 окт. 2010 г.). Сыктывкар, 2012. С. 182–188.

Морфологические обозначения в системе названий растений коми-пермяцкого языка // Пермистика-XIV: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками (18–19 мая 2012 г.). Кудымкар: ОТ и ДО, 2013. С. 163–170.

Морфологические обозначения в системе названий растений в удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 1. С. 47–54.

Удмуртские названия атмосферных осадков // Ежегодник финно-угорских исследований. 2014. Вып. 4. С. 24–29.

Лексика рыболовства в коми языке // Пути развития пермских языков: история и современность. Сыктывкар, 2014. С. 192–210. (Тр. ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 73).

Обозначения состояния атмосферы в коми языке // Пермистика-15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками / УИИЯЛ УрО РАН, Удм. гос. ун-т. Ижевск, 2015. С. 253–257.

Лексика рыболовства в удмуртском языке // Linguistica Uralica. 2015. № 1. С. 44–56.

Заимствованный компонент метеорологической лексики коми языка // Вестник угроведения. 2016. № 1. С. 50–56.

Исконный фонд метеорологической лексики коми языка (структурно-словообразовательный анализ) // Вестник угроведения. 2016. № 2. С. 58–64.

Вӧр-васа олысьяс: научно-познавательнӧй очеркъяс = Обитатели природы: научно-познавательные очерки. Сыктывкар: Анбур, 2017. 240 лб.

Этимологизация метеорологической лексики коми языка // Linguistica Uralica. 2017. № 1. С 20–26.

Заимствованный компонент метеорологической лексики удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. № 3. С. 18–27.

Обозначения рыболовных средств в удмуртском языке // Пермистика-16: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: сб. науч. ст. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкар. гос. ун-та им. Питирима Сорокина, 2017. С. 243–250

Гидроландшафтная лексика коми языка // Севернорусские говоры. СПб.: Ин-т лингвист. исслед., 2018. Вып. 17. С. 23–38.

Метеорологическая лексика пермских языков в лингвоконтактологическом аспекте // Языковые контакты народов Поволжья и Урала: сб. ст. XI Междунар. симп. (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2018. С. 127–130.

Метеорологическа лексика удмуртского языка (структурно-словообразовательная система) // Linguistica Uralica. 2018. № 3. С 225–234.

Происхождение метеорологической лексики коми языка // Финно-угроведение. 2018. № 59. С. 91–94.

Гидроландшафтная лексика удмуртского языка // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 3. С. 268–276.

Номинация лесного ландшафта в коми-пермяцком языке // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 20–28.

Обозначения субъекта охотничьего промысла в коми языке // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 2. С. 319–327.

Номинация объекта охотничьего промысла в коми языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 2. С. 171–185.

Лексика низменного ландшафта в коми языке // Linguistica Uralica. 2022. Т. 58, № 2. С. 112.

Номинация ландшафтных объектов антропогенного происхождения // Вестник угроведения. 2023. Т. 13, № 2. С. 266–275.

Названия мелких пушных зверей в коми языке // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 2. С. 180–188.

Федосеева Елена Николаевна
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Коми научного центра
Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар
e-mail: lenafed@rambler.ru

Elena Fedoseeva
Candidate of Philological Sciences,
Senior Researcher at the Institute
of Language, Literature and History
Komi Scientific Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar
e-mail: lenafed@rambler.ru

РЕЦЕНЗИИ

УДК37+39(=511.151)

Рец.: Михайлов В.Т. Педагогическая мысль и философские воззрения мари: антология / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет». – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2024. – 548 с.

© 2024 г. Г.Н. Бояринова

Обращение к своим истокам, корням, культуре, всему тому, что характеризует самобытность народа, имеет огромное значение, ибо воспитывать человека с этой позиции – значит формировать его как гражданина и патриота своего Отечества, уважающего культуру других народов, способного жить в гармонии с самим собой, средой обитания и окружающими его людьми. В этой связи активное включение накопленного многими веками уникального опыта народа в процесс формирования личности является важнейшей задачей современности. Одним из основных и значимых способов ее решения, на взгляд автора книги «Педагогическая мысль и философские воззрения мари», является составление антологий педагогических мыслей, где представляется духовно-нравственное наследие народов РФ, вобравшее в себя важнейшие черты национальной жизни и народной мудрости, нравственные и эстетические идеалы, проникнутые общероссийскими и общечеловеческими ценностями. В связи с этим рецензируемое научно-популярное издание Михайлова В.Т., освещавшее важную проблему современного осмысления духовной культуры марийского народа как составной части этих ценностей, представляется, несомненно, актуальным и своевременным и имеет важное научно-практическое значение.

Книга объемом в 548 страниц состоит из предисловия, пяти глав, комментарий, а также списка литературы. Ее ценность складывается из ряда достоинств.

В предисловии вполне конкретно обоснованы исходные позиции изыскания (проблема, цель, задачи, широкий арсенал общенаучных и специально-научных методов, адекватных цели и задачам исследования и др.).

Как указывает автор, составление антологий на педагогическую тему имеет свою историю. Первым опытом стала многотомная антология педагогической мысли народов СССР, изданная в 1980-е годы. В новейшей истории России опыт составления такой антологии имеется только у татарских ученых, к созданию которой в начале XXI века приступил Центр истории и теории национального образования Института истории АН Республики Татарстан. Тем не менее, это перспективное направление не стало предметом научного интереса для педагогической общественности и ученых других национальностей Российской Федерации. В этой связи, по мнению В.Т. Михайлова, составление антологии «Педагогическая мысль и философские воззрения мари» в определенной степени дает возможность заполнить образовавшийся вакуум в этой области.

Целью данного издания являются:

«– изучение генезиса педагогической мысли и философских воззрений марийского народа, выраженных в устном народном творчестве и трудах марийских просветителей во второй половине XIX – начале XX в.;

– выявление и популяризация его духовно-нравственного наследия, проникнутого общечеловеческими ценностями и вобравшего в себя важнейшие черты национальной жизни и народной мудрости, нравственные и эстетические искания, надежды, чаяния многих поколений» (с. 8).

В качестве этнокультурных константов народа мари автор выделяет:

«1) природосообразность как соответствие, единство и гармония с природой («человек – часть природы») и высокую экологическую культуру, определяющих исключительное влияние окружающей природы на менталитет мари, на его жизнедеятельность, на формирование личностных качеств;

2) гуманистическую направленность воспитательного опыта, выражающуюся в уважительном отношении к любой личности, равенстве людей всех национальностей, ибо человек, по определению мари, – «дитя божье»;

3) веру в духовную силу и творческие возможности человека и тем самым создание условий для саморазвития личности;

4) стремление сохранить язык, вековые традиции, свое доброе и честное имя и уважительную память о предыдущих поколениях;

5) веротерпимость, уважительное отношение к религиозным верованиям других народов» (с. 9).

Таким образом, впервые в рамках предложенной книги сделана попытка установления в полной мере национальной картины мира марийского народа, хранившейся в духовной памяти этноса, его сознании и культуре, как системное представление о пространственно-временном мире, Вселенной и месте и назначении человека в этом мире.

Необходимо обратить внимание на источниковую и теоретическую базу исследования. При написании книги автор опирался на теоретический

анализ и синтез научно-педагогических, этнографических, культурологических, этнопедагогических источников, архивных материалов и рукописей, произведений устного народного творчества мари, просветителей марийского народа, а также на описания зарубежных и отечественных исследователей о марийском народе, касающихся его быта, национальных и мировоззренческих особенностей (с. 9). Ознакомление с содержанием книги дает возможность утверждать, что оно основывается на подробном анализе исторической, этнопедагогической, педагогической и учебно-методической литературы по теме, что позволило автору добиться достоверности и обоснованности основных выводов по теме изыскания.

В I главе «Истоки формирования марийской народной педагогики и философской мысли» В.Т. Михайлов анализирует социальные и историко-культурные предпосылки формирования народной педагогики, этнического самосознания и мировосприятия марийского народа, дает историческую справку об эволюционном развитии марийского этноса в течение двух тысячелетий (до 1917 г.). По мнению автора книги, в этот период «зарождалась и развивалась его национальная культура, в которой отразились его духовные обретения и открытия, свои драмы и трагедии, свое видение мира. И составной ее частью стала народная педагогика – основной источник воспитания подрастающего поколения. Педагогические воззрения народа нашли свое отражение в произведениях устного народного творчества (сказках, мифах, легендах и преданиях, песнях, пословицах и поговорках, загадках и молитвах, детских играх, бытовых театрализованных представлениях) и традициях, вобравших в себя важнейшие черты национальной жизни и народной мудрости, этические и эстетические искания, надежды, чаяния многих поколений. В них подняты и осмыслены высокие социально-нравственные проблемы своего времени, имеющие общечеловеческое звучание, что ценно и с точки зрения педагогики. Любовь к родителям и детям, забота о продолжении рода, преданность семье и родному краю, высокая экологическая культура и гуманизм – вот те основные идеи, которыми проникнуто духовно-нравственное наследие марийского народа. Они актуальны и сегодня, перекликаются с проблемами нашего времени, с насущными задачами современной эпохи» (с. 20–21).

В материалах об устном народном творчестве народа мари заложены следующие концептуальные взгляды на фольклор:

1. Автор исходит из признания тезиса о том, что фольклорные произведения способны, совместно с информацией других наук, воссоздать объективный мир. Фольклорный материал – это своеобразный исторический документ, из которого познаются разные стороны жизни народа: его быт, социальные, семейные отношения и др.

2. В разнообразных жанрах фольклора отражаются представления марийского народа об окружающем мире, его настроение и взгляды на жизнь, его философские воззрения.

3. В произведениях устного народного творчества и традициях находят свое отражение педагогические воззрения народа. В них подняты и осмыслены высокие социально-нравственные проблемы своего времени, имеющие общечеловеческое звучание, что важно и с точки зрения современной педагогики.

В следующей главе «Духовное наследие марийского народа» представлен хрестоматийный фольклорный материал различного жанра: календарно-обрядовый фольклор, проза (мифы, легенды, предания, сказки, устные рассказы), малые жанры (пословицы и поговорки, приметы, загадки, запреты), лирика (обрядовые и лирические песни), народная драма. Они отвечают самым высоким требованиям, предъявляемым к такому роду материалам. При их отборе автор стремился ввести в хрестоматию наиболее цельные, идейно и художественно значительные произведения, в которых проявились характерные черты тех или иных жанров, а главное – национальный менталитет и духовное богатство марийского народа.

В III главе «Просвещение мари в составе Российского государства» последовательно выявлены и раскрыты исторические, общественно-политические предпосылки и условия развития просвещения мари в период с середины XVI – начала XX века. В ней в комплексе рассматриваются социокультурные детерминанты, оказывающие влияние на процесс просвещения марийского населения в Казанской губернии, теоретически осмысливается имеющееся наследие в этом процессе, обосновываются возможности преемственного использования данного историко-педагогического опыта в контексте современного национального образования.

Исследование материалов о становлении и развитии национальной системы образования в России во второй половине XIX века позволяло Михайлову сделать ряд выводов, общих для Марийского края и других регионов Среднего Поволжья:

– функционирующая система учебных заведений служила не только целям русификации и христианизации инородческого населения как основы политики царского правительства. Для развития системы народного образования сложились благоприятные политические, социально-экономические и социокультурные факторы, обусловленные всем ходом исторического развития и объективными потребностями России;

– становление и развитие национальной школы способствовало подъему культурного уровня населения края в целом;

– в инородческих школах Среднего Поволжья внедрялась система видного ученого, педагога, общественного деятеля Н.И. Ильминского. Суть его идеи

заключалась в том, что родной язык рассматривался как основа школьного образования; соответственно, и учебная литература должна была издаваться на языке обучаемых.

Конечно, исследования автора по указанным проблемам не носят пионерный характер. Вопросы образования и просвещения народов России изучались и изучаются многими учеными и специалистами, на что автор справедливо ссылается. Между тем, на наш взгляд, В.Т. Михайлову на примере Марийского края удалось на качественно новом уровне обобщить многие исследования и научно-практические наработки и на их базе установить закономерности и специфику процесса просвещения отдельных этнических групп, компактно проживающих в определенных регионах России.

В IV главе «Феномен просветительства как фактор развития педагогической и философской мысли марийского народа» В.Т. Михайлов исследует вклад марийских просветителей в становление и развитие народного образования и гуманитарной науки в Марийском крае. Изучение данной проблемы позволило ему сделать ряд выводов:

– национальное просветительство в Марийском крае, как и во всем Поволжье, сложилось во второй половине XIX века на базе конкретных исторических условий: в период социально-экономических, политических и культурно-образовательных реформ в стране;

– оно, с одной стороны, испытывало на себе влияние русского просветительства, приступившего к переосмыслению исторического опыта как России, так и всего человечества, брало его идеи на вооружение. С другой, в своей деятельности марийские просветители опирались на богатую национальную духовную культуру, на основе которой формировались эстетические и этические воззрения народа. В них подняты и осмыслены высокие социально-нравственные проблемы своего времени, имеющие общечеловеческое звучание, что ценно и с точки зрения педагогики.

Значительное место в книге выделено изучению жизни и деятельности марийских просветителей: С.А. Нурминского, Г.Я. Яковлева, П.П. Ерусланова, Т.С. Семенова, П.П. Глезденева, В.М. Васильева, Ф.Е. Егорова, Г.Г. Кармазина и др., внесших существенный вклад в культуру марийского народа во второй половине XIX – начале XX века. При этом Михайлов В.Т. отмечает, что позитивная этническая идентичность в сочетании с высоким уровнем интеллектуальности и образованности, необыкновенная способность воздействовать на массы людей, энциклопедизм научных и практических интересов национальных просветителей обеспечили их деятельности феноменальность и вечное признание. Их научное и общественно-педагогическое наследие стало базой для последующих научных изысканий в области гуманитарных наук, оно и сейчас остается в активном обороте различных отраслей знаний. С учетом

того, что публикация этнографических и научных трудов просветителей является одной из важных составляющих и эффективным методом изучения марийской педагогической и философской мысли, В.Т. Михайлов в своей книге представляет их труды как систему ценностей, обуславливающих жизненные позиции, пути воспитания и развития современной, созидающей личности.

В заключительной V главе «Народ мари в описаниях зарубежных и отечественных исследователей» автор выявляет концепт «марийское» в трудах отечественных и зарубежных исследователей XVI–XIX веков. Их труды имеют большое значение для отечественной этнографии, так как в них нашли отражение особенности быта, традиций, мировоззрения марийского народа в описываемый период. По мнению автора книги «Педагогическая мысль и философские воззрения мари», в исторических свидетельствах русских и иностранных путешественников, литераторов и ученых нового времени среди характеристик марийской ментальности, составляющих концептосферу «марийское», можно назвать следующее: воинственность и упрямство и в то же время смиренность, незлобивость и нековарность, приверженность к обычаям и традициям предков (с. 483).

Книга относится к жанру научно-популярного издания, ее серьезная научная оснащенность не препятствует доступности содержания и хорошо воспринимается читающей аудиторией. Легкость и увлекательность изложения облегчают восприятие материала и делают его занимательным.

Материалы книги представляют практическую ценность для специалистов в области педагогики и образования, ученых-философов, историков, филологов, студентов и аспирантов, могут быть составной частью изучения истории школы и образования марийского народа, его духовного наследия, а также использованы в комплексном исследовании культурного наследия народов России.

Бояринова Галина Никитьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка
и литературы Марийского
государственного университета,
г. Йошкар-Ола
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

Galina Boyarinova
Candidate of Philological Sciences,
Associate professor of the Mari Language
and Literature Chair
at the Mari State University,
Yoshkar-Ola
e-mail: galnikbojar@ mail.ru

УДК 902/903(470.343)

**Рец.: Никитина Т.Б., Никитин В.В., Ефремова Д.Ю.
Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры /
Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы
и истории им. В.М. Васильева, Национальный музей
Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. –
Йошкар-Ола: Принтекс, 2024. – 206 с.**

© 2024 г. Н.Б. Крыласова

26 мая 2024 года в рамках грандиозной выставки-форума «Россия» на ВДНХ состоялось яркое событие – презентация книги «Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры» [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024].

Первое впечатление – книга очень красивая, весомая и благородная. Надо отдать должное команде фотографов и дизайнеров, которые творчески и с большим пиететом к археологическим артефактам подошли к оформлению этого издания. Мало того, книга содержит элементы дополненной реальности, которые можно посмотреть через специальное приложение (правила просмотра подробно описаны на второй титульной странице издания).

По жанру издание представляет собой иллюстрированный каталог археологических предметов, обнаруженных на памятниках разных хронологических этапов, – от эпохи камня до средневековья, происходящих преимущественно из могильников и нашедших отражение в погребально-поминальной обрядности. Обобщенные в книге материалы получены в результате многолетних работ Марийской археологической экспедиции в Республике Марий Эл и на соседних территориях, связанных с происхождением и древними истоками марийской культуры. В целом работа основана на 156 предметах, введенных в каталог издания с привлечением широкого круга аналогий из ранее опубликованных источников.

Авторами проведена огромная подготовительная работа по отбору предметов, хранящихся в разных музеях. Многие из представленных в издании предметов при подготовке к публикации были отреставрированы, и их фото публикуется впервые. А некоторые артефакты вообще впервые вводятся в научный оборот. Качественные фотографии позволяют во всей полноте ощутить красоту и завораживающую магию древних артефактов. Это очень

важно и для неподготовленных читателей, впервые знакомящихся с наследием Марийского края, и для специалистов, получивших возможность сравнивать материалы не только по внешнему виду, но и по технологическим особенностям изготовления, которые хорошо прослеживаются на фотографиях. В конце книги приведен полный каталог предметов с указанием размеров, материала, из которого изготовлен предмет, места нахождения, датировки, места хранения и полной сводки публикаций, в которых данный предмет использован. Эта информация имеет важное научное значение. В частности, как отмечают авторы, отдельные вещи имеют спорную интерпретацию, и, обратившись к указанным публикациям, читатель сможет сам сформировать свое отношение к каждой вещи [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, с. 11].

Каталог отличается оригинальной структурой подачи материала, который обычно в подобных изданиях располагается в хронологическом порядке. Кроме важной задачи познакомить читателя с ярчайшими образцами археологического наследия Республики Марий Эл, авторы поставили перед собой цель раскрыть через вещевой материал богатый мир представлений древних марийцев об окружающем мире, составляющих основу мировоззрения народа. В книге предлагается образно-сюжетный подход, позволяющий связать символы, графемы, образы, заложенные в археологическом материале, с устным народным творчеством. Подобный подход способствует более полному и целостному восприятию историко-культурного наследия народа и, безусловно, позволяет «оживить» археологические предметы, сделать их более понятными для читателей.

В соответствии с избранным подходом в отдельных разделах книги подробно рассматриваются предметы разных эпох с солярной символикой, с изображениями медведя, лося, водоплавающих и хищных птиц, змеи, коня. Последний раздел посвящен привозным предметам. Подкупают поэтические названия глав, в качестве которых использованы марийские пословицы и поговорки.

Книга подготовлена на высоком профессиональном научном уровне. Авторы предельно полно и в то же время доступным языком характеризуют археологический материал. Каждый из приведенных в каталоге предметов не просто детально описан, наглядно иллюстрируя повествование, но и представлен в археологическом контексте, демонстрируя, какое место он занимал в костюме, в быту или в погребальной обрядности. Сопоставляя выводы о символике отдельных украшений с их местом в костюме, авторам в отдельных случаях вполне убедительно удалось воссоздать их систему. В частности, в качестве примера можно привести вывод о том, что размещение украшений в средневековом костюме марийской женщины отражал дневной путь светила. Зона солнца в фазе активности (полный круг) отражалась в головном

уборе в виде охватывающих голову цепочек, с которых свисали подвески с бубенчиками, имитирующие солнечные лучи. В центральной части костюма помещались украшения, символизирующие восходящее солнце. Нижний горизонт угасающего солнца обозначен обувными подвесками [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, с. 29].

Описание мифологических образов в книге зачастую сопровождается этнографическими параллелями из марийских сказок, заговоров, песен, поговорок, обрядов, особенностей марийского костюма.

Среди археологов отношение к этнографическим параллелям двоякое. С одной стороны, иной возможности, кроме как обратиться к этнографическим материалам для интерпретации археологических находок, вроде и не существует. С другой стороны, не известно, в какой полноте до этнографического времени могли сохраниться мифологические представления людей, живших многие сотни лет назад. Судя по артефактам и фиксируемым традициям, мифологический мир в древности и средневековье был значительно богаче и сложнее, и до нас сохранились лишь отдельные следы былых представлений.

Приведенные в книге отсылки к этнографическим материалам весьма уместны и тактичны. В результате обращения к ним авторам удалось найти новые объяснения многих символов (змеи, солнца), характерных именно для марийского населения Ветлужско-Вятского междуречья и связанных с ландшафтно-географическими особенностями региона.

Лишь один момент оставляет поле для дальнейших размышлений.

Среди средневековых материалов, которые были обнаружены на территории Марий Эл, представлено довольно много вещей, их происхождение связано с более восточными культурами.

В частности, арочные и биконьковые шумящие подвески т.н. «прикамского типа» зародились и развивались в предуральских культурах (ломоватовской, неволинской, кушнаренковской) еще с VII века (а эволюцию арочных подвесок можно возвести еще к концу раннего железного века) [Голдина, Водолаго, 1990, табл. LXVIII: 59, 60, 66; LXIX: 39, 46; Халикова, Халиков, 2018, с. 55; Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 209–216]. У населения Ветлужско-Вятского междуречья получили распространение уже развитые типы подобных подвесок, характерные для конца IX–XI веков. Нередко основы таких подвесок снабжались местными шумящими привесками [напр.: Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, № 26–28], среди которых наиболее характерными были очковидные привески [там же, № 24–25]. Л.А. Голубева полагала, что щитки (основы) этих украшений привозились с территории Верхнего Прикамья, а шумящие привески к ним изготавливались уже на марийской территории с учетом местных вкусов [1987, с. 111]. Нельзя не согласиться с тем, что

арочные подвески со сплошной основой, очевидно, возникшие под влиянием литых ажурных прототипов, являются характерными именно для Ветлужско-Вятского междуречья, что отмечал еще Г.А. Архипов [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, с. 31–33]. Но вот утверждение, что «в отличие от Прикамья, где подвески использовались в качестве накосных украшений, в марийских захоронениях они обнаружены по обеим сторонам груди и являлись парным нагрудным украшением» [там же, с. 117], не настолько однозначно. Дело в том, что в связи с особенностями погребального обряда эти парные подвески обычно всегда располагались в женских погребениях по обе стороны груди или чуть ниже – в районе пояса. В ранних работах они тоже расценивались исследователями как нагрудные подвески, укреплявшиеся у плеч и спускавшиеся по сторонам груди [Талицкий, 1951, с. 57; Голубева, 1966, с. 98]. И только многолетние наблюдения, полученные при раскопках могильников, позволили интерпретировать их как украшения кос. Не сомневались в такой интерпретации Е.А. и А.Х. Халиковы [2018, с. 55].

Наиболее тесную связь средневековые материалы Ветлужско-Вятского междуречья обнаруживают с материалами из Пермского Предуралья. В каталоге можно найти еще многие вещи, которые широко представлены в ломоватовской культуре (хотя известны и на других территориях): пряжка с изображением медведя в ритуальной позе (№ 42), кресала с бронзовой рукоятью (№ 43, 82, 92–93, 97 и пр.), пронизки-птички (№ 56–58), фигурки птиц с личиной на груди (№ 81). Сюда же можно отнести еще отдельные типы наборных поясов, а также поясные кошельки и отчасти деревянные ножны, обложенные металлическими пластинами (которые больше тяготеют к материалам поломской культуры). Совершенно правы авторы в том, что серебряные подвески, которые из-за историографического казуса зачастую именуются в литературе подвесками-«всадницами», являются атрибутами мужского костюма и, безусловно, изображают мужчину-всадника [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, с. 121–122]. Это подтверждают и материалы ломоватовских могильников, в частности Баяновского, где они сопровождают статусные погребения воинов [Белавин, Иванов, Крыласова, 2009, с. 199–200].

В ломоватовской культуре, в свою очередь, ощущается значительное влияние со стороны населения Ветлужско-Вятского междуречья, которое особенно заметно в период X–XI веков.

Этот вопрос не остается без внимания, он неоднократно становился предметом обсуждения с авторами книги, отдельно поднимался в диссертации А.В. Акилбаева [2017]. Однако пока все равно остается загадкой, на чем были основаны такие тесные взаимоотношения и каков был механизм связей.

Эта тема затронута не случайно, ведь далее логично следует вопрос – а насколько правомерно интерпретировать материалы инокультурного происхождения с позиций марийской мифологии? И этот вопрос, конечно, тоже требует дальнейшего осмысления. Обычно в ранние эпохи украшения костюма использовались не столько для красоты, сколько служили особого рода знаками, амулетами, имевшими особое значение для того этноса, в недрах которого они зародились. Они, как правило, не являлись предметами торговли, и на другие территории попадали исключительно с носителями этих вещей. А.В. Акилбаев в результате исследования пришел к таким выводам: «Большое количество вещей прикамского происхождения …может говорить о широких этнических контактах, но отсутствие полных комплексов этих вещей и анализ материалов древнемарийских могильников в целом не позволяют делать выводы о проживании сколько-нибудь значительного числа прикамского населения на рассматриваемой территории совместно или чересполосно с древними марийцами»; «прикамские вещи, проникнув на территорию Ветлужско-Вятского междуречья посредством контактов с пермским населением еще в IX вв., стали характерными для древнемарийской культуры, прочно вошли в состав как женского, так и мужского древнемарийского костюма, носились вместе с этническими или привозными предметами» [Акилбаев, 2017, с. 149]. В рассматриваемом издании авторы тоже неоднократно это подчеркивают, например, биконьковые шумящие «подвески найдены в женских погребениях в комплексе костюма с другими ярко выраженными этническими украшениями (височными кольцами, головными цепочками и т.д.)» [Никитина, Никитин, Ефремова, 2024, с. 116]. Следовательно, вещи инокультурного происхождения были восприняты населением, интегрированы в местную культуру и, несомненно, заняли свое место в древнемарийском мировоззрении.

В итоге хотелось бы еще раз подчеркнуть, что представленное издание, несомненно, сыграет значимую роль в популяризации культурного наследия Республики Марий Эл среди широкого круга читателей, а для научного сообщества послужит ценнейшим источником и стимулом для дальнейших изысканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Акилбаев А.В. Древнемарийские памятники IX – начала XII вв. в системе древностей Великого Волжского пути (по материалам украшений и предметов одежды): дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 175 с., ил.

Белавин А.М., Иванов В.А., Крыласова Н.Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа: изд. дом БГПУ, 2009. 285 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск: изд-во Иркут. ун-та, 1990. 176 с.

Голубева Л.А. Коньковые подвески Верхнего Прикамья // Советская археология. 1966, № 3. С. 80–98

Голубева Л.А. Марийцы // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука, 1987. С. 107–115.

Никитина Т.Б., Никитин В.В., Ефремова Д.Ю. Предмет, образ, символ: к истокам марийской культуры / Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им.В.М. Васильева, Национальный музей Республики Марий Эл им. Т. Евсеева. Йошкар-Ола: Принтекс, 2024. 206 с.

Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). «Археология евразийских степей». Вып. 25. Казани: «Фән», 2018. 144 с.

Крыласова Наталья Борисовна
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института гуманитарных исследований
УрО РАН; профессор Пермского
государственного гуманитарно-
педагогического университета,
г. Пермь
E-mail: n.krylasova@mail.ru

Natalia Krylasova
Doctor of Historical Sciences,
Chief Researcher of the Institute
of Humanitarian Research of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences;
Professor of Perm State Humanitarian-
Pedagogical University,
Perm
E-mail: n.krylasova@mail.ru

ХРОНИКА

УДК 902 (470.343)

ПАМЯТИ ВАЛЕРИЯ ВАЛЕНТИНОВИЧА НИКИТИНА (1940–2024)

В 2024 году ушел из жизни Никитин Валерий Валентинович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник МарНИИЯЛИ, известный российский археолог, исследователь эпохи камня и раннего металла Волго-Камья.

Валерий Валентинович родился 17 февраля 1940 года на правобережной Украине в с. Плужное Каменец-Подольской (ныне Хмельницкой) области Украинской ССР. После окончания средней школы и училища механизаторов, трудился на целине. После демобилизации из рядов Советской армии в 1962 году поступил на историко-филологический факультет Марийского государственного педагогического института им. Н.К. Крупской.

Первые представления об археологической науке В.В. Никитин получил благодаря лекциям преподавателя института В.И. Цехмистренко и участию в раскопках городища Беляус под руководством известного специалиста по древней истории Крыма О.Д. Дашевской.

После окончания вуза Валерий Валентинович работал на Крайнем Севере школьным учителем (г. Урай Тюменской области), в нефтеразведочной бригаде на буровой установке.

Начало научной деятельности В.В. Никитина связано с работой в дореволюционном отделе в Марийском научно-краеведческом музее в качестве сотрудника, а затем заведующего отделом. В музее учёный занимался обработкой обширных материалов Марийской археологической экспедиции (МарАЭ) и Новостроечной Чебоксарской экспедиции Института археологии

академии наук СССР, принимал активное участие в археологических экспедициях под руководством Г.А. Архипова.

В ноябре 1971 года Валерий Валентинович перешёл на работу в Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории в отдел археологии и этнографии в качестве младшего научного сотрудника. В 1983 году он возглавил отдел археологии и этнографии, а в 1986 году стал заведующим отделом археологии.

Первая научная тема В.В. Никитина связана с изучением средневолжских волосовских древностей. Созданная А.Х. Халиковым концепция волосовской культуры требовала уточнения. Раскопки Уржумкинского, Ахмыловского II, Мазарского I, Баркужерского III, Майданских и др. поселений существенно дополнили представления о материальной и духовной культуре волосовского населения. Стажировка в Институте археологии АН СССР и заочная аспирантура в Институте истории КФАН СССР способствовали успеху исследования.

С 1976 года по 1979 год без отрыва от основной работы Валерий Валентинович заочно окончил аспирантуру Института языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, руководитель А.Х. Халиков. В 1983 году он защитил кандидатскую диссертацию «Энеолит Волго-Камского междуречья» в Ленинградском отделении Института археологии РАН СССР. Она была опубликована в виде монографии «Медно-каменный век Марийского края (середина III − II тысячелетие до н.э.)» в 1991 году.

Дальнейшая научная деятельность Валерия Валентиновича была посвящена решению проблем эпохи камня. В начале 1980-х годов древнейшие периоды истории Марийского Поволжья были представлены сравнительно небольшими материалами раскопок 1950-х годов. За короткий отрезок времени им были открыты и изучены многочисленные стоянки и поселения эпохи мезолита (Удельный Шумец X, XII, Ясачное I, Дубовские XI, XIII, XVIII, Нижняя Стрелка I, VI и др.); неолитических культур накольчатой (Дубовское III, Отарское VI и др.) и ямочно-гребенчатой (Галанкина Гора II, Дубовские VIII и др.) керамики. Находки на поселениях костей домашних животных позволили уточнить время зарождения производящего хозяйства в лесной полосе. Получены свидетельства взаимодействия степных и лесостепных сообществ V тыс. до н.э. с носителями камской и волго-камской керамики. Разработка этой тематики продолжалась до настоящего времени.

Результаты длительного изучения древнейших периодов истории Ветлужско-Вятского междуречья отражают книги «Каменный век Марийского края» (1996); «Ранний неолит Марийского Поволжья» (2011); «Культура носителей посуды с гребенчато-ямочным орнаментом в Марийско-Казанском Поволжье» (2015); «Мезолит Марийского Полесья» (2018); «Культура носителей керамики камского стиля в левобережье Марийско-Казанского Поволжья» (2020).

Возглавляя с 1993 года Марийскую археологическую экспедицию, Валерий Валентинович внес неоценимый вклад в археологическое изучение Марийского Поволжья, раскопав десятки древних поселений, лично открыл свыше 500 археологических объектов. Он − один из инициаторов возрождения созданной А.Х. Халиковым серии «Труды Марийской археологической экспедиции», насчитывающей девять томов.

В 1998 году в Институте археологии Российской академии наук по совокупности опубликованных работ была защищена докторская диссертация «Мезолит и неолит Среднего Поволжья».

За свою долгую научную карьеру Валерий Валентинович проявил себя как многоплановый исследователь. Он занимался проблемами культурогенеза, материальной и духовной культуры племен каменного и бронзового веков, социально-экономического устройства первобытных коллективов. Накопленные многолетними исследованиями материалы позволили ему ставить и решать вопросы палеодемографии и палеоастрономии, проводить серьезные изыскания по мифологии и древнейшим календарным схемам, искусству и погребальным культам населения эпохи камня и бронзы.

Всего В.В. Никитиным опубликовано более 200 работ, часть из них в соавторстве (Никитин 1991, 1996, 2009, 2011, 2015, 2017, 2018, 2020; Никитин, Никитина, 2004; Никитин, Патрушев, 1982; Никитин, Соловьев, 1990, 2002; Никитин, Старостин, 1978; Никитина, Никитин, Ефремова, 2024).

Многогранная научная деятельность Валерия Валентиновича отмечена многими наградами: ему присуждено звание заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, награжден Почетной грамотой Правительства Республики Марий Эл, Благодарностью Государственного Собрания Республики Марий Эл за личный вклад в развитие науки, медалью ордена «За заслуги перед Марий Эл». Высокую оценку получили монография «Археологическая карта Республики Марий Эл» (Государственная премия Республики Марий Эл в области научной публикации: естественных и гуманитарных наук имени М.Н. Янтемира) и издание «К истории марийского искусства» (Диплом Республиканского конкурса «Книга года Марий Эл»).

Светлая память о Валерии Валентиновиче Никитине останется навсегда в сердцах тех, кто имел возможность работать, учиться и общаться с ним.

Коллектив Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева

«Финно-угроведение», № 3 (67) 2024

16+

Научный журнал

Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–73922 от 12.10.2018 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Корректор *Л.К. Александрова*
Компьютерная верстка *З.Г. Воронцовой*
Английский текст *Н.М. Красновой*
Дизайн обложки *Ю.П. Клюкина, В.В. Безденежных*

Адрес редакции и издателя:
424036, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
телефон: 8(8362) 64-19-28, 45-06-47
т. факс 8(8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.gov.ru

Подписано в печать 23.09.2024. Вышел в свет 27.09.2024. Формат 70x100/16.
Усл. печ. л. 11,38. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Заказ № 2222.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ИПФ «Стринг»
424006, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, ул. Строителей, 95,
помещение 12-12А, корпус 101А